



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

### **Правила использования**

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.  
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.  
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.  
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.  
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

### **О программе Поиск книг Google**

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

### **Usage guidelines**

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

### **About Google Book Search**

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



**Columbia University**  
**in the City of New York**

THE LIBRARIES







75 d

2/128

# РУССКІЕ

## ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ XVI ВѢКА.

Кандидата историко-филологическаго факультета

**Владимира Иконникова.**



КЛЕВЪ.

Въ университетской типографіи.

1866.

947.4

Ik7

38-36278

(Изъ Университетскихъ Извѣстій 1866 года).





## РУССКІЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ XVI ВѢКА.

• Въ жизни народовъ и государствъ до сихъ поръ гораздо менѣе изучали болѣзненныя состоянія, причины ихъ и ихъ излеченія, чѣмъ времена процвѣтанія и здоровья. Слишкомъ мало еще обращали вниманія на ихъ внутреннюю борьбу и развитіе, и всего менѣе изслѣдовали, и всего пристрастнѣе судили то, что жило, дѣйствовало и страдало въ глубинѣ обществъ, что томилось тамъ и вырывалось на поверхность. »

*Шиммерманъ (Ист. крест. войны въ Германіи).*

• Всѣмъ бѣдамъ вѣти — мѣнѣе, мѣнѣе — второе паденіе. »

*Размышленія русскаго книжника.*

### I.

Въ XVI вѣкѣ въ Россіи уже многіе ощущали какое-то общественное броженіе, которое повидимому не походило на предъидущія подобныя явленія, но быть можетъ потому бросалось въ глаза, что захватило болѣе обширное поле. Людямъ, вникающимъ въ дѣло, признаки этого броженія представлялись съ отрицательнымъ характеромъ. Имъ казалось, что еще недавно этихъ признаковъ даже и не существовало, тогда какъ теперь они только рѣзче обозначились; имъ казалось, что если зло пойдетъ далѣе, то и земля не долго простоятъ, а тутъ еще роковая идея о кончинѣ міра на восьмомъ вѣкѣ не бросала русскіе умы..... Плохо, казалось, жить на свѣтѣ, да и когда мистикамъ оно казалось хорошо... Однимъ словомъ »земля замѣшалась... пришли нестроенія великія« (Ак. Экспед. I, № 172).

Въ 1551 г. Іоаннъ Грозный созвалъ соборъ, и на немъ было ясно заявлено, что на Москвѣ »поисхатались обычаи и самовластіе учинилось по своимъ волямъ, и преданія законы порушились«. Этимъ соборомъ Іоаннъ какъ-бы хотѣлъ охватить всю жизнь русскаго общества и дать ей лучшее направленіе, потому что соборъ назначался »во ис-

правление церковнаго благочинія, государственнаго управления и всякаго земскаго строенія».

Впрочемъ уже въ самой задачѣ собора исправленію этихъ нестройныхъ придавался односторонній, пассивный характеръ, потому что ихъ думали устранить однимъ утвержденіемъ «прародительскихъ законовъ». Такъ еще и теперь думали успѣть посредствомъ одной запретительной системы, а между тѣмъ вплоть до XVI вѣка и далѣе она постоянно выказывала свою недостаточность. Постоянныя повторенія однихъ и тѣхъ же запрещеній и обличеній лучше всего свидѣтельствуешь объ этомъ. Созваніемъ собора заявлялась потребность реформы, а недостатки общества, выставленные на видъ соборомъ, были такого характера, что ясно показывали всю недостаточность прежней системы, и въ то же время требовали существенныхъ мѣръ. Старая система оказалась гнилою; новыя мѣры требовали и новыхъ людей. Картина общества, начертанная соборомъ, показываетъ, что его вожатые были плохи, а мѣры, предпринятыя соборомъ, свидѣлствуютъ, что его представители были не способны исправить дѣло.

Для лицъ, которыя брались вести общественную реформу, предстояло два пути: выставить наружу недостатки, назвать ихъ настоящимъ именемъ и наложить запрещеніе на будущее время, или серьезно подумать о дѣлѣ и одѣнить прежнюю систему, насколько она имѣетъ въ себѣ задатковъ жизни. Реформаторы Стоглаваго собора выбрали первый путь, потому что сами принадлежали въ старой системѣ и не желали выпустить общественную опеку изъ своихъ рукъ. Но они же сами и оставили намъ печальныя свидѣтельства о тѣхъ результатахъ, въ которыхъ привело ихъ одностороннее направленіе. Стоглавъ—это обличеніе несостоятельности цивилизаціи древней Руси и вмѣстѣ съ Домостроемъ крайній ея выводъ.

Стоглавъ по преимуществу имѣетъ дѣло съ обществомъ и въ особенности захватываетъ его религіозную сторону, какъ самый существенный элементъ древне-русской цивилизаціи; Домострой рисуетъ идеальную картину семейной жизни, тоже по старинѣ, не дѣлая поруки ни старымъ мнѣніямъ, ни старымъ обычаямъ. И Стоглавъ, и Домострой ожидали блага исключительно отъ закрѣпленія стараго; если общественныя подпорки разшатались, то ихъ, по взгляду того и другаго, слѣдовало только утвердить поврѣпче—и вѣка ихъ не сдвинуть!

Принципы этихъ двухъ памятниковъ, посредствомъ которыхъ хо-

тѣли дѣйствовать на общество ихъ творцы,—въ сущности одинаковы. Но прежде посмотримъ, насколько были проникательны въ своеѣ дѣлѣ дѣатели Стоглава, взявшіе на себя инициативу исправленія общества. Ясно, что они видѣли зю, но много значить и то, какими глазами и съ какой стороны они взглянули на него.

Плохія времена наступили: соблазнъ учинился міру, таѣ что иноземцы только дивятся (Стоглавъ, вопросы 10 и 14), тѣ иностранцы, которыхъ русскіе всегда считали погаными и погибшими, съ которыми блюстители древне-русской чистоты запрещали даже ѣсть, пить, бесѣдовать...., сообщеніе съ которыми считалось даже грѣхомъ. И теперь на этихъ иноземцевъ указываютъ во всеуслышаніе, какъ на лучшихъ отличителей національнаго зла.—Было надъ чѣмъ призадуматься....

Религиозная жизнь, въ которой постоянно вращался древне-русскій людъ, далеко отступила отъ идеаловъ, построенныхъ Антоніями, Θεодосіями, Нилами Сорскими. Ходъ дѣлъ и ее втянулъ въ общій водоворотъ жизни. «Свѣтъ монастырскаго житія, — это подобіе, какъ говорили тогда, ангельскаго житія на землѣ, (слова Вассіана Косаго, Чтен. Моск. общ. ист. 1859, № III, с. 1)—померкъ». Лучшіе его представители—Артемій, Θεодоритъ Кольскій, Пансій Ярославовъ, встрѣтили противодѣйствіе братіи потому только, что требовали отъ нея исполненія долга. (Сказанія Курбскаго, изд. 2-е, 134, 132). Отрасть сребролюбія и сластолюбія обуяла монашество. (Стоглавъ, по изд. Кожанчикова, стр. 169).

Нѣкоторые, говорили на соборѣ, теперь стригутся ради покоя тѣлеснаго, чтобы всегда бразничать и ѣздить по селамъ для прохлады. Черницы и черницы по міру волочатся и живутъ въ міру, не зная даже что такое монастырь. Старецъ поставитъ въ лѣсу калю или церковь срубить, да и идетъ по міру съ иконою просить на сооруженіе, а у царя земли и руги просить, а что собралъ — то прошесть, такъ что людямъ только соблазнъ. Черницы и черницы, мужики и бабы, настроенные разными снами и видѣніями, скитаются по городамъ и дворамъ и объявляютъ свои пророчества, собирая деньги подъ предлогомъ сооруженія церкви или искупленія отъ долговъ; и по рынкамъ ходятъ съ образами безчинно, такъ что иноземцы и иновѣрцы дивятся, а въ православныхъ возбуждаютъ подозрѣніе. Нѣкоторые иноки не могутъ сносить монастырскаго устава и наказанія и, позабывъ свои обѣты, пляжуются по городамъ и селамъ, надѣдая царю и благочестивымъ людямъ;

они своимъ поведеніемъ только вводятъ въ соблазнъ и смущеніе многихъ православныхъ. Если у насъ есть въ обителяхъ напитки, то мы не можемъ воздержаться отъ пьянства; мы не хотимъ и слышать о томъ, чтобы пить только по одной, по двѣ или по три чаши, и то извѣстной мѣры; наша мѣра — напиться на-позаль, такъ чтобы и себя не помнить, до блевоты. Таковъ ужь обычай! Въ монастыряхъ живутъ черницы и черницы вмѣстѣ, а по кельямъ въ иныхъ мѣстахъ жовки и дѣвки небрежно приходятъ, и онѣ по сговору съ судьями на чернецахъ и на попахъ ищутъ срамоты. И ребята молодые, голоусые, живутъ по всѣмъ вельямъ невозбранно, и ѣздятъ съ чернецами по селамъ и по міру безъ всякаго зазрѣнія. Даже въ баню мужи и жены, иноки и черницы ходятъ, не стыдась, вмѣстѣ. А архимандриты и игумены добиваются сановъ деньгами, лишь-бы получить власть; службы же церковной и монастыря они даже не знаютъ и покоятъ себя въ кельѣ съ гостями; да племянниковъ своихъ содержатъ въ монастырѣ и удовлетворяютъ ихъ всѣмъ монастырскимъ, а монастыри опустошаютъ и вкладчиковъ изгоняютъ, такъ что братія обѣднѣла, страдаетъ голодомъ и жаждою и томится всякими нуждами; потому что все богатство перешло въ вѣстамъ, а онѣ его истожили вмѣстѣ съ своими родственниками и друзьями. Между тѣмъ своимъ же крестьянамъ епископы и монастыри, въ случаѣ нужды, отдаютъ деньги и хлѣбъ не иначе какъ въ ростъ, и отъ такой тягости села пустѣютъ.... (стр. 44, 45, 47, 49, 137, 166—169, 176, 222, 228, 245, 248) 1).

И пастыри, и овцы вмѣстѣ заблудились. Попы и церковные причетники въ церкви бываютъ всегда пьяны, и тогда всякія неподобныя рѣчи исходятъ изъ устъ ихъ, а подѣ-часъ и быются въ церкви, а міране, смотря на ихъ безчиніе, дѣлаютъ то же, все равно, какъ на торжищахъ и играхъ, или на пиру и въ корчмахъ: «лаются безъ стыда всегда и всякими уворизнами неподобными, скаредными и богомерзкими рѣчами» 2). А вотъ еще учинилось великое зло: нѣкоторые, многимъ лю-

1) Максимъ Грекъ свидѣтельствуетъ, что въ случаѣ неуплаты долга монастырскими крестьянами, ихъ духовные владѣльцы отнимали у нихъ все и подвергали еще истязаніямъ.

2) Князь Вассіанъ о монахахъ-клирошанахъ говоритъ: «какъ волю ревутъ другъ передъ другомъ, ногами пинаютъ, руками трясуть и головами биваютъ, испуская гласы подобно бѣснующимся.» Разсуж. Вассіана. Чтен. Моск. общ. 1859, III, 15.

дямъ на смятеніе и на соблазнъ и погибель, скверное беззаконіе творятъ — содомскую пагубу, за что отъ множества народа и отъ ино-вѣрныхъ бываетъ поношеніе и укоризна вѣрѣ. На Ивановъ день и въ навечеріе Рождества Христова и Богоявленія сходятся мужи, и жены, и дѣвицы на бѣсовскія пѣсни и плясаніе: тогда бываетъ отрокамъ оскверненіе и дѣвкамъ растлѣніе, а которые тяжутся—на полѣ бьются (на поединкахъ) и кровь проливають, и въ то время волхвы и чародѣи помогаютъ имъ волхвованіемъ. Просвирицы, подобно чудскимъ арбуямъ, надъ просвирами приговариваютъ—и тѣ просвиры попу даютъ. У иныхъ дѣти рождаются въ сорочкахъ — и тѣ сорочки приносятъ къ попамъ и велятъ ихъ класть на престолѣ до шести недѣль; а на освященіе церкви міране приносятъ мыло и велятъ его также попамъ держать на престолѣ шесть недѣль. Въ великій четвергъ назарѣ солому палать и кличутъ мертвыхъ, а нѣкоторые неразумные попы тогда соль подъ престолъ кладутъ и держатъ ее до седьмага четверга по великому дню, и ту соль раздають на врачеваніе людямъ и скоту. Да по погостамъ и по селамъ ходятъ живые пророки—мужики, жонки, дѣвки и старыя бабы—нагіе и босые, волосы отростивъ и распустя; трясутся и убиваются, и говорятъ, что имъ являються святыя Пятница и Настасія—и заповѣдываютъ въ среду и пятницу ручной работы не дѣлать, а женщинамъ — не прастъ и платья не мыть и камня не разжигать, а иные еще заповѣдываютъ богомерзкія дѣла творить.... (стр. 51, 52, 53, 99, 128, 129, 136, 138, 141, 142).

Эта темная картина общественной жизни становилась еще мрачнѣе отъ полной безпомощности страдавшихъ физическими недугами и бездомныхъ ватагъ, любившихъ жить на чужой счетъ. На соборѣ жаловались, что «дѣти боярскіе, и люди боярскіе, и всякіе бражники зерню играютъ и пропиваются, службы не служатъ, ни промышляютъ, и отъ нихъ всякое зло чинится, крадутъ и разбиваютъ, и души губятъ».... (стр. 226, 137).

Въ этой картинѣ предъ нами стоятъ лицомъ къ лицу и вожатые шестивѣковой цивилизаціи Руси, и ея питомцы. Къ чему привела односторонность системы этихъ руководителей—объ этомъ говоритъ самая жизнь, описанная Стоглавомъ. Нѣсколько вѣковъ назадъ одинъ отличитель, желая предохранить русскую національность отъ нравовъ глетворнаго запада, совѣтовалъ своимъ современникамъ не брататься и не знакомиться съ иноземцами, потому что на западѣ «то творятъ, чего

и жидова не творить». (Слово Θεодосія о вѣрѣ крестьянской и латинской, въ Учен. Запис. Имп. Ак. наукъ, по II отд. кн. II, вып. 2). А между тѣмъ на Стоглавомъ соборѣ, члены его сознавались, что «въ иновѣрцахъ таково безчиніе не творится, какъ у насъ» (стр. 53); даже болѣе—сами иноземцы дивились тому, что творилось. Это публичное признаніе должно было обходиться слишкомъ дорого при томъ отвращеніи къ иностранцамъ, о которомъ такъ рѣзко заявляютъ Герберштейнъ, Флетчеръ, Беръ, Карлейль, Олеарій, Котошихинъ... Такое признаніе могло произойти только послѣ добросовѣстной оцѣнки грубой дѣйствительности, потому что, не смотря на то, что она была въ глаза, по словамъ Стоглава, даже многимъ изъ своихъ, прежде отвращеніе отъ всего чужаго и національная самомнительность въ собственныхъ достоинствахъ продолжали существовать. За Стоглавомъ остается его историческое достоинство, потому что онъ не скрылъ подъ риторическими фразами общественнаго зла, такъ часто закрываемаго у предъидущихъ обличителей одними воззваніями къ покаянію и угрозами адскихъ мукъ. Но этимъ и ограничивается его заслуга, потому что онъ не пошелъ далѣе своихъ предшественниковъ на дѣлѣ. Да онъ и не имѣлъ этого въ виду. Охраненіе національной чистоты отъ всякой посторонней примѣси было ихъ постоянною цѣлью; отцы Стоглаваго собора требовали только осуществленія того же идеала. Жить по преданіямъ отцовъ — вотъ девизъ ихъ стремленій въ общественной реформѣ.

Мало того, дѣятели Стоглаваго собора отрицательно отнеслись даже къ внѣшнимъ уклоненіямъ отъ прародительскихъ обычаевъ. «Въ каждой странѣ, говорили они по поводу одного запрещенія, есть свой законъ и свой обычай, и не переходятъ они изъ одной страны въ другую, но каждый держатъ законъ своего обычая; мы же православные, принявши истинный законъ отъ Бога, усвоили беззаконія разныхъ странъ и осквернились ими. За то и казни всякія приходятъ на насъ отъ Бога» (стр. 123). И такое мнѣніе было только отголоскомъ издавна установившагося взгляда на жизнь въ средѣ разныхъ книжниковъ и *словобобовъ*, передававшихъ свою мудрость, какъ завѣтную и непоколебимую истину, по наследству. Современные Стоглавому собору «разумные люди» говорили съ полною убѣдительностію, что «та земля не долго стоитъ, которая переставляетъ свои обычай»; а другіе мудрецы, вѣря въ ихъ неогрѣшимость, задумывались уже надъ участью

Россіи, потому что вкравлись разныя новизны, пугавшія ихъ разстроенное воображеніе (Ак. Экспед. I, № 172). Отцы Стоглава стояли не выше сыновъ своего вѣка.

И такъ, къ какому заключенію приводятъ свидѣтельства Стоглава о современномъ ему состояніи русскаго общества? Они указываютъ: 1) полное растлѣніе нравовъ въ средѣ обоихъ половъ, доведенное до неестественныхъ пороковъ; 2) господство старыхъ языческихъ суевѣрій рядомъ съ новыми, установившимися подъ религіозною формою, благодаря разнымъ странствующимъ шарлатанамъ и обманщикамъ, пользующимся довѣріемъ толпы, которую они всегда умѣютъ искусно мистифицировать, а сами, преданные только лѣни, живутъ на чужой счетъ; 3) они указываютъ, что разложеніе нравовъ коснулось и идеала древне-русскаго общества—монастыря, и представителей существенной стороны древне-русской жизни—стороны религіозной—духовенства; наконецъ 4) что жизнь низшихъ, народа, подручныхъ, приносилась въ жертву высшимъ, властямъ — будетъ-ли то духовный владыка или сынъ боярский: они заботились только о собственныхъ удобствахъ и выгодахъ, забывая и свой долгъ и болѣе соответствующее назначеніе. А простая чадь, забитая, лишенная самыхъ насущныхъ потребностей, должна была идти промышлять на большую дорогу, предводимая тѣми же дѣтьми боярскими, боярскими людьми и всякими бражниками.... 1).

Правда, указанія Стоглава официальны, а потому слишкомъ общи, чтобы составить себѣ полное понятіе о положеніи тогдашнихъ дѣлъ; но съ другой стороны они потому и получаютъ для насъ двойное значеніе, что они официальны. Мы же старались здѣсь дополнять свидѣтельства Стоглава другими извѣстіями, чтобы предоставить самимъ представителямъ Земли высказать слово правды, и едѣлаемъ это ниже, когда будемъ говорить о томъ социальномъ злѣ, которое дѣйствительно губило народъ. По нашему мнѣнію, Стоглавъ односторонне взглянулъ на тѣ общественныя явленія, которыхъ не хотѣлъ все-таки скрыть отъ суда современниковъ.

Дѣятели Стоглаваго собора видѣли въ нихъ только пороки, а не социальное зло, и потому думали парализировать ихъ одними запреще-

1) Этотъ контрастъ между высшимъ обществомъ, пользовавшимся удобствами жизни, и подручными, лишенными всего, мы представили въ соч. «Максимъ Грекъ» гл. IX и X.

ніями, угрозами и наказаніями. За тѣмъ попеченіе о благосостояніи общества было возложено на духовныхъ отцовъ, которые обязаны были «духовныхъ дѣтей своихъ поучать и наказывать прилежно.... чтобы они жили въ чистотѣ, и въ покаяніи, и въ прочихъ добродѣтеляхъ». Такимъ образомъ даже ходъ дѣлъ сохранялся въ прежнемъ порядкѣ (стр. 113). Для большаго же успѣха была устроена какъ-бы надзирающая іерархія, изъ протопоповъ, которая должна была уже слѣдить за самими наставниками, потому что и соборъ самъ чувствовалъ какъ мало можно полагаться на нихъ; такъ какъ тѣ, по его словамъ, которые должны были бы предохранять мірянъ отъ всякаго зла, сами находились во всякомъ безчиніи (стр. 48, 98). Недостатокъ наставниковъ ощущался ясно (Слово о снѣхъ нощныхъ, въ Памятн. Старин. Русск. Литер. извлеч. Костомаровымъ, IV, стр. 215), а между тѣмъ, не измѣняя положенія дѣлъ, хотѣли вручить наставничество прежнимъ духовнымъ отцамъ. Такимъ казеннымъ образомъ поступали дѣятели Стоглаваго собора! Это значило лечить болѣзнь домашними средствами и тогда, когда неудовлетворительность ихъ была доказана вѣковымъ опытомъ. Отцы Стоглава думали, что зло само собою уляжется, когда виновные прольютъ источники слезъ покаянія и станутъ точно выполнять церковные обряды и строго повиноваться духовной власти, полагая конечно, что для этого достаточно одного смиренія. Они смотрѣли на общественныя бѣдствія, какъ на слѣдствія грѣховъ, отъ которыхъ можно откаяться и отмолиться; а потому искали причинъ этихъ бѣдствій даже въ ношеніи тафій, въ бритьѣ бородъ и стриженіи усовъ, потому что это было нарушеніемъ преданія отцовъ, а слѣдовательно ересью (стр. 122—127). Однимъ словомъ, все возводилось къ одной общей причинѣ — къ нарушенію отчепреданнаго житія. Вотъ почему дѣятели Стоглаваго собора, взявшіе на себя инициативу общественной реформы, вдались въ формальную сторону обрядовыхъ вопросовъ и посвятили такъ много мѣста разнымъ разсужденіямъ въ родѣ указа «о звону, о царскихъ дверехъ, о запонѣ святаго алтаря» и т. п. и не пошли далѣе своихъ предшественниковъ. Они видѣли зло, но не могли отнести къ нему какъ слѣдуетъ; потому что или односторонне понимали его, или не рѣшались пожертвовать своими интересами. Такъ напр. на соборѣ былъ задѣтъ довольно щекотливый для духовенства вопросъ о церковныхъ имуществвахъ — и вотъ его порѣшили самымъ положительнымъ аргументомъ, съ которымъ тогда нельзя было никому тягаться: сказано



было, что если кто обидитъ церковныя стяжанія, тотъ »да не узритъ милости святаго Троицы, егда предстанетъ страшному судилищу, да отпадетъ христіанскія части, яко же Іуда отъ дванадесятаго числа апостольскаго, и да приметъ клятву (проклятіе) отъ первородныхъ святаго и праведныхъ богоносныхъ отецъ« (стр. 194). А когда, для выкупа плѣнныхъ, положено было собирать деньги съ сохъ и митроп. Тоасафъ (жившій на покоѣ въ Троицкой лаврѣ) присовѣтовалъ избавить крестьянъ отъ лишней тягости, а лучше брать на это доброе дѣло деньги у монастырей и епископовъ, — то его мнѣніе было отвергнуто. Между тѣмъ это были именно тѣ вопросы, которые относились къ »земскому строенію«.

Но какъ не годились въ дѣло мѣры, предпріятыя соборомъ, такъ не годились и люди, посредствомъ которыхъ онъ хотѣлъ вліять на исправленіе общества. Жалобы на нихъ подымались и прежде: стригольники укоряли святителей и поповъ за ихъ жизнь, называя ихъ »человѣкоядцами и винопивцами, друзьями мытарей и грѣшниковъ« (Ак. Истор. I, № 6). Когда митроп. Θεодосій вздумалъ собирать поповъ для наставленій, желая улучшить нравственное положеніе клира, то встрѣтилъ въ средѣ его такое противодѣйствіе, что долженъ былъ оставить свою митрополию (Полн. Собр. рус. лѣт. VI, 186; между прочимъ онъ строго наказывалъ поповъ и діаконовъ за наложницъ); а Новгородскій архіеписк. Геннадій не могъ даже готовящихся въ священники научить самымъ необходимымъ требованіямъ въ церковномъ обиходѣ, потому что сейчасъ разбѣгались (Ак. Ист. I, стр. 147). »Они круглые невѣжды, говорить о понахъ Флетчеръ, и это неудивительно, потому что епископы, которые ихъ назначаютъ, не знаютъ ничего, даже священнаго писанія, которымъ они ограничиваются на столько, чтобы читать и пѣть въ служеніи« (La Russie au XVI siècle par Giles Fletcher, trad. par Charles du Bauzet, II, 91). »Они не имѣютъ ни обыкновенія, ни способности, чтобы говорить проповѣди и наставлять свою паству, потому что весь клиръ погруженъ въ глубокое невѣжество, какъ въ отношеніи слова Божія, такъ и въ отношеніи наукъ« (стр. 89). И иностранные писатели постоянно замѣчаютъ, что въ русскихъ церквахъ не проповѣдывали (Ювій, стр. 43; Герберштейнъ *Reg. Moscov. Comment.* pag. 42; Маржереть, 260; Оларій, кн. III, гл. 23). А вотъ образчикъ современнаго Стоглавуму собору монашества. »Разговаривая однажды, говорить Флетчеръ, въ Вологдѣ съ однимъ монахомъ, я ему предло-

жилъ, чтобы испытать его познанія, Новый Завѣтъ на русскомъ языкѣ и указавъ ему на первую главу Евангелія Св. Матѳея. Онъ сталъ читать очень бѣгло. Тогда я его спросилъ: какую часть свящ. писанія прочелъ онъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что не можетъ сказать точно.— Сколько же Евангелій въ Новомъ Завѣтѣ?—Онъ отвѣчалъ, что онъ объ этомъ ничего не знаетъ.—А сколько апостоловъ?—и онъ даже заподозрилъ, что ихъ было двѣнадцать.— Какъ же можетъ онъ спастись, спросилъ я? На это онъ мнѣ отвѣчалъ однимъ доводомъ изъ русской теологій, говоря, что онъ не знаетъ — будетъ-ли онъ спасенъ, или нѣтъ; если Богъ захочетъ его *пожаловать* за оказываемое почтеніе, то конечно онъ будетъ въ восторгѣ; но въ противномъ случаѣ, какое остается средство? прибавилъ онъ.—Наконецъ я его спросилъ: почему онъ сдѣлался монахомъ? и онъ мнѣ отвѣтилъ: для того чтобы ѣсть спокойно.... Таковы, заключаетъ Флетчеръ, познанія русскихъ монаховъ. И хотя не слѣдуетъ судить только по этому примѣру, но по крайней мѣрѣ, по невѣжеству этого человѣка, можно заключить о томъ, что знаютъ другіе\* (La Russie au XVI siècle, II, p. 98, 99). И такое заключеніе не будетъ крайнимъ, если вспомнить, что и между членами Стоглаваго собора были недоучки. Такъ, намъ извѣстно, что епископъ Тверской и Кашинскій—Акакій «мало былъ наученъ грамотѣ» (Описан. рукоп. Синодальн. библ. II, стр. 580).

Нельзя сказать чтобы члены собора не видѣли такого важнаго недостатка, который, прежде всякихъ другихъ причинъ, подрывалъ ихъ же собственныя распоряженія. На соборѣ было заявлено, что лица, ищущія священства, «мало грамотѣ умѣютъ», да и то учатся у своихъ отцовъ и мастеровъ, потому что учиться негдѣ, а отцы ихъ и мастера также мало умѣютъ, потому что нѣтъ училищъ (Стоглавъ, гл. 25). Самымъ виднымъ результатомъ этого обстоятельства было то, что въ половинѣ XVI вѣка «мало книгъ оказалось годными къ употребленію, остальные же всѣ были испорчены переписчиками» (Обзоръ духов. литер. 140), что было извѣстно и отцамъ собора (гл. 27, 28). А потому они и сдѣлали распоряженіе относительно заведенія училищъ. На соборѣ было постановлено, чтобы въ Москвѣ и другихъ городахъ священники и діаконы избрали изъ среды себя «женатыхъ и благочестивыхъ, которые могли бы и другихъ поучать, а также чтобы они были искусны въ чтеніи, письмѣ и пѣніи; и у нихъ въ домахъ отерыли бы училища, куда отдавали бы своихъ дѣтей священники, діаконы и

міряне на ученіе грамотѣ, книжнаго письма и церковнаго гвѣніа (гл. 26). То же было потомъ повторено и въ наказной грамотѣ митроп. Макарія, разосланной для исполненія (Прав. Соб. 1863 г. янв.).

По взгляду Стоглаваго собора, эти училища должны были быть не только учебными заведеніями, но и воспитательными. Духовнымъ наставникамъ, у которыхъ предполагалось устроить ихъ, было наказано, чтобы они «наиболѣе учениковъ своихъ берегли и хранили во всякой чистотѣ, и сохраняли бы ихъ отъ всякаго плотскаго растлѣніа, а въ особенности отъ содомскаго грѣха и рукоблудія» (гл. 26).

Но чѣмъ же гарантировалъ соборъ существованіе этихъ школъ?—ничѣмъ. Все было предоставлено доброй волѣ духовныхъ отцовъ. Но, если эти отцы бѣжали отъ наставничества Феодосія и Геннадія, то что ругалось за то, что они будутъ благодушествовать передъ постановленіями Стоглаваго собора. Такъ и случилось. Іоаннъ Кобенцель, посѣтившій Россію въ 1576 году, замѣтилъ, что «во всей Московіи нѣтъ школъ» (Письмо Іоанна Кобенцеля о Московіи, въ Журн. Мин. Народ. Просв. 1842, сентяб. 136); а двадцать пять лѣтъ спустя послѣ него Маржеретъ писалъ, что Московитяне «не знаютъ школъ... и таково невѣжество народа, что не найдется и трети, которая знала бы Отче нашъ и Вѣрую» (Записки Маржерета, стр. 260); а въѣдъ религіозность составляла главную сторону древне-русской жизни. Да и что можно было ожидать отъ тѣхъ духовныхъ отцовъ, которые, по общему свѣдѣтельству непрекаемыхъ авторитетовъ, «смотрѣли только ко взятію» (слова митроп. Кириана, Истор. русск. литер. Шевырева, III, 179) и добивались мѣсть на «льготу тѣлу своему», потому что «не хотѣли дѣлать рукодѣліа» (Полн. Собр. рус. лѣт. VI, 186). Такъ распоряженія Стоглава разбивались съ одной стороны о полное равнодушіе къ дѣлу руководителей общества, съ другой—о несостоятельность самыхъ мѣръ, посредствомъ которыхъ члены собора думали дѣйствовать на общество.

И оно осталось прежнимъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ—для этого стоитъ только заглянуть впередъ на нѣсколько поколѣній. И отцы, и дѣти сохраняли прежнія роли. Около 1575 г. Іоаннъ Грозный, главный дѣятель Стоглаваго собора, собравъ высшихъ духовныхъ лицъ, говорилъ имъ: «Вы ведете жизнь самую дурную, утопаете въ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ, позволяете себѣ ужаснѣйшіе грѣхи, вымогательства, взяточничество и непомѣрные росты. Ваша жизнь избилуетъ

кровавыми и вопіющими грѣхами: грабительствомъ, обжорствомъ, праздностію, содомскимъ грѣхомъ, вы хуже, гораздо хуже скотовъ. Ваши молитвы не могутъ быть полезны ни мнѣ, ни моему народу. Много мы должны отвѣчать предъ Богомъ за то, что многихъ, болѣе достойныхъ, попустили умереть вмѣсто васъ.... (Горсей, о Московіи). Маржеретъ говоритъ: »Всѣ, безъ различія, мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки, заражены порокомъ пьянства, самаго неумѣреннаго. Духовенство не уступаетъ мірянамъ, если еще не превосходитъ ихъ« (Записки Маржер. 253). »Духовныя лица, замѣчаетъ Олеарій, не хотятъ освободиться отъ этого порока. Попа и монаха можно такъ же часто встрѣтить пьянымъ, какъ мірянина и крестьянина.... Они до того пьютъ, что отъ пьяной мірской братіи ничѣмъ не отличаются, кромѣ платья« (Путеш. Олеарія, кн. III, гл. 4, по нѣмец. издан., и еще гл. 30) 1). И въ XVII вѣкѣ, точно такъ же какъ и въ XVI, сами представители церкви обличаютъ, что »игумены, черные и бѣлые попы и дьяконы хмѣльнымъ питьемъ до пьянства упиваются, о церкви и о дѣтяхъ своихъ духовныхъ не радѣютъ, и всякое безчиніе во всякихъ людяхъ чинится«; и въ XVII в., какъ и въ XVI, завазываютъ »чтобы игумены, черные и бѣлые попы и дьяконы, и старцы и черницы на кабаки пить не ходили, и въ мірѣ до великаго пьянства не упивались, и пьяные по улицамъ не валялись бы«. Мало того, настоятели монастырей не въ состояніи были справиться съ братією и потому обращались за содѣйствіемъ къ правительству (Ак. Истор. IV, № 62; Ак. Арх. Экспед. IV, №№ 37, 188, 322, 325, 328).

1) Вотъ какія сцены приходилось видѣть иностранцамъ: Als wir, пишетъ Олеарій, in der anderen Gesandtschaft durch gross Naugard reisen, sahe ich einen Priester nur im Kafftan oder Nieder Kleide (hatte ohne zweiffel seinen Rock in der Kaback versetzt) auff der Gassen taumeln. Als dieser gegen meine Herberge kahn, wolte er ihrem Gebrauch nach die Strelitzen, so daselbst Wache hielten, segnen; indem er aber die Hand ausstretchet, und sich etwas neigen wil, wird ihm der Kopff zu schwer, und fällt in der Koth. Da die Strelitzen ihm wider auffgeholfen, segnete er sie gleichwol mit dreckichten Fingern. Weil solche Schauspiel täglich für Augen, machet niemand unter den Russen gross Wunder darvon. Немного выше Олеарій рассказываетъ, что однажды въ Новгородѣ, во время стеченія народа на богомолье, пьяная баба, выйдя изъ кабака, упала на улицѣ въ неприличномъ положеніи. Въ это время проходилъ пьяный мужикъ и, увидя ее полунагую, бросился на нее, но упалъ безъ чувствъ, потому что уже сильно былъ пьянъ. Эта пара доставила молодежи случай потѣшиться (кн. III, гл. 4).

Но нравственное растлѣніе общества шло еще глубже. Стоглавый соборъ во всеуслышаніе жаловался на оскверненіе отроковъ и растлѣніе дѣвицъ; однако, что даље, то свидѣтельства о нравственной испорченности общества встрѣчаются все чаще и рѣзче. Флетчеръ говоритъ: «Я не стану распространяться о распутствѣ русскихъ; оно очень гнусно, да и не слѣдуетъ всего называть. Вся страна утопаетъ въ этомъ пороцѣ. И не должно удивляться этому; потому что нѣтъ никакого закона, который удерживалъ бы отъ проституціи, прелюбодѣйства и т. п.» (La Russie au XVI siècle, II, 176). За тѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ извѣстій о содоміи, часто самой грубой формы (Горсей, Записки о Московіи; Записки Маржерета, 313; Ваег, въ подлин. стр. 82; и издан. Устрял. I, примѣч. 78; Paetorius, 345; особенно Шаумъ: Tragoedia Demetrio Moscovitica, въ Чтен. Моск. общ. ист. и древ. 1847 г. № III, стр. 3; Олеарій, кн. III, гл. 4) 1). «Въ Россіи, замѣчаетъ Крижаничъ, этотъ гнусный пороцъ считаютъ шуткою. Публично, въ шутивыхъ разговорахъ, одинъ хвастаетъ грѣхомъ, иной упрекаетъ другаго, третій приглашаетъ къ грѣху. Недостаетъ только, чтобы при всемъ народѣ совершали преступленіе» (Русск. госуд. въ полов. XVII вѣка). Даже болѣе: «этотъ пороцъ сталъ обыкновеніемъ, баснею за столомъ, препровожденіемъ времени и достославнымъ рыцарствомъ» (Шаумъ, стр. 3).

Стоглавый соборъ вопіялъ противъ нарушенія общественной безопасности, но отъ этого не стало лучше.... «Страна, говоритъ Флетчеръ, наполнена грабежами и убійствами. Жизнь человѣческая ставится ни во что. Вы можете видѣть, какъ грабятъ человѣка, запоздавашаго въ городѣ, на улицѣ, и никто не отвѣтитъ на его крики и не переступитъ порога, чтобы помочь ему. Я не буду говорить объ этихъ странныхъ убійствахъ, о жестокостяхъ, которыя совершаются въ Россіи; съ трудомъ вѣришь, что подобныя вещи могутъ совершаться между людьми, и особенно между людьми, которые называютъ себя христіанами» (La Russie au XVI siècle, II, 175). А въ XVII вѣкѣ раздается голосъ,

1) Напр. Шаумъ говоритъ: «нѣкоторые оскверняютъ себя кровосмѣшеніемъ, а что всего отвратительнѣе—скотскимъ соитіемъ». И Олеарій: «Sie (Русские) sind den fleischlichen Lüsten und Unzucht also ergeben, dasz auch etliche mit dem abscheulichen Laster, so wir Sodamiterey nennen, sich zu beschmitzen, und nicht alleine pueros muliebria pati asvetos sondern auch Männer und Pferde darzu gebrauchen. Welches ihnen hernach in ihrem Gelagen eine Materie ihres Discourses geben musz».

обличающий, что злоба еще умножилась въ людяхъ, преусилю лукавство, волхвованіе, чародѣйство, разбой, воровство, убійство, пьянство, вельщія игрища, грабежи, хищенія и тому подобное (Ист. Россіи Соловьева, XIII, 192). И въ этихъ фактахъ нѣтъ ничего преувеличеннаго. Котошихинъ передаетъ слѣдующій частный, но любопытный фактъ, свидѣтельствующій о народной нравственности того времени: »На погребеніи царствующихъ особъ, говоритъ онъ, обыкновенно бываетъ множество народа—московскихъ жителей и прѣзжихъ; но такъ какъ погребеніе происходитъ ночью, то горе бываетъ имъ, потому что московскихъ людей натура небогобоязливая: съ мужинъ и женщинъ по улицамъ грабятъ платье и убиваютъ до смерти; и бываетъ въ тотъ день убитыхъ и зарѣзанныхъ болѣе ста человѣкъ» (О Россіи, стр. 17). Современнo же этому какой-то блюститель нравственности написать подметное письмо къ Алексѣю Михайловичу, желая »тайное великое государево дѣло донести до самого государя«, въ которомъ жалуется на страшное безчиніе, происходившее среди самой Москвы. Изъ этого письма видно, что люди, служившіе на дворѣ Земскаго приказа, составили шайку воровъ и разбойниковъ, »чинили многое душегубство и смертное убійство и чинили безъ всякаго опасенія, потому что начальныя люди Земскаго приказа ихъ воровство укрывали и нарядчики съ ними за одно воровали«; а когда доводили объ этомъ до свѣдѣнія, то »отъ неправедныхъ розысковъ только понаирасну многая кровь проливалась«. Такихъ молодцовъ, грабившихъ среди бѣлаго дня, на одномъ Земскомъ дворѣ было больше тысячи. Кромѣ того, они же держали у себя молодыхъ ребятъ и чинили съ ними содомскій грѣхъ и многое беззаконіе (Записки Отдѣл. Русск. Словес. и Археол. Импер. русск. археол. общ. II, 682—684). А если было такъ въ центрѣ Москвы, то что же могло совершаться въ какихъ нибудь захолустьяхъ?

Надъ такимъ положеніемъ дѣлъ задумывались немногіе русскіе, задумывались и иностранцы. И съ укоромъ обращались они къ руководителямъ этого изношеннаго общества. »Теперь, говоритъ Оларій, никто не указываетъ истиннаго пути заблуждающемуся, никто не подумаетъ о томъ, чтобъ умною, исполненною здраваго смысла, рѣчью подѣйствовать на совѣсть народа. А между тѣмъ число преступленій и пороковъ нарастаетъ съ каждымъ годомъ. Только одинъ развѣ палачъ налагаетъ на спины русскихъ, за совершенное ими преступленіе, скоропроходящее наказаніе« (вн. III, гл. 23). На Стоглавомъ соборѣ всю

надежду полагали на духовныхъ отцовъ, но въ XVII вѣкѣ ихъ уже считали главными виновниками общественнаго зла и неспособными вести дѣло. Известный Симеонъ Полоцкій открыто обличалъ, что >ихъ великимъ нерадѣніемъ и всеконечнымъ небреженіемъ, премногіе, несмысленные люди отъ пути праваго житія заблудились и въ пропасть погибельной жизни уклонились.... Многіе невѣжды, не бывшіе никогда и нигдѣ учениками, смѣютъ называться учителями... по правдѣ это не учителя, но мучители... Виною всѣхъ золь преимущественно неумѣнье и нерадѣнье духовныхъ отцовъ: не учать и не наставляють дѣтей своихъ духовныхъ« (Ист. Россіи Соловьева, XIII, 192).

Такъ неудачно окончилось дѣло Стоглаваго собора...

## II.

Но общественная деморализація еще не исчерпываетъ всего зла тогдашней Руси. Вмѣстѣ съ разложеніемъ общества, совершалось и разложеніе семейства. Въ XVI вѣкѣ симптомы его приняли уже грозный видъ, и стало замѣтно, что старыя связи патріархальности порвались. До серьезныхъ размышленій тогда не было охотниковъ, и потому на признаки этого разложенія русскіе книжники взглянули какъ на наказанія свыше. А между тѣмъ оно было естественнымъ результатомъ прошедшей жизни. Въ древней Руси не было благоприятныхъ условій для семьи; да и могла-ли она имѣть ихъ, когда уже съ самаго начала исторической жизни въ основу семьи былъ положенъ принципъ раздвоенности и вражды. Средоточіе семейной жизни—женщина—была поругана. >Всякъ возрѣвый на жену, говорится въ одномъ древнемъ памятникѣ,—согрѣшаетъ« (Погодин. Сбор. № 1288, стр. 226; Историч. Монограф. Костомарова, I, 124). Женщина въ глазахъ русскихъ стала существомъ злымъ, источникомъ зла, и потому неудивительно, что ее считали чѣмъ-то добавочнымъ, созданнымъ только для удовлетворенія чувственной природы и для отправленія домашнихъ нуждъ. И ее скоро заперли подъ замокъ. Да и что ей было дѣлать въ жизни, когда для нея не было равной части съ мужчиною, когда на всякомъ шагу ее могли оскорбить или нескромные взгляды молодежи, видѣвшей въ ней средство удовлетворенія, или презрительные укоры аскетовъ, которые видѣли въ женщинѣ одинъ соблазнъ, и потому сами бѣжали отъ нея.

И вотъ она стала рабою мужчины, рабою его желаній и требованій. Въ домѣ — она была старшею служанкою, потому что въ домашней дѣятельности она была только первою между ними; въ семейныхъ отношеніяхъ — въ ней видѣли только средство удовлетворенія, и потому старались упрятать ее подалеже отъ развратнаго общества. Хорошо еще если мужъ оставался вѣренъ своей женѣ — тогда по крайней мѣрѣ она пользовалась спокойствіемъ сердца; но что доставалось ей на долю въ противномъ случаѣ?

По установившимся понятіямъ патриархальной Руси, надъ всѣмъ домою долженъ былъ царить, какъ нѣкое божество, отецъ семейства. Имѣй чадо, говорить въ одномъ поученіи родитель сыну, — отца своего, аки Бога, мать свою, аки самъ себе (Погод. Собр. рукоп.; Очеркъ нравовъ Великорус. нар. Костомарова, 109). Въ его рукахъ заключалась и будущая судьба молодаго семейства, потому что бракъ былъ только сдѣлкою между родителями обѣихъ сторонъ, а главнымъ двигателемъ въ ней — корыстолюбивый расчетъ на матерьяльныя выгоды. Очень часто случалось, что новобрачные и не знали другъ друга до тѣхъ поръ, пока брачный уставъ позволялъ имъ вступить въ права брачной жизни: и тутъ-то часто приходилось супругу разочаровываться въ молодой женѣ и дѣлаться съ той же минуты непримиримымъ ея врагомъ. Потому что обычай теремной жизни не позволялъ молодымъ видѣться и знакомиться до назначенной поры; а между тѣмъ разныя свахи и сводницы, пользовавшіяся подачками за свое ремесло, устраивали дѣло только въ свою пользу. Отцы же болѣе всего смотрѣли того, чтобы въ брачномъ союзѣ не было оскорбленія ихъ рода. Такимъ образомъ въ этихъ сдѣлкахъ не было конца обманамъ. Если женихъ посылалъ смотрѣть свою будущую невѣсту, или самъ устраивался такъ что могъ ее видѣть, то родители, не надѣявшіеся на наружность своихъ дочерей, подставляли одну дочь вмѣсто другой, подставляли дѣвокъ, а для малорослыхъ поддѣлывали даже подставные стулья. Дѣло наконецъ улаживалось; но обманутый мужъ тогда начиналъ гоненіе на безобразную жену, совѣтовалъ ей убраться въ монастырь, а не то билъ. Если же удавалось какъ нибудь выхлопотать разводъ, то несчастныя жертвы такого брака не имѣли права вступить въ новый бракъ до 7-ми лѣтъ. Иногда мужъ съ досады самъ постригался, а не то, чтобы скорѣе покончить, мужа и жены доносили другъ на друга. И эти факты не были какими нибудь исключеніями, но случались сплошь и рядомъ.



»Благоразумный читателю, говорить Котошихинъ, не удивляйся этому: истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, какъ въ Московскомъ государствѣ. (О Россіи, 129, 130; Herberstein).

Плохо приходилось женщинѣ и тогда, когда она вступала въ домъ мужа даже безупречною женою, потому что она въ его семьѣ становилась только рабою его чувствъ и грубой воли. Здѣсь надъ ея головою постоянно висѣлъ дуракъ — плеть, исключительно назначавшаяся для жены, и малѣйшее подозрѣніе дѣлало ее жертвою домашнихъ истязаній; а такія сцены весьма естественно не могли надолго сохранять взаимнаго расположенія между мужемъ и женою. Женщина, чаще становившаяся жертвою невольнаго брака, должна была и приискивать разныя средства, чтобы выйти изъ своего принужденнаго положенія. А въ этомъ случаѣ готовы были служить тѣ же самыя сводницы. Русскіе моралисты XVI вѣка уже жалуются на это зло, вторгнувшееся даже въ семейства высшаго класса. »Потворенныя бабы«, какъ ихъ называли тогда, »что младыя жены сваживаютъ съ чужими мужи«, обыкновенно начинали съ дворовыхъ людей, а при ихъ посредствѣ, доходили и до самыхъ »государынь,« — и горе бываетъ госпожѣ, замѣчаетъ авторъ Домостроя, если не уцѣлуется и не отженеть ихъ» (Временникъ, I, 34, 35, 57). И Оларій свидѣтельствуетъ, что русскимъ женщинамъ много доставалось отъ своихъ мужей за вольное обращеніе »съ правящимися мужчинами« (кн. III, гл. 7).

Эта рознь въ семействѣ самымъ пагубнымъ образомъ отражалась на молодомъ поколѣніи. По понятіямъ древне-русскихъ моралистовъ, связью между родителями и дѣтьми долженъ былъ служить только страхъ, на которомъ основывалось все воспитаніе. »Наказуй отецъ сына изъ-млада, говоритъ одно старинное поученіе; учи его ранами бояться Бога и творить все доброе и да укоренится въ немъ страхъ Божій, а если съ млада не научить—большаго какъ можно научить« (Сборн. Румянц. Муз. 359; Костомарова Очеркъ нравовъ, стр. 109). Смягчающее вліаніе матери совершенно устранялось изъ семейства, потому что она въ немъ была только ключницею, обязанною при-смотреть чтобы дѣти были сыты и одѣты. Лишенная всякаго содержанія семейная жизнь уже въ самой себѣ носила зародыши обществен-ныхъ нестроеній. Будущіе строители дѣль государства воспитывались среди дворни, голодной и оборванной, а потому всегда готовой на

разныя предпріятія; послѣ этого неудивительно, что дѣти русскихъ сановниковъ ничѣмъ не отличались въ своихъ нравственныхъ правилахъ отъ бродягъ и воровскихъ шаекъ. Да такъ и было на дѣлѣ. Они сами вступали въ эти ватаги дворовыхъ людей и вмѣстѣ съ ними чинили грабежъ и убійства (Стоглавъ, стр. 137). Отцы же на семейныя обязанности смотрѣли съ грубо-физической стороны и потому не находили нужнымъ употреблять какія-либо средства для усовершенствованія своихъ дѣтей, кромѣ палки, которая казалась имъ болѣе надежною для домостроительства и отеческаго почитанія. Они заботились лишь объ одномъ, чтобы ихъ дѣти не надѣлали какъ нибудь поруганія роду и не обезчестили сановности предковъ—понятіе слишкомъ эластичное въ примѣненіи къ жизни. Русская же честь того времени выражалась сословною спѣсью. Котошихинъ говоритъ, что даже на сановниковъ нельзя положиться въ дѣлахъ государственныхъ, потому что потомъ, при удобномъ случаѣ, они готовы отпереться отъ своихъ словъ. «Россійскаго государста люди, замѣчаетъ онъ, порою своею спѣсивы и негодны ко всякому дѣлу, потому что въ государствѣ своемъ наученія добраго никакого не имѣютъ и не получаютъ, кромѣ спѣсивства, безстыдства, ненависти и неправды» (О Россіи, 42). А Олеарій говоритъ, что русскіе имѣютъ обыкновеніе клясться вездѣ—въ собраніяхъ, на рынкахъ, при продажѣ и покупкѣ товаровъ, но этимъ клятвамъ не слѣдуетъ довѣрять (кн. III, гл. 18). Такое же недовѣріе къ чести русскихъ высказываетъ и Флетчеръ (II, 176, 177).

Ученіе дѣтей ограничивалось чисто-формальною стороною религіи—выполненіемъ обрядовъ, не научить которымъ для древне-русскаго человѣка конечно казалось погибелью; но даже обученіе грамотности не считалось нужнымъ и потому было въ совершенномъ пренебреженіи. Умѣнье читать и писать было очень рѣдкимъ; да и немногіе желали заниматься этимъ (Fletcher, I, 141; Маржеретъ, 260; Mayerberg: Relation d'un voyage en Moscovie, II, 11). И вотъ въ XVI вѣкѣ оказывается, что даже князья и бояре были безграмотны (Собр. госуд. грам. I, № 184, 556). Это уже не казалось имъ безчестіемъ рода; потому что и дѣды ихъ могли быть безграмотны; да наконецъ безграмотность нисколько не мѣшала спасенію души; въ этомъ случаѣ она даже была полезна, потому что человѣкъ избѣгалъ гордости ума и покорнѣе былъ передъ старшими. А основной принципъ, на которомъ созидалось древне-русское семейство, заключался въ полнѣйшемъ рабствѣ его чле-

новъ передъ волею домовладыки. Такъ-то накопились семейные пороки въ древне-русскомъ мѣрѣ. Съдоеласые отцы строго блюли, чтобы не порушилось домоправительство, завѣщанное предками; но въ разматриваемую нами эпоху уже оказался разладъ въ средѣ самаго семейства. »Въ Московіи, замѣчаетъ одинъ иностранный писатель, нерѣдко можно встрѣтить, какъ сынъ смѣется надъ отцомъ, дочь надъ матерью« (La Relig. des Moscovit. 87). Уже ничего не могли помочь—ни жезль, назначаемый для укрощенія сына, ни замокъ — для сохраненія чистоты дочери. »Лучше, говоритъ русскій моралистъ, имѣть у бедра мечъ безъ ноженъ, нежели неженатаго сына въ своемъ домѣ; лучше въ домѣ коза, чѣмъ взрослая дочь; коза по елищу ходить — молоко принесетъ; дочь по селищу ходить—стыдъ принесетъ отцу своему« (Сборн. Румян. Муз. 359; Костомарова Очеркъ нравовъ, 110). Да и странно было бы, еслибы то общественное разложеніе, на которое мы указали выше, не оказало вліянія на семейную среду; точно такъ же какъ и послѣдняя должна была имѣть въ этомъ разложеніи значительную долю. Въ этомъ случаѣ совершался взаимный обмѣнъ силъ...

Среди такихъ - то нестроений, въ лицѣ Благовѣщенскаго попа Сильвестра, заявляется попытка закрѣпленія пошатнувшихся семейныхъ началъ. Но какъ мѣры Стоглаваго собора были только сколкою требованій предъидущихъ обличителей, такъ и правила Домостроя представляются освященіемъ вѣковой мудрости, завѣщанной предками, но нарушенной самою жизнью. Домострой Сильвестра — это идеальная картина семейнаго быта по понятіямъ тогдашнихъ благочестивыхъ людей. Его правила и наставленія относятся къ семейнымъ отношеніямъ и домашнему устройству; съ этихъ двухъ сторонъ рисуется предъ нами въ твореніи Сильвестра древняя Русь, какъ-бы выставляя на показъ свои язвы, которыя вдобавокъ брались врачевать разные домо-рощенные недоучки, боявшіеся всякаго новаго положенія дѣла и ожидавшіе спасенія лишь отъ своихъ собственныхъ сентенцій.

По теоріи семейной жизни, начертанной отцомъ Сильвестромъ и которая была только отголоскомъ подобныхъ ему книжниковъ, единственнымъ и безусловнымъ авторитетомъ въ домѣ становился отецъ семейства; а единственною и вѣрною связью въ семействѣ признавался покорный страхъ передъ его неприкосновенною личностію. Отецъ, по понятіямъ Домостроя, долженъ быть какимъ-то дозорщикомъ въ семействѣ, отъ котораго нисходятъ на домочадцевъ или похвалы за

выполненіе освященныхъ Домостроемъ обязанностей, или наказанія за уклоненіе отъ нихъ. »А увидить мужъ, говоритъ попъ Сильвестръ, что нибудь не въ порядкѣ у жены и у слугъ, или что не такъ сдѣлано, какъ здѣсь предписано,—то долженъ умѣть наказывать и учить жену. Если она внимаетъ правиламъ и живетъ такъ, какъ указано, тогда слѣдуетъ ее любить и жаловать. Если же жена не живетъ по тѣмъ правиламъ и наказанію и не выполняетъ ихъ и слугъ не учить,—то мужъ долженъ научать и пользоваться ее *страхомъ*, наединѣ. А слугъ и дѣтей также, смотря по винѣ и по дѣлу, наказывать и раны возлагать на нихъ. Какъ только жена, или сынъ, или дочь окажутся не послушными и словамъ не внимаютъ и *не боятся*,—тогда плетью по-стегать, смотря по винѣ, а бить не передъ людьми, наединѣ; да при этомъ поучить и пожаловать. А по-уху и по лицу не бить, ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ, ни посохомъ и ничѣмъ желѣзнымъ или деревяннымъ, но только плетью постегать, съ поученіемъ, бережливо,—это *и разумно, и больно, и страшно, и здоров* .... Не ослабляй ударовъ надъ младенцемъ, ибо, если ты жезломъ бьешь его,—не умреть, но еще здоровѣе будетъ; потому что, поражая его тѣло, ты избавляешь его душу отъ смерти. А если имѣешь дочь, то положи на ней грозу свою—и сохранишь ея тѣлесную чистоту: пусть будетъ послушна и не имѣетъ своей воли, чтобы отъ неразумія не потеряла дѣвства, а не то предъ множествомъ народа осмѣютъ тебя. Изъ любви къ сыну, учащай ему раны, чтобы потомъ порадоваться о немъ.... Не давай ему власти въ юности, но сокруши ему ребра пока растеть, потому что, ожесточившись, онъ не станетъ тебѣ повиноваться, а это причинитъ тебѣ досаду, душевную скорбь, стыдъ дому, погибель имѣнію, укоризну отъ сосѣдей, насмѣшки отъ враговъ и платежъ передъ властью«.—Эта идеализація отеческаго страха въ наставленіяхъ Домостроя доходитъ до того, что отецъ представляется олицетвореніемъ самой грозы, воплощеніемъ страха: ему запрещается даже смѣяться и забавляться съ дѣтьми. »Воспитай свое дѣтище, говоритъ отецъ Сильвестръ, съ прецепіемъ—и найдешь въ немъ покой и благословеніе. Не смѣйся къ нему и не играй съ нимъ, потому что, сдѣлавъ небольшое поущеніе, получишишь печаль въ большемъ и только оскомину наведешь на душу свою« (Временникъ, I, 64, 21, 24).

Въ этой всеобщей дрессировкѣ домочадцевъ, женѣ достается на долю еще болѣе печальная участь. Мало того, что Домострой признаетъ

нерушимымъ полновластіе родителей надъ дѣтьми въ дѣлѣ брака и со-  
вѣтуетъ прежде всего держаться своей версты (т. е. не оскорбить рода  
неравнымъ бракомъ); но жена, по его правиламъ, уже низводится на  
степень простой работницы, съ тою только разницею, что работница  
можетъ до извѣстной степени располагать собою, а жена безусловно  
подчинена желаніямъ мужа. »А сама государыня, говоритъ Сильвестръ,  
отнюдь безъ дѣла не была бы, кромѣ немощи или по желанію мужа.  
Мужъ ли придетъ или домашняя гостя — жена должна сидѣть надъ  
руководѣлемъ: за то ей честь, а мужу похвала«.... Опекѣ мужа надъ  
женою простирается до того, что жена не можетъ и шагу ступить безъ  
его вѣдома. »А женѣ, гласитъ Домострой, тайно отъ мужа своего не  
ѣсть и не пить. У подругъ и у родственниковъ, тайкомъ отъ мужа,  
питья и ѣствы и разныхъ поминковъ не просить и самой имъ не да-  
вать, и ничего чужаго у себя безъ вѣдома мужа не держать« (Времен-  
никъ, I, 22, 52, 63).

Домострой и не предполагаетъ даже, чтобы женщина могла имѣть  
какіе нибудь посторонніе интересы, кромѣ тѣхъ обязанностей, какія  
возлагаются на домашнюю ключницу; даже болѣе — ему хотѣлось при-  
ковывать жену всецѣло только къ этимъ обязанностямъ, полагая конечно,  
что отъ этого русскія женщины станутъ нравственнѣе, позабывъ жи-  
тейскія дразги. »Жена, говорится въ поученіи Сильвестра къ сыну,  
не должна и часу быть безъ руководѣлія, и съ гостями бесѣда должна  
идти только о руководѣліи, домашнемъ устройствѣ и христіанскомъ  
житіи, чтобы не было у нихъ пересмѣшекъ и пересудовъ о комъ нибудь«.  
Вотъ идеаль жены по Домострою: »Прежде всего она должна имѣть  
страхъ Божій и тѣлесную чистоту. Вставъ отъ ложа своего и совершивъ  
молитву — женамъ и дѣвкамъ дѣло указать дневное всякому руководѣлю  
и что работать: что варить и какіе хлѣбы печь; и сама бы она знала  
какъ муку сѣять и квашню замѣсить и какъ печь хлѣбы, колачи и  
пироги. Она должна знать во всемъ мѣру: сколько чего выходитъ изъ  
четверти, изъ осмины или изъ рѣшета, и сколько остается высѣвоемъ.  
Чтобы она сама знала какъ варить мясныя и рыбныя кушанья и всякіе  
пироги, блины, кашп и кисели, и чтобы слугъ научила. Она должна  
надсматривать какъ моютъ красныя рубашки и лучшія платья, и сколько  
выходитъ мыла и золы, и чтобы всему счетъ знала. Всякому мастерству  
досмотрѣть самой: сколько нужно шелку, тафты, камки, золота и  
серебра, чтобы сама отвѣсила и отмѣрила, прирешила и примѣрила.

А матыхъ дѣвоѣ должна учить, которая къ чему годится, а сама бы государыня отнюдь безъ дѣла не была\* (107, 50—52). Вмѣстѣ съ тѣмъ она постоянно должна слѣдить за нравственностію домашней челяди и дворни. И все это она должна дѣлать не только «добрымъ разумомъ», но подѣ «наказаніемъ и грозою мужа». За всякое упущеніе, какъ въ хозяйствѣ, такъ и въ домонаравительствѣ, Домострой грозитъ женѣ плетью и біеніемъ мужа; такимъ образомъ выходитъ, что изъ всѣхъ домохадцевъ и слугъ—женѣ приходится быть наиболѣе битою. Потому что передъ мужемъ она отвѣчала не только за свои собственные дѣйствія, но даже и тогда, когда посуда была не вымыта и стояла не на мѣстѣ, когда кушанье не было покрыто отъ таракановъ, когда изба, стѣны, лавки, полъ, окна, двери, сѣни, лѣстница и крыльцо были не вымыты и нечисты, когда у дверей не было положено рогожи для ногъ, наконецъ когда на дворѣ и въ конюшняхъ было нечисто. «И увидитъ мужъ, говоритъ Домострой, что у жены и у слугъ что нибудь не въ порядкѣ, или что не такъ сдѣлано, какъ здѣсь написано,—то пусть наказываетъ и учитъ свою жену наставленіемъ; а если она не живетъ по этому наставленію — тогда слѣдуетъ мужу наказать свою жену страхомъ на единѣ» (65—67).

Но какъ тягостно было положеніе женщины въ семействѣ, такъ однообразна и пуста была жизнь самаго семейства, созданная древнерусскими книжниками. Домострой запрещаетъ всякое смѣхотвореніе, гусли и пляски, игры и пѣсни, которыя онъ называетъ бѣсовскими (Временникъ, I, 13). По его правиламъ, весь домъ долженъ былъ превратиться въ уединенный монастырь, такъ чтобы никто и не зналъ, что дѣлается въ немъ. Посторонній не могъ войти иначе, какъ произнеся предварительно у воротъ краткую молитву, какую говорятъ при входѣ въ келью монаха (стр. 60). Каждый день, вечеромъ, мужъ съ женою, дѣтьми и домохадцами долженъ пѣть вечерню, павечерницу и полунощницу, да въ полночь встать тайкомъ и помолиться сколько можно. А утромъ, вставъ, слѣдуетъ отпѣть заутреню и часы, а по праздникамъ еще и молебень съ молитвою и кажденіемъ. Кромѣ того отецъ семейства не долженъ упускать ежедневной церковной службы: вечерни, заутрени и обѣдни. А на всякомъ мѣстѣ—въ церкви и дома, на рынкѣ, ходя, стоя и сидя, слѣдуетъ постоянно имѣть въ устахъ молитву Іисусову и чотки держать въ рукахъ. Каждый шагъ долженъ быть разсчитанъ: ступаніе кротко, гласъ умѣренъ, слово благочинно,

при старѣйшихъ молчаніе, къ премудрѣйшимъ послушаніе, къ старшимъ повиновеніе; отъ злыхъ и плотскихъ удовольствій отлучаться; мало говорить, а болѣе разумѣть; не быть склоннымъ къ смѣху и всегда имѣть зрѣніе долу. А въ недѣлю и праздники господскіе и богородици, а также въ среду, пятницу и великій постъ, съ женою пребывать въ чистотѣ (12, 25, 16, 18, 19).

Подобно отцамъ Стоглаваго собора, и авторъ Домостроя ожидалъ всякаго блага въ жизни отъ частой бесѣды духовныхъ отцовъ. И потому онъ совѣтуетъ «часто призывать ихъ въ домъ свой, совѣтоваться съ ними по совѣсти во всемъ, какъ учить и любить мужу жену и дѣтей своихъ, а женѣ — какъ повиноваться мужу»; причемъ прибавляется: «слушайте отца духовнаго во всемъ, и чтите его, и бейте челомъ предъ нимъ низко, и повинуйтесь ему со страхомъ, потому что онъ нашъ учитель и наставникъ» (20, 21, 10, 79). И это напоминаетъ нѣсколько разъ (стр. 5, 105). Конечно отцы духовные были лучшими проводниками семейныхъ началъ Домостроя. Такъ въ брачномъ поученіи между прочимъ говорилось: «женѣ у мужа быть въ послушествѣ и другъ на друга не гнѣваться, развѣ нѣкія ради вины мужу поучить ея слегка жезломъ, зане мужъ женѣ, яко глава на церкви... А въ дни господскіе, апостоловъ, евангелистовъ и нарочитыхъ святыхъ грѣха не сотворили бы... въ церковь подаваніе давали бы и съ отцемъ духовнымъ спрашивались бы почасту, той бо на вся блага научить» (Котошихинъ, О Россіи, стр. 8).

И благочестивые мужья древней Руси съ полнымъ благодушіемъ воспринимали въ сердце Домостроевскія правила о своемъ правѣ, а потомъ прилагали ихъ въ жизни. Отецъ Сильвестръ, давая совѣтъ какъ слѣдуетъ «бережливо» бить женъ, при этомъ замѣчаетъ: «а кто съ сердца или съ кручины такъ (т. е. по-уху, по лицу, подъ сердце кулакомъ, пинкомъ, посохомъ и т. п.) бьетъ—*многія притчи отъ того бывають*: слѣпота и глухота, поврежденіе руки и ноги, головная боль и зубная болѣзнь; а у беременныхъ женъ случается и поврежденіе дѣтей въ утробѣ». И послѣ такихъ опытовъ, этотъ человекъ совѣтуетъ «соими рубашку, плетвою вѣжливенько побить, за руки держа», какъ бы назначая границы между біеніемъ по любви и съ сердцемъ. Но противъ его системы благочестиваго воспитанія говорили не только увѣчья, но вообще жизнь.

Домострой совѣтовалъ какъ можно подальше упрятывать женщину

отъ мірскихъ взглядовъ; но иностранцы свидѣтельствуютъ, что русскія женщины, сидя взаперти, любили черезъ окна передъ проходящими выдѣлывать странныя позы и посылать имъ двусмысленные взгляды (Олеарій, III, гл. 4). Извѣстно съ какимъ омерзѣніемъ смотрѣли на иностранцевъ русскіе того времени, но женщины и тутъ находили оправданіе для своего сердца, которое часто не лежало къ суженому-нуженому: »женщинѣ соблудить съ иностранцемъ, говорили онѣ, прощительно: дитя отъ иностранца родится — крещеное будетъ; а вотъ какъ мужчина съ иноувѣрною согрѣшитъ, такъ дитя будетъ некрещеное, оно и грѣшитъ: некрещеная вѣра множится«. Домострой совѣтуетъ, чтобы бракъ заключать »по верстѣ« и по назначенію родителей; но потомъ и родителямъ и молодой четѣ приходилось слезно каяться; начинались тяжбы, виновнаго ссылали въ монастырь, а »очень часто« мужа и жены травили другъ друга (De Вууны. 20; Котоших. 129). Домострой закрѣплялъ окончательно жену за мужемъ, въ домѣ котораго она должна была стать самою отвѣтственною и безотвѣтною работою, чтобы только предупредить его угрозы и заслужить »пожалованіе«; но такое угнетеніе женщины съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ разныхъ Домостроевскихъ понятій, привело къ крайнему семейному разврату. Патріархъ Филаретъ обличалъ служилыхъ людей въ томъ, что они, отпрапляясь въ отдаленныя мѣста на службу, закладывали женъ своихъ товарищамъ, предоставляя имъ право брачной жизни за ссуженную сумму. Но если мужъ не выкупалъ жены въ назначенный срокъ, то заимодавецъ передавалъ ее за выкупъ другому, другому третьему и т. д. (Соб. госуд. грам. III, 245).

Быть можетъ нѣкоторые замѣтятъ, какъ возможны были подобные случаи, при той релігіозности, какою хвалятся древняя Русь? Но въ исторіи двѣ крайности часто сходятся. Тѣ же релігіозные люди, которые цѣловали образа и мощи »задержавъ въ себѣ духъ и губы не развѣваючи«, а когда ѣли просфору, то боялись даже »зубами кусать и губами чавкать« (Домострой, стр. 3 и 4), и которые, по словамъ Олеарія (кн. III, гл. 24), даже дѣтей, еще не умѣвшихъ говорить и ходить, за неисполненіе релігіозныхъ обрядовъ, лишали пищи; тѣ же благочестивые люди, когда готовились къ грѣшному дѣлу, то думали смягчить свое преступленіе, снявъ съ себя крестъ и завѣсивъ образа. И въ этомъ случаѣ мужъ, который по Домострою представляется такимъ блюстителемъ семейной нравственности и порядка, быть самымъ



наглымъ нарушителемъ семейной жизни. Нерѣдко случалось, что господа, запирая подь замокъ своихъ женъ, сами насилывали своихъ рабынь, не обращая вниманія на ихъ мужей, и растлѣвали дѣвицъ (Ак. относящ. къ юрид. быту, 558). Коллинсъ же говоритъ, что при Алексѣѣ Михайловичѣ, его близкій любимецъ обзавелся цѣлымъ гаремомъ любовницъ, а такъ какъ его жена была недовольна этимъ, то онъ постарался отравить ее (Чтен. Моск. Общ. ист. и древ. 1846, I, 26).

Если же Домострой является передъ нами такимъ грознымъ карателемъ за малѣйшее отступленіе жены и домочадцевъ, то какъ онъ долженъ былъ отнестись къ нарушеніямъ блюстителя его собственныхъ правилъ? Вотъ отвѣтъ на это: «Если, говоритъ попъ Сильвестръ, мужъ самъ не исполняетъ того, что здѣсь написано, и жены не учитъ, и домъ свой не по Бозѣ строить, по своей душѣ нерадить, и людей своихъ по сему писанію не учитъ, то онъ обреченъ на гибель и въ этомъ вѣкѣ, и въ будущемъ, и домъ свой погубить» (стр. 69).

Таковы-то окончательные выводы творца Домостроя. Въ немъ все было сдѣлано для угнетенія женщины и тиранніи мужа. И этими двумя крайностями древне-русскій моралистъ хотѣлъ примирить враждующія стихіи семейнаго разложенія! Но напрасно. И до него провозглашались эти горкія истины, и цѣлые вѣка служили темою для разныхъ книжниковъ; въ Домостроѣ онѣ получили только литературную санкцію. Но какъ и до Домостроя ихъ авторитетъ не спасъ русской семьи отъ общаго теченія къ упадку древне-русскаго общества, такъ и теперь, освященный авторитетомъ книги, онѣ не улучшили дѣла, но только сохранились въ видѣ системы на память ея несостоятельности. Какъ распоряженія Стоглава, такъ и наставленія Домостроя показываютъ, что люди, бравшіеся реформировать общество, нисколько не сознавали негодности старой системы и думали поправить дѣло заплатами на изгнившей одеждѣ. Это обнаружилось только впоследствии. А пока—злю накоплялось и развивалось: плоды его пришлось пожать уже XVII вѣку. Одновременно съ крайнимъ развитіемъ общественнаго разложенія, и разложеніе сѣмейства достигаетъ крайняго предѣла. Въ это время раздается голосъ, обличающій во всеуслышаніе, что нѣкоторые, не женясь вовсе, находились въ блудномъ сожителствѣ съ родными сестрами и даже съ матерями и дочерьми (Собр. госуд. грам. III, 246).

Далѣе уже некуда идти....

## III.

Но мы были бы слишком односторонни, если бы на положеніе тогдашняго русскаго общества смотрѣли только глазами доморощен-ныхъ моралистовъ, каковы отцы Стоглаваго собора и авторъ Домостроя. Въ общественномъ злѣ они видѣли только пороки и потому думали исправить общество однѣми угрозами, поканіемъ, моленіемъ и смиреніемъ. Но вѣдь такъ же цѣлые вѣка смотрѣли на дѣло и однако не убереглись отъ бѣды, а своими пассивными средствами только способствовали ея развитію. Общественное зло тогдашней Руси лежало гораздо глубже—это было зло социальное.

Въ ту эпоху, о которой идетъ у насъ рѣчь, русское общество съ верху до низу представляло іерархію рабства. Флетчеръ замѣчаетъ, что русскіе правители стремились къ одному: »разграбить народъ и обогатить казну«. Иоаннъ Грозный на этотъ счетъ имѣлъ даже особую поговорку: »мой народъ, говоритъ онъ, подобенъ моей бородѣ, которую чѣмъ чаще я брѣю, тѣмъ она становится гуще. Онъ подобенъ баранамъ, которыхъ нужно стричь по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, иначе ихъ шерсть только обременяетъ ихъ« (La Russie au XVI siècle, par Giles Fletcher, I, 122). И вотъ его поголовно и брили, и стригли. Грабили князья, грабили чиновникъ, грабили владѣлецъ, грабили солдатъ, даже грабили монахъ. Конечно и они сами не уходили отъ грабежа высшихъ. »Угнетеніе, по замѣчанію Флетчера, было столь открыто и рабство столь велико, что становилось непонятнымъ, какимъ образомъ дворянство и народъ могли терпѣть подобную тираннію, когда они могли еще освободиться отъ нея, и какимъ образомъ цари могли желать, при помощи гнета и несправедливости, охранять тѣхъ, которые даютъ клятву быть христіанами« (I, pag. 100).

Правленіе въ Россіи, говоритъ Флетчеръ, почти турецкое. Русскіе стараются подражать туркамъ на столько, на сколько позволяютъ имъ и природа страны, и ихъ политическая способность. Ихъ правленіе—чистая тираннія, потому что все самымъ варварскимъ и открытымъ образомъ приносится въ жертву интересамъ правителя. Это можно заключить какъ по тому униженію, въ какое повергнуты дворянство и народъ, которые не могутъ противоудѣствовать власти, такъ и по тѣмъ чрезмѣрнымъ налогамъ и поборамъ, которые безъ различія поражаютъ

и дворянство, и народъ. Правительство вручаетъ дворянамъ несправедливую и безграничную власть надъ среднимъ и низшимъ классами народа, которыхъ они лишаютъ свободы и подвергаютъ поборамъ вездѣ, гдѣ только находятся, а особенно въ своихъ помѣстьяхъ и въ областяхъ, ввѣренныхъ имъ царемъ.... Дворянство и средній классъ сами не болѣе какъ деньги царскихъ казначеевъ, потому что все, что они имѣютъ, оканчивается тѣмъ, что переходитъ въ сундуки царя (стр. 64, ч. I).

При такихъ понятіяхъ о правѣ верховной власти, для нея считалось все дозволеннымъ. А царь, зная что все стерпять, не останавливался передъ средствами. Здѣсь разсчитывалось только на одно—получить собственную выгоду. Напр. посылали гонцовъ въ тѣ провинціи, которыя производятъ собственно русскіе продукты—мѣха, воскъ, медъ и т. п. и приказывали имъ закупить одинъ, два, а иногда и три этихъ продукта, назначая самую низкую, произвольную цѣну; а потомъ они должны были перепродать ихъ съ лихвою русскимъ и иностраннымъ купцамъ; если же эти отказывались покупать, то ихъ принуждали къ тому силою. Въ 1589 году такимъ образомъ былъ закупленъ весь воскъ, и никто не могъ торговать этимъ товаромъ, кромѣ казны. И такое насиліе совершалось не только съ русскими продуктами, но и съ иностранными. Къ тому же этотъ грабежъ не прикрывался даже настоятельною необходимостію, но просто былъ правомъ сильнаго, потому что случалось напр., что захваченныя въ царскую казну дорогія парчи и сукна гнили тамъ и портились. Тогда насильно заставляли купцовъ забирать ихъ по цѣнѣ, назначенной произвольно, не спрашиваясь даже хотять-ли они или нѣтъ. Или же назначали монополию на продукты, доставленные въ казну въ видѣ налога и пошлины, напр. на мѣха, хлѣбъ, лѣсъ и т. п. Тогда запрещалось кому бы то ни было продавать ихъ до распродажи царскихъ товаровъ, на которые притомъ назначалась возвышенная цѣна. Такимъ образомъ въ годъ съ однихъ сѣстныхъ припасовъ царь получалъ около 200,000 руб. дохода, а съ лѣса, сѣна и т. п. около 300,000 руб. (Fletcher, I, 127—129).

Иногда производъ власти принималъ уже видъ дневнаго грабежа. Напр. заставляли придворныхъ бояръ, имѣющихъ въ Москвѣ дома и пользующихся довѣріемъ, объявить, что они были обкрадены. За тѣмъ призывали земскихъ и приказывали имъ найти воровъ. Когда же земскіе отказывались представить ихъ — осуждали городъ, за дурное

управленіе, на денежную пеню въ 8000, 9000 и 10000 руб. за каждый разъ. Это дѣлается очень часто, замѣчаетъ Флетчеръ (I, стр. 130). Мы не указывали бы здѣсь на капризную тираннію Іоанна Грознаго, еслибы она не представляла цѣлой системы поголовнаго истощенія страны. Вотъ нѣкоторые примѣры. Однажды онъ послалъ въ Пермь требованіе доставить ему извѣстное количество кедроваго дерева, очень хорошо зная, что страна не производитъ его. Жители отвѣчали, что они не могли найти кедра. Тогда онъ присудилъ ихъ къ уплатѣ 12,000 руб., какъ-будто за намѣренное скрытіе этого дерева. Въ другой разъ онъ потребовалъ съ Москвы полный кошагъ живыхъ мухъ для приготовленія лекарства. Ему отвѣчали, что это не возможно выполнить, и даже еслибы можно было наловить столько мухъ, то какія необходимы средства для того, чтобы онѣ не вылетѣли? И Москва должна была заплатить царю 7000 руб. Желая лишить знать всякаго значенія, а нѣкоторыхъ лицъ той популярности, какую они могли имѣть въ народѣ, живя въ своихъ помѣстьяхъ, Іоаннъ лишилъ многихъ ихъ наследственныхъ имѣній и роздалъ имъ помѣстья въ отдаленныхъ частяхъ государства, гдѣ они, среди неизвѣстнаго неселенія, уже не могли имѣть прежняго значенія. Но даже и бѣдствія знати косвеннымъ образомъ падали на народъ. Такъ напр. послѣ неудавшейся охоты на зайцевъ, Іоаннъ потребовалъ съ дворянства 30,000 руб., считая ихъ виновниками истребленія дичи. «А дворяне, какъ водится, замѣчаетъ Флетчеръ, заставили заплатить эту сумму своихъ крестьянъ. Быть можетъ, продолжаетъ онъ, покажется страннымъ обыкновеніе, чтобы стричь бѣдныхъ подданныхъ до живаго, насмѣхаясь надъ ними и обманывая ихъ; но это находится въ гармоніи съ характеромъ русскихъ правителей и съ несчастнымъ рабствомъ этой злуполучной страны» (Fletcher, I, 83, 130—132).

А царю вторгли его ближайшіе слуги. Правители областей и дѣяки, говоритъ Флетчеръ, назначаются самимъ царемъ, и въ концѣ года ихъ обыкновенно смѣняютъ, развѣ только какая нибудь особенная причина заставитъ удержать ихъ на томъ же мѣстѣ еще годъ или два. Самы по себѣ они не имѣютъ довѣрія и популярности въ странѣ управляемой ими области; потому что они не оттуда родомъ, не тамъ выросли и не имѣютъ тамъ вотчинъ. Правитель даетъ за эту службу рублей 100 въ годъ, иные получаютъ не болѣе 50, или даже 30. Оттого они еще болѣе подозрительны и ненавистны народу, на который они сва-

ливаются каждый годъ, нагіе и голодные, чтобы стричь и грабить этотъ народъ безъ суда и совѣсти. Начальники четвертей терпятъ эти поборы, потому что хотятъ въ свою очередь грабить этихъ правителей и извлечь изъ нихъ побольше добычи, когда они будутъ давать свой отчетъ, что бываетъ въ концѣ ихъ службы. Тогда ихъ несправедливости къ бѣдному народу и ихъ притѣсненія бываютъ выгодны ихъ начальству. Не много бываетъ такихъ, которые избавляются отъ бато-говъ, и большинство изъ нихъ готовится къ этому. Потому они, сколько возможно, стараются запастись добычею отъ своихъ подчиненныхъ, чтобы досталось и царю и начальникамъ четверти, и сберечь хорошую долю для самаго себя... У народа каждую минуту отнимаютъ его деньги, дома и все остальное, иногда подъ предлогомъ защиты края, а иногда даже и не ссылаясь на интересъ царя или государства. Такимъ образомъ ни дворянство, ни народъ не имѣютъ достаточно силы, чтобы попытаться измѣнить такое положеніе страны; по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ пока царская армія, которая состоитъ наименѣе изъ 8000 наемныхъ солдатъ, останется вѣрною и будетъ поддерживать настоящее правленіе. Солдаты же имѣютъ полное право притѣснять и грабить народъ, такъ какъ это имъ позволено, съ цѣлью—привязать ихъ къ настоящему порядку вещей. Нѣтъ никакого основанія бояться солдатъ и народа; въ дѣйствительности они слишкомъ ненавистны и слишкомъ враждебны другъ другу (Fletcher, I, 97, 102 1).

Кромѣ податей, таможенъ, конфискацій и другихъ вымогательствъ казны, народъ подвергался еще такимъ истязаніямъ и грабежу дворянства, чиновниковъ и царскихъ посланниковъ, особенно въ ямахъ и городахъ, гдѣ бываютъ ярмарки, что приходилось видѣть деревни и села, въ полмили и въ милю длиною, не имѣвшими вовсе жителей, потому что разбѣжались, чтобы избавиться отъ дурнаго обращенія и поборовъ. По московской дорогѣ (изъ Архангельска), говоритъ Флетчеръ, на пространствѣ болѣе 100 англійскихъ миль, отдѣляющихъ Вологду отъ Ярославля, встрѣчается не меньше 50 деревень, однѣ въ  $\frac{1}{2}$  мили, другія въ милю длиною, которыя остаются опустѣлыми и безъ

1) Изъ словъ Вассіана можно заключить, что солдаты въ домахъ позволяли себѣ бить и грабить хозяевъ, оскверняли женъ и дѣвицъ, обижали черницъ, вдовъ и сиротъ, и т. п. Разсужд. Вассіана, Чтен. Моск. общ. 1859, № III, 12.

жителей. Тоже самое и въ другихъ частяхъ государства, какъ говорили мнѣ люди, имѣвшіе болѣе моего случаевъ и времени путешествовать тамъ. Это угнетеніе, которому подвергается народъ, лишаетъ его охоты работать. Онъ хорошо знаетъ, что чѣмъ болѣе онъ будетъ имѣть, тѣмъ болѣе будетъ для него опасностей не только за имущество, но и за жизнь. Какъ только эти люди что нибудь приобрѣтутъ, они всячески прячутъ свое имущество, или складывая его въ какомъ нибудь монастырѣ, или зарывая въ землю и скрывая въ лѣсахъ, какъ дѣлаютъ, когда опасаются непріятельскаго нашествія. Вы часто можете видѣть какъ они трепещутъ отъ страха, чтобы бояринъ не узналъ, что у нихъ есть для продажи. Я самъ видѣлъ какъ иногда, разложивши свои товары для выбора, они осматривались кругомъ и къ дверямъ, какъ-будто опасаясь чтобы непріятель не захватилъ ихъ въ распахъ. Когда я спрашивалъ ихъ о причинѣ этого, они говорили мнѣ: я боялся какъ бы не зашелъ сюда какой нибудь дворянинъ или сынъ боярскій; онъ бы отнял у меня мой товаръ (Fletcher, I, 136—138).

И отечественныя извѣстія служатъ лучшимъ подтвержденіемъ этого мастерскаго изображенія насилія чиповной орды и служилыхъ людей. Самъ Іоаннъ Грозный говорилъ про намѣстниковъ и волостелей, что они «стали для народа волками, гонителями и разорителями» (Сводный судебн. стат. 102; въ Юридич. Сборн. Мейера, 1855 г.) А о своей волости бояръ, особенно Шуйскихъ, онъ такъ писалъ къ Курбскому: «потомъ на села и города наскочили и безъ милости пограбили жителей, а какія напасти отъ нихъ были соудьямъ исчислить нельзя; подчиненныхъ всѣхъ сдѣлали себѣ рабами, а рабовъ своихъ сдѣлали вельможами; думали что правятъ и строятъ, а вмѣсто того вездѣ были только неправды и нестроенія, мзду безмѣрную отвсюду брали, все говорили <sup>и</sup> дѣлали по мздѣ» (Сказанія Курбскаго, 183). Еще рѣзче объ этихъ злоупотребленіяхъ говоритъ Псковскій летописецъ. По поводу насилія Андрея Михайловича Шуйскаго и Василія Ивановича Репнина-Оболенскаго, онъ замѣчаетъ: «Эти намѣстники были свирѣпы какъ львы, а люди ихъ, какъ звѣри дикіе, злы до крестьянъ; и начали ябедники добрыхъ людей клепать, и разбѣжались добрые люди по инымъ городамъ, а игумены изъ монастырей убѣжали въ Новгородъ. Князь Шуйскій былъ злодѣй: дѣла его злы на пригородахъ и на волостяхъ; поднималъ онъ старыя дѣла, правилъ на людяхъ по сту рублей и больше, а во Псковѣ мастеровые люди всѣ дѣлали на него даромъ, большіе же

люди давали ему подарки» (Пол. Собр. русск. лѣт. IV, 304). Есть извѣстіе, что князь Андрей Шуйскій разорялъ землевладѣльцевъ, заставляя ихъ силою, за малую цѣну, продавать ему свои отчины; крестьянъ разорялъ требованіемъ большого числа подводъ для своихъ людей, ѣздящихъ къ нему изъ его деревень и обратно; каждый его слуга, каждый крестьянинъ, подъ защитою имени своего господина, позволяли себѣ всякаго рода насилія (Соловьевъ, VI, 79). Однимъ словомъ, »тогда князья, бояре, вельможи и судьи градскіе были исполнены самоволія, жили ничего небоясь и не право судили. Тамъ поганые христіанъ губили и воевали, а здѣсь губили христіанъ бояре и воеводы мздами, наюгами и великими продажами. А по ихъ примѣру поступали простые дворяне и дѣти боярскіе, а также и рабы, смотря на своихъ господъ. Тогда въ городахъ и селахъ неправда умножилась, размножились убійства и грабежи и во всей землѣ были слышны только слезы, рыданіе и громкій воцъ» (Никоновск. Лѣтоп. VII, 48). Флетчеръ хорошо дополняетъ эти извѣстія объ участіи въ насиліи даже слугъ, вымещавшихъ свое горе на собратьяхъ по общей участи, когда замѣчаетъ о рабскомъ духѣ и бюрократической спѣси тогдашнихъ русскихъ. Онъ говоритъ: »самый простой и жалкій крестьянинъ, который какъ собака пресмыкается предъ дворяниномъ и лижетъ пылъ отъ его ногъ, получая какую нибудь власть, становится невыносимымъ тираномъ» (Fletcher, II, 175).

Подозрительность и политическая зависть, подыскивающаяся подъ благополучіе ближняго, размножили цѣлый классъ ябедниковъ и доносчиковъ, которые только и кормились, что на счетъ разореній оклеветанныхъ ими лицъ. Эта язва тогдашняго общества заставляла многихъ таиться и прятать свое добро подъ замокъ, а потому неудивительно, что многіе предпочитали скорѣе отдать его на сохраненіе въ монастырь, чѣмъ пользоваться имъ. Липъ только оказывалось, что какой нибудь служилый человекъ зажилъ лучше, какъ его уже успѣвали обогатить, и наконецъ доводили дѣлю до того, что его имѣніе забиралось въ казну. Самый этотъ фактъ показываетъ, что въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ какъ-будто и не предполагалось другой причины лучшаго житья чиновника, кромѣ хорошей поживы. Хороши же были служилые люди! а какъ послѣ этого жилось простымъ смертнымъ, на которыхъ они сваливались всею тяжестью своего произвола? Вотъ какъ одинъ писатель XVII вѣка объясняетъ намъ причину бѣдственнаго житья русскихъ. »Даже и самымъ меньшимъ чинамъ, говоритъ онъ,

нельзя построить хороших домовъ, потому что какъ только узнаютъ, что у кого изъ нихъ есть богатство, или ежели построить домъ какойнибудь приказный человекъ,—оболгутъ передъ царемъ и многія кривды учинять, что будто онъ былъ посульникъ и лихоимецъ, царской казны не берегъ или воровски обкрадывалъ ее; и отъ того злаго слова постигнуть этого человека не во время болѣзни и печаль. Или изъ ненависти пошлютъ его на другую царскую службу, гдѣ онъ не въ состояніи справиться съ дѣлами, и наказъ ему еще такой напишутъ, въ которомъ онъ ничего не пойметъ,—и на этой службѣ онъ прослужится. А за это ему бываетъ наказаніе: и домъ и животы и вотчины возьмутъ на царя и продадутъ тѣмъ, кто желаетъ купить. Если же торговый человекъ или крестьянинъ обзаведется лучшею обстановкою, то на него наложить податей побольше. Вотъ почему Московскаго государства люди живутъ неустроенными домами, и города и слободы у нихъ безъ устройства» (Котошихинъ: О Россіи, 128).

Если же такъ давили русскій людъ со всѣхъ сторонъ, то гдѣ же было искать управы уже тѣмъ, которымъ некого было давить? Среди ихъ не было такой спасительной силы — и вотъ они шлютъ грамоты прямо къ царю, извѣщая его, что «отъ намѣстниковъ и отъ ихъ тиуновъ, и отъ доводчиковъ многія деревни запустѣли», что «намѣстники и волостели и ихъ пошлинные люди сверхъ указаго жалованья чинять имъ продажи и убытки великіе». Въ царствованіе Іоанна Грознаго дѣйствительно было оказано вниманіе къ подобнымъ заявленіямъ, подтверждавшимся фактами, уже слишкомъ бившими въ глаза, чтобы ихъ не замѣтить. «И показалъ онъ, говорить лѣтописецъ, милость свою и началъ жаловать и грамоты раздавать по всѣмъ большимъ городамъ, и по пригородамъ, и по волостямъ, чтобы лихихъ людей обыскивать самимъ крестьянамъ между собою по крестному цѣлованію и казнить ихъ смертною казнію, и не водить ихъ къ намѣстникамъ и тиунамъ» (Полн. Собр. рус. лѣт. IV, 304; Уставн. Важск. грам. Ак. Арх. Экспед. I, № 234). Это распоряженіе до того казалось важнымъ въ глазахъ жителей, что они «начали за государя Бога молить и Богородицу и святыхъ за его жалованье и изъявленіе милости до сиротъ своихъ» (Полн. Собр. русск. лѣт. IV, 305). Но, свѣдемъ мимоходомъ, такое важное учрежденіе, не могло привиться повсемѣстно, потому что оно обусловливалось большими расходами. Такъ изъ Двинской уставной грамоты видно, что за одну эту льготу, не считая другихъ пошлинъ,



въ казну приходилось платить по 20 московскихъ рублей съ каждой сохи, а по Важской грамотѣ этотъ годово́й оброкъ значится въ 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub> тысячи рублей. Кроме того онъ долженъ былъ уплачиваться деньгами, что для поселянъ было гораздо труднѣе, чѣмъ платить натурою своимъ волостелямъ. Если же оброкъ не былъ представленъ въ срокъ и сполна — тогда нарушителей ожидалъ двойной штрафъ противъ долгаго и еще плата за вѣду приставовъ (Ак. Арх. Эксп. I, № 250, 234). На общины была также возложена обязанность доставлять разные сборы (таможенный, кабацкій, съ рыбныхъ ловель и т. п.) въ казну; но если было доставлено меньше, чѣмъ въ предыдущіе годы, тогда остальное взыскивалось съ выборныхъ, на которыхъ лежала отвѣтственность за нихъ; а если выборные не могли уплатить недоимки, то она взималась съ тѣхъ, кто ихъ выбралъ (Чичерина: Областн. учрежд. стр. 64). После этого кто могъ рисковать попасть въ выборные, а всѣ знали, что при тогдашнемъ бѣдственномъ положеніи хозяйства, недоимка— вещь весьма обыкновенная.

И такъ, что еще оставалось дѣлать тѣмъ, которыхъ постоянно грабили?—Они или сами расправлялись съ своими тиранами (т. е. не давались подъ судъ, не платили кормовъ, наконецъ били ихъ; Ак. Эксп. I, № 242), или просили царя охранить ихъ и избавить отъ грабителей. Но и здѣсь самъ царь не всегда являлся строгимъ блюстителемъ правды. Въ 1547 году пріѣхали къ Іоанну въ село Островку 70 псковичей жаловаться на своего намѣстника, а онъ, вмѣсто управы, началъ обливать ихъ горячимъ виномъ, палилъ бороды, зажигалъ волосы свѣчею и велѣлъ покласть ихъ нагихъ на землю. Ихъ спасло только извѣстіе, что упалъ въ Москвѣ большой колоколь, что заставило Іоанна послѣшить туда (Пол. Собр. рус. лѣт. IV, 307).

Флетчеръ замѣчаетъ, что въ интересъ обогащенія царской казны, даже не мѣшаютъ властямъ и чиновникамъ дѣлать вымогательства и подкуны. Имъ позволяютъ это дѣлать до истеченія срока ихъ службы. Тогда призываютъ ихъ за такое поведеніе на правезь; забираютъ у нихъ, какъ у пчелы медъ, всю ихъ добычу, и отдаютъ въ царскую казну, но никогда не возвращаютъ ничего ея законному владѣльцу, какъ бы ни была велика и очевидна несправедливость, причиненная ему. Князья и дьяки—эти голодные, которыхъ посылаютъ въ провинціи и притомъ на одинъ годъ, именно таковы чтобы разыгрывать эту роль.

Ихъ можно было бы оставить и гораздо долѣе на одномъ мѣстѣ, не опасаясь, что дѣла пойдутъ наоборотъ, потому что какъ на взглядъ чиновниковъ, такъ и народа, они именно и должны такъ идти. Лишь только эти люди сваливаются на народъ — они его сосутъ такъ же сильно, какъ тѣ мухи, съ которыми императоръ Тиберій имѣлъ обыкновеніе сравнивать своихъ преторовъ и чиновниковъ провинцій: »мухи, которыя вновь прибываютъ, говорилъ онъ, бросаются на старыя язвы«. По временамъ изъ этихъ чиновниковъ, которые грабятъ народъ, выбираютъ одного наиболее прославившагося своими злодѣяніями и выставляютъ его въ примѣръ, чтобы показать, что царь недоволенъ угнетеніемъ своего народа и что онъ налагаетъ отвѣтственность на своихъ повѣренныхъ. Вотъ на примѣръ, что сдѣлалъ Іоаннъ Васильевичъ съ однимъ дьякомъ, который, кромѣ другихъ вымогательствъ, велѣлъ себѣ приготовить гуся, наполненнаго серебромъ. Виновнаго привели на рынокъ въ Москвѣ; императоръ самъ присутствовалъ и держалъ рѣчь. »Вотъ, добрый народъ, сказалъ онъ, — эти люди, которые хотѣли васъ ѣсть, какъ хлѣбъ и т. д.« Потомъ онъ спросилъ у своихъ палачей: »кто изъ васъ сумѣетъ разрѣзать гуся? И приказалъ одному изъ нихъ тотчасъ перерубить ноги у преступника посрединѣ кости; за тѣмъ руки повыше локтя—все еще спрашивая его: »хорошъ-ли гусь?« Наконецъ царь велѣлъ снять ему голову, чтобы онъ такъ же былъ хорошъ, какъ и приготовленный гусь. Все это, замѣчаетъ Флетчеръ, могло бы служить доказательствомъ хорошаго правосудія въ Россіи, но не это было цѣлью, предположенною Іоанномъ: въ дѣйствительности онъ только хотѣлъ лукаво прикрыть свой гнетъ (Fletcher, I, 122—125).

При такой беззащитности, нѣтъ ничего удивительнаго, если народъ толпами бѣжалъ, куда глаза глядятъ. Къ тому же, кромѣ бѣды общественныхъ, его постоянно постигали физическія бѣдствія: болѣзни, морь, голодъ. Напр. въ 1552 и 1553 гг. въ Новгородскихъ и Псковскихъ областяхъ свирѣпствовалъ такой морь, что умерло болѣе 300,000. Въ 1565 г. открылся морь въ Полоцкѣ, и на слѣдующую весну прошелъ онъ черезъ Луки, Торонецъ, Смоленскъ, потомъ въ Великій Новгородъ, Старую Русу, Псковъ, вплоть до Москвы. Въ 1570 г. онъ свирѣпствовалъ по всему государству. (Полн. Собр. рус. лѣт. III, 155, 169, IV, 308, 317; Соловьевъ, VII, 68). Но бѣдному классу доставалось вдвое: на него обрушивался и голодъ.

Въ 1557 г. митроп. Макарій писалъ: «ужь сколько лѣтъ хлѣбъ не родится, наиболѣе же въ нынѣшній годъ... люди разошлись теперь по многимъ волостямъ, весямъ и городамъ, чтобы только пропитаться. А оставшіеся изнемогаютъ отъ голода, нѣкоторые же и умираютъ голодною, горькою, нужною смертію» (Прибав. къ доп. къ И. А. № 221). Открылась страшная дороговизна, голодные мертвыми падали по улицамъ, или, повстрѣчавшись, убивали и вѣли другъ друга. Сильный голодь и смертность еще болѣе способствовали развитію заразы. Вмѣстѣ съ тѣмъ древне-русскимъ городамъ сильно приходилось терпѣть отъ пожаровъ: достаточно вспомнить большой московскій пожаръ при Грозномъ; въ 1541 г. выгорѣлъ въ Новгородѣ весь Славенскій конецъ, 908 дворовъ, а въ 1554 отъ поджога сгорѣло 1500 дворовъ. И какъ скоро иногда пустѣли населенныя мѣстности—можетъ служить примѣромъ Муромскій посадь. Въ 1574 году тамъ было: тяглыхъ черныхъ дворовъ 111, жителей въ нихъ 149 чел., 107 дворовъ пустыхъ, да пустыхъ дворовыхъ мѣсть 520, тогда какъ восемь лѣтъ назадъ было 587 дворовъ населенныхъ; прежде однихъ занятыхъ лавокъ было 202, а теперь только 17—и всѣ пустыя (Соловьевъ, VII, 45). И какъ бѣжалъ народъ отъ разоренія властей и судей, такъ точно онъ бѣжалъ отъ мора и голода, потому что ѣсть было нечего.

Многіе спѣшили закладывать за сильнаго и богатаго, потому что подъ защитою сына еще можно было укрыться отъ «сосанія» разныхъ дьяковъ, приставовъ и ѣздоковъ; а богатый по крайней мѣрѣ могъ вызволить отъ голодной смерти. Вотъ почему богатые владѣльцы и монастыри, пользовавшіеся значительными льготами, всегда имѣли приливъ населенія гораздо болѣе сравнительно съ остальными. Конечно, этимъ закладчикамъ часто приходилось разочаровываться въ своихъ надеждахъ, но нужда брала свое. Въ то время считалось аристократизмомъ имѣть огромную дворню—и потому богатые и знатные съ охотою принимали всякихъ бездомовныхъ бобылей. Чисто дворни иногда доходило до 1000, а между тѣмъ приобрѣтеніе и содержаніе ея почти ничего не стоило. Такъ въ XVII в. нѣкоторые отдавали себя рубля за три на цѣлую жизнь. Другіе же продавали себя съ женами, дѣтьми и со всѣмъ потомствомъ, или просто закладывали сыновей и дочерей, которые такимъ образомъ становились рабами по прихоти родительской. Даже должникамъ, еще дорожившимъ своею свободою,

но несостоятельнымъ, угрожало рабство (Fletcher, I, 150). А въ Сибири насильно хватали безпомощныхъ сиротъ и сманивали чужихъ женъ, потомъ дѣлали на нихъ фальшивые акты и передавали изъ рукъ въ руки, какъ вещь. Но это закладываніе безпріютныхъ голышей было только тѣмъ, что называется «изъ огня да въ полымя». Насчетъ слугъ давалось такое пастырское наставленіе: «если рабъ или рабыня тебя не слушаетъ и по твоей волѣ не ходитъ, то плѣти на нихъ не щади» (Погод. Сборн. 1228; Костомарова Очеркъ нравовъ, 115). Положеніе крестьянскаго сословія было вообще тягостно. Пять дней работать крестьянинъ на господь, а ему оставался одинъ только день въ недѣлю да праздники (Das gr. Reich. v. Mosc. и Костомаровъ, стр. 118). Три лошаденки и три коровы были признакомъ зажиточнаго поселянина; а если, кромѣ этого, крестьянинъ имѣлъ три свиньи, двѣ козы, пять паръ овецъ, да нѣсколько куръ и утокъ, тотъ уже считался богачомъ (Ак. Эксп. I, 1, 192). Въ то время, когда господа такъ щедры были на пожертванія въ монастыри и церкви, случалось, что ихъ собственные рабы «голодомъ талин, наготою страдали, терпѣли тѣсноту и скудость въ тѣлесныхъ потребахъ» (Соловьевъ, IV, примѣч. 322, V, 291). Дворовые люди должны были довольствоваться дурно испеченнымъ хлѣбомъ и тухлою рыбою, мяса они и не видѣли, и самый квасъ давался имъ только по праздникамъ. Кромѣ того ключники и дворецкіе, выбранные изъ рабовъ же, старались еще половину положить въ свой карманъ. Произволъ владѣльцевъ и вообще дворянъ въ отношеніи къ крестьянамъ и слугамъ доходилъ до того, что честь и жизнь послѣднихъ они не ставили и въ грошъ. Часто случалось, что господинъ насиювалъ замужнихъ рабынь и дѣвицъ и умерщвлялъ дворовыхъ людей (Ак. относ. къ юрид. быту, 558). «Если, говорятъ Флетчеръ, дворянинъ обокрадетъ или убьетъ бѣднаго мужика, то трудно добиться того, чтобы его наказали или даже призвали къ отвѣту.... Если же кто нибудь убьетъ своего раба—то ему и не говорятъ ничего.... этотъ человекъ его холопъ и потому онъ имѣлъ право надъ его жизнью. Много-что, если виновный богачъ будетъ присужденъ заплатить императору небольшой штрафъ» (Fletcher, I, 153, 154). Рабское же униженіе крестьянъ было такъ велико, что, по словамъ Флетчера, если бѣдный мужикъ встрѣчалъ дворянина, чиновника или военнаго, то долженъ былъ или своротить съ дороги, не осмѣливаясь посмотрѣть имъ прямо въ лицо, или бить челою въ землю, какъ передъ идоломъ (I, 136).

Крестьяне и рабы, обременные работами и лишённые, по милости барской, самых необходимых потребностей, хорошо понимали, что изъ ихъ труда имъ ничего не достанется, и потому пренебрегали трудомъ. Чего не добереть бывало владѣлецъ, то добирали приставы и приказчики (Соловьевъ, VII, стр. 53, 125, 128). Понятны послѣ этого свидѣтельства иностранцевъ о лѣности русскихъ. »Народъ, говоритъ Флетчеръ, знаетъ хорошо, что чѣмъ болѣе онъ имѣетъ, то тѣмъ болѣе для него опасности не только за свое добро, но даже за жизнь.... Народъ угнетенный и лишённый того, что онъ вырабатываетъ, лишается и энергіи къ труду» (Fletcher, I, 137, 138). Оно такъ и было. Олеарій прямо говоритъ, что »на работу—русскихъ можно загнать только палками и плетями« (кн. III, гл. 4).

И вотъ—съ одной стороны горькая нужда, съ другой страшныя притѣсненія чиновниковъ и владѣльцевъ, заставляли русскій народъ или запивать свое горе, или идти промышлять. »Несчастные работники и ремесленники, замѣчаетъ Флетчеръ, часто истрачиваютъ въ кабакахъ все то, что они должны были бы принести своимъ женамъ и дѣтямъ. Нѣкоторые ставятъ на столъ 20, 30, 40 рублей и болѣе, давая объѣтъ пить до тѣхъ поръ, пока у нихъ ничего не останется. Это, они говорятъ, въ честь императора. Можно видѣть какъ они допиваются до одежды и остаются совершенно голыми.... Каждый кабакъ приноситъ доходъ въ 800, 900, 1000 руб. или даже въ 2000 и 3000 руб.» (Fletcher, I, 123, 130). Дѣлать подробныя указанія на свидѣтельства о всеобщей страсти тогдашнихъ русскихъ къ пьянству—значитъ повторять слишкомъ извѣстныя вещи. Но многіе предпочитали идти нищенствовать и разбивать. »Число бродягъ и нищихъ, говоритъ Флетчеръ, безконечно. Преслѣдуемые голодомъ и крайнею нуждою, они выпрашиваютъ съ жестокимъ отчаяніемъ: »дайте мнѣ и побейте меня, дайте мнѣ и убейте меня«, прятывали они» (Fletcher, II, 176). Изъ Домостроя видно, что слуги иногда разбѣгались, шли пить, красть, разбивать и чинить всякое зло потому только, что терпѣли нужду въ пищѣ и одеждѣ (Времен. I, 49). Озюбленные противъ своихъ господъ, крестьяне и слуги искали только случая, чтобы за все отмстить имъ. Такъ не рѣдко господинъ, возвратившись съ войны или службы, находилъ свое имѣніе пустымъ и разореннымъ. Или еще хуже: дворовые составляли шайки, соединялись съ нищими и просили милостыни, а по ночамъ нападали

на прохожихъ, съ топорами, ножами и кистенями, и производили пожары, чтобы только поживиться. Иногда случалось, что они сожигали или убивали своихъ господъ съ женами и дѣтьми, а сами уходили на Донъ или на Волгу. А нето изъ мести доносили на своихъ господъ, обвиняя ихъ въ злоумышленіи на царя и даже выдерживали въ доказательство этого пытки, которымъ ихъ подвергали. Бѣжали не только крестьяне, но и посадскіе, то подѣ именемъ монастырскихъ старцевъ, то въ видѣ нищихъ, и также вступали въ эти бродячія шайки и производили пожары и грабежъ (Mayerberg, Доп. къ Ист. Ак. I, 398, III, 138, 144, 318, IV, 246, 261; Ак. Относ. къ юрид. быту, 15; Уложен. гл. XX; Доп. къ Ист. Ак. VI, 117; Ак. Ист. II, 166, IV, 537, V, 121; Fletcher, II, 175).

Да, шли пить и грабить не потому, что позабыли заповѣди Божіи, какъ думали отцы Стоглаваго собора и разные обличители, а потому, что ѣсть было нечего.....

Впрочемъ, для тогдашняго общества было еще одно убѣжище, привлекавшее многихъ своею тишиною, защитою отъ политическихъ и административныхъ гоненій, наконецъ покоемъ и обезпеченностію. Это былъ—монастырь. Русскихъ влекла туда, говоритъ Флетчеръ, та безопасность, которую давало монашеское званіе сравнительно съ гнетомъ и поборами, какіе терпѣлъ народъ. Многіе надѣвали монашеское платье какъ лучшее оружіе противъ подобныхъ ударовъ. Но кромѣ добровольныхъ монаховъ были тамъ и такіе, которые должны были постричься; это были по большей части представители дворянскихъ фамилій. Нѣкоторые шли въ монастырь какъ въ мѣсто убѣжища и дѣлались монахами, чтобы избѣжать заслуженнаго наказанія и преслѣдованія законовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если кто успѣетъ убѣжать въ монастырь, и прежде, чѣмъ будетъ взятъ, возложить на свою голову клубукъ, тотъ остается навсегда защищеннымъ отъ всякаго преслѣдованія законовъ, какое бы онъ ни совершилъ преступленіе, кромѣ оскорбленія величества. Однако, по приказанію царя, никто не принимается въ монастырь, не давъ на него земель или извѣстной суммы, которую онъ обѣщаетъ внести въ монастырскую казну. Такъ нѣкоторые даютъ 1000 руб. и болѣе, и никто не принимается съ суммою менѣе 300 и 400 руб. (Fletcher, II, 95, 96). Богачи даже считали спасительнымъ подвигомъ дѣлать складчину въ пользу немущаго. И уже въ XVI вѣкѣ въ Россіи

было такое множество монаховъ, что Флетчеръ русскихъ называетъ «племенемъ монастырей» (II, 99). »Тамъ, говорить онъ, безчисленное множество монаховъ и гораздо болѣе, чѣмъ въ какой нибудь католической странѣ. Они снуютъ въ каждомъ городѣ и въ большей части деревень«. Въ одномъ Троицкомъ монастырѣ ихъ было около 700 человѣкъ, не считая монастырской прислуги (II, 96, 97). Это явленіе весьма понятно при томъ давленіи, какое испытывало тогдашнее общество. Если народъ бѣжалъ отъ общественныхъ невзгодъ и обязанностей (напр. службы)—на Волгу, на Донъ, въ лѣса, или просто куда глаза глядятъ, то отчего же было не бѣжать ему въ монастыри, когда доступъ въ нихъ былъ открытъ для всякаго, и гдѣ каждый могъ найти и теплый уголь и беззаботный кусокъ хлѣба. Бѣглецовъ разыскивали, бродягъ ловили, а монахъ навсегда былъ огражденъ отъ этой тревоги своимъ платьемъ. Стоглавъ въ этомъ случаѣ хорошо объясняетъ это всеобщее стремленіе въ монастырь, замѣчая, что въ то время въ монахи шли »покоя ради тѣлеснаго«, или, какъ сознавался одинъ монахъ Флетчеру, чтобы по крайней мѣрѣ »ѣсть спокойно«; потому что, въ міру многимъ приходилось и совсѣмъ не ѣсть, а сидя поджидать голодной смерти. На сколько это убѣганіе въ монастырь было общимъ явленіемъ XVI вѣка и постоянно усиливалося къ XVII вѣку, лучше всего видно изъ того, что въ одномъ XVII столѣтіи вновь возникло до 220 монастырей и пустыней, тогда какъ, по словамъ г. Шапова, »въ самую цвѣтущую эпоху монашества въ Россіи—въ XIV вѣкѣ ихъ возникло только до 80, а въ XV до 70« (Русскій Расколъ, стр. 207). Отсюда само собою понятно, какъ пагубно должна была отражаться на тогдашнемъ русскомъ обществѣ, и безъ того обремененномъ не по силамъ разными налогами и повинностями, эта убыль здоровыхъ силъ. Цѣлыя тысячи приходилось съ-разу отсчитывать изъ общественной организации. И въ добавокъ на эти тысячи приходилось еще и трудиться тому же, кругомъ обрѣзанному народу. Да и какъ трудиться! Одинъ обличитель XVI вѣка замѣчаетъ, что монахи »морили« своихъ крестьянъ »частыми тягостями трудовъ всяческихъ« и за малѣйшее отступленіе »озлобляли ихъ оковами желѣзными«. Они отдавали имъ деньги въ ростъ и даже хлѣбъ занимали съ »насыпомъ«, а въ случаѣ неотдачи долга мучили ихъ бичами, лишали свободы, отнимали ихъ пожитки и самихъ выгоняли изъ своихъ имѣній »съ тощими руками«. Однимъ словомъ, монастырскіе вѣрстьяне, подобно остальнымъ своимъ

cy

собратьямъ по участи, »томились въ житейскихъ потребахъ, въ скудости и нищитѣ всегда пребывали, не имѣли даже чистаго ржанаго хлѣба, а часто и соли отъ крайней нищеты«; тогда какъ икъ владѣльцы пили и роскошничали подобно князьямъ и боярамъ (Соч. Максима Грека, Прав. Соб. 1860 г. ноябрь; Бесѣда ума съ душою, и Прав. Соб. 1861, февр. 131). И здѣсь слышатся такія же жалобы, какъ и тамъ. Напр. на архимандрита Спасскаго монастыря жаловались, что онъ сажаетъ крестьянъ въ тюрьму, справляетъ подати вдвое, »черезъ насильство, отъ котораго монастырскія вотчины запустѣли« (Ак. Арх. Эксп. I, № 313). Такъ, часто случалось, что простой мужикъ, вступивъ въ монастырь, выплачивалъ на своемъ братѣ мѣрное горе, потому только, что тотъ еще хотѣлъ работать и потому уже былъ честиѣе его, дармоѣда.

Но зло подступало еще и съ другой стороны. Въ древней Руси никакое учрежденіе не пользовалось такимъ уваженіемъ и такими льготами, какъ монастырь. Туда несли свои богатства тѣ, которые заботились о вѣчномъ поминовеніи своей души, и тѣ, которые хотѣли сохранить свои богатства отъ произвола сильныхъ. Во всякомъ случаѣ монастырь получалъ большіе вклады. Случалось и такъ, что подъ вліяніемъ благочестивой ревности того времени, многіе предпочитали отдать свое достояніе по смерти въ монастырь, а не родственникамъ, которые даже терпѣли нужду. Въ то время монахи были постоянными собесѣдниками благочестивыхъ людей, въ особенности въ знатныхъ домахъ, и тутъ-то не было конца выпрашиваніямъ на монастырь. Они прямо говорили: »не давайте имѣній даже убогимъ родственникамъ, а записывайте ихъ лучше въ монастырь, за что святые вымолятъ у Бога царствіе небесное, потому что все это идетъ въ руки Божіи« (Опис. Рум. Муз, 243, 244; Прав. обзор. 1862, июнь, Ересь жидов. 180; Полн. Собр. рус. лѣт. IV, 238). Цари и князья также благодѣтельствовали монахамъ, которые имъ сильно угождали, за что и получали отъ нихъ »грады, села и волости«. Въ этомъ случаѣ монахи даже подѣлывали нѣкоторыя мѣста въ священныхъ книгахъ и опирались на нихъ въ свою пользу (Сказанія Курбскаго: Ист. Иоанна; Чтен. Моск. Общ. ист. 1859, III, Разсужденіе Вассіана, стр. 6, 7). И вотъ, лишь только какой старецъ поставитъ монастырь—и князья и бояре спѣшатъ умолить дарами новаго покровителя—святаго. Такимъ образомъ это



всеобщее стремление къ монастырямъ и уваженіе къ нимъ привело наконецъ къ тому, что въ XVI вѣкѣ оказалось, что цѣлая треть государственныхъ земель находится въ ихъ рукахъ (Горсей, О Московіи; Адамъ Климентъ говорить: »Nam tertiam fundorum partem totius imperii tenent monachi«. Въ Reg. Moscoviticar. Comment. Francofurti, 1600, pag. 153 1). Но, получая обширные поземельные надѣлы, монастыри приобрѣтали еще на нихъ громадныя привилегіи и льготы. Они и ихъ крестьяне освобождались отъ податей и пошлинь (всѣхъ или нѣкоторыхъ); а нѣкоторые получали право собирать въ свою пользу пошлины и подати даже съ лицъ и мѣстъ, не подчиненныхъ имъ; они избавлялись отъ подсудимости мѣстнымъ властямъ, отъ проѣздовъ черезъ ихъ села княжескихъ чиновниковъ и выдачи имъ корма, подводъ и проводниковъ. Многіе монастыри получали право держать пятна для покупки и продажи лошадей, а нѣкоторые изъ нихъ имѣли даже судебную власть надъ людьми, живущими на ихъ земляхъ, не только въ дѣлахъ гражданскихъ (привилегія слишкомъ обыкновенная), но и въ уголовныхъ. Изъ множества жалованныхъ грамотъ монастырямъ видно, какія идеи заправляли тогдашнимъ вѣкомъ и людьми. Эти льготы были до того привлекательны для лицъ, постоянно обременяемыхъ налогами и поборами, что многіе люди, даже свободнаго состоянія, »посадскіе и уѣздные« охотно закладывались за монастыри. Оттого иногда посадки и села пустѣли, и правительство принуждено было насильно возвращать крестьянъ, перешедшихъ оттуда на монастырскія земли, такъ какъ оставшимся тяжело было нести повинности (Арх. Эксп. I, № 201; Важская грамота). И намъ кажется, что одною изъ главныхъ причинъ закрѣпленія крестьянъ было сильное развитіе монастырской собственности, надѣленной огромными льготами, которыя, приманивая крестьянъ, липали государство и безъ того скудныхъ средствъ. Это видно изъ словъ собора, бывшаго 20 іюня 1584 года. Въ грамотѣ говорится: »Совѣтовались мы и порѣшили чтобы впередъ тарханамъ не быть;

1) Иногда это отношеніе еще увеличивалось. Напр. въ Горетовомъ станѣ Московскаго уѣзда въ 1586 г. подъ помѣстьями и вотчинами было 5780 четвертей пахатной земли; порожней и оброчной земли, находившейся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ правительства, было 8639 четв.; а церковныхъ земель — 9422 четверти. См. Приправоч. книга по Москов. уѣзду; Временникъ, № 13.

земли митрополичьи, архіепископскія, владычны и монастырскія въ тарханахъ никакой царской дани и земскихъ разметовъ не платятъ, а воинство, служилые люди эти земли оплачиваютъ; оттого большое запустѣніе за воинскими людьми въ отчинахъ ихъ и помѣстьяхъ; а крестьяне, выйдя изъ-за служилыхъ людей, живутъ за тарханами въ льготѣ, и отъ того великая нищета воинскимъ людямъ пришла. И потому, ради великихъ нуждъ и тщеты воинскихъ людей, мы уложили и т. д. (Соб. гос. гр. I, № 202). Однако духовенство слишкомъ эгоистически относилось къ общественнымъ нуждамъ. Всѣ богатства страны сосредоточились въ монастыряхъ (Fletcher, I, 125, 126). Одинъ Троицкій монастырь извлекалъ изъ своихъ земель и привилегій 100,000 руб. годового дохода (Fletcher, II, 97); а когда Іоаннъ Грозный произвелъ поборъ на духовенствѣ, то нѣкоторые епископства и монастыри въ состояніи были уплатить 40,000, 50,000 и даже 100,000 руб. (Fletcher, I, 127). Горсей же говоритъ вообще, что Іоаннъ получилъ только деньгами 300,000 стерлинговъ, не считая земель и недвижной собственности (О Московіи). Между тѣмъ, на заявленія правительства о государственныхъ потребностяхъ, духовенство отвѣчало только напоминаніемъ о неприкосновенности своихъ правъ. Когда Іоаннъ III предложилъ Московскому собору (1503 года) на обсужденіе вопросъ о причисленіи имуществъ духовенства въ вѣдѣніе государства, желая надѣлать ими несостоятельныхъ служилыхъ людей, то духовный соборъ отвѣчалъ ему, что «святители и монастыри отдавать ихъ не благоволятъ, потому что всѣ эти приобрѣтенія церкви суть Божія». Это противодѣйствіе духовенства, въ виду самыхъ необходимыхъ нуждъ общества, лучше всего характеризуется въ рѣчи Іоанна Грознаго, прикрытой, правда, самыми благими попеченіями царя объ общей нуждѣ, отъ которыхъ онъ такъ же былъ далекъ, какъ и тѣ, къ которымъ онъ относился; но все-таки самая рѣчь, высказанная въ глаза, можетъ служить свидѣтельствомъ о положеніи дѣла. Іоаннъ требовалъ у духовенства пожертвованія во имя «вопиющей необходимости и печальнаго положенія народа». Оно оттягивало; тогда онъ, созвавъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ духовныхъ сановниковъ и настоятелей, сказалъ имъ: «Мы извѣщены о вашихъ совѣщаніяхъ и о томъ, на что вы рѣшились... Трогательное извѣстіе о бѣдствіяхъ государства и нуждахъ моего народа, о печальномъ исходѣ многихъ дѣлъ—не возбудили въ васъ сожалѣнія и не смягчили васъ... *Дворянство и народъ вопіетъ къ намъ съ*

своими жалобами, что вы, для поддержанія своей іерархіи, присвоили себѣ всѣ сокровища страны, торгуете всякаго рода товарами, налагаете и берете мыты съ проезжихъ всякаго званія людей, пользуетесь привилегіями, не платите нашему престолу ни пошлинъ, ни военныхъ издержекъ, застрачали робкую совѣсть лучшаго и полезнѣйшаго класса нашихъ подданныхъ и захватили себѣ въ собственность третью часть, какъ оказывается, городовъ, посадовъ и деревень нашего государства.... Весь мой нѣкогда зажиточный народъ обѣднѣлъ чрезъ ваши грабежи и дѣвольскіе обманы, тогда какъ вы должны были возстановлять и поддерживать цвѣтущее состояніе земства.... Ваши доходы далеко превышаютъ то, что обыкновенно вы можете истратить при вашемъ роскошномъ и расточительномъ образѣ жизни. Такъ какъ мое дворянство и служилые люди чрезъ все это въ упадкѣ и наша казна истощена, то мы, по тайному вдохновенію святыхъ душъ чудотворцевъ, которымъ вы служите и обязаны многочисленными богатствами, которыя у васъ лежатъ и не употребляются на духовныя нужды, — именуемъ ихъ, какъ равно именуемъ душъ вкладчиковъ, я заклинаю васъ и повелѣваю вамъ, чтобы вы въ назначенный день собрали и доставили вѣрнѣйшій и точнѣйшій инвентарь всѣхъ сокровищъ и годоваго дохода, получаемаго каждою вашею обителью отъ всего, что за нею числится во владѣніи. Нужда не дозволяетъ никакихъ отсрочекъ, ни извиненій.... Нужда и польза требуютъ, чтобы эти массы сокровищъ были употреблены на защиту нашего государства. Король Польскій и Литовскій, король Шведскій и король Датскій сговариваются между собою; наши мятежники соглашаются съ Крымомъ. Пусть уши и очи будутъ свидѣтелями исполненія нашего долга передъ Богомъ и его ангелами, что мы побуждали васъ, именуемъ ихъ бѣднаго и разореннаго народа, ради нужды искупленія и сохраненія всѣхъ васъ; мы принуждены были такъ усиленно ходатайствовать и умолять, чтобы вы вѣремя помогли ихъ несчастному положенію тѣми средствами, которыя у васъ въ рукахъ. »Но, говорить Горсей, епископы, настоятели и игумены, въ большемъ уныніи, и порознь искали средствъ, придумывали вмѣстѣ съ недовольнымъ дворянствомъ, какъ бы поверотить дѣло и вести оппозицію» (О Московіи). Мы уже разъ указывали, что и одною изъ главныхъ причинъ паденія перваго Самозванца было его распоряженіе объ отобраніи монастырскихъ имуществъ. Духовенство продолжало стоять на своемъ. Сытый голоднаго не понимаетъ, говоритъ русская пословица.

Вотъ тѣ результаты древне-русской цивилизаціи, отъ которыхъ дѣйствительно страдало русское общество, и которые уже вполне обнаружались въ разсматриваемую нами эпоху.

#### IV.

Подъ впечатлѣніемъ такихъ-то нестроений въ Россіи, въ XVI вѣкѣ, въ небольшомъ кружкѣ лицъ, пробуждается реакція установившемуся общественному порядку. Дѣятелями ея были: князь Вассіанъ Патрикевъ-Косой, Феодосій Косой, Матвѣй Башкинъ и князь Курбскій. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что на ихъ мнѣнія оказали большое вліяніе Максимъ Грекъ, дѣятельность котораго мы подробно разсмотрѣли въ особомъ трудѣ (сюда относятся IX и X главы II вып.); но онъ все-таки еще остается въ положеніи обличителя, для котораго главное — обнаруженіе общественныхъ недостатковъ и караніе ихъ однимъ словомъ. Правда, обличенія Максима Грека захватываютъ уже слишкомъ далеко и обращаются даже въ личную сатиру, что и придаетъ имъ важное историческое значеніе; но онъ не идетъ далѣе постановки вопросовъ и намѣчиванья тѣхъ пунктовъ, съ которыхъ слѣдовало бы начать дѣло. Вотъ почему и такіе консерваторы, какъ дѣятели Стоглаваго собора, и такіе отрицатели, какъ еретики Косой, одинаково хватились за сочиненія Максима; такъ какъ въ нихъ они находили голую дѣйствительность, съ которою можно было раздѣливаться и слезными воззваніями и отрицаніемъ тѣхъ формъ, среди которыхъ она развилась.

По прибытіи Максима Грека въ Россію, его келья скоро стала мѣстомъ сборища, куда сходились книжные люди «спираться» по дѣламъ книжнымъ и толковать объ общественныхъ нуждахъ, а иногда ихъ бесѣда заходила и до политическихъ обстоятельствъ Россіи. Здѣсь постоянно вращались: князь Иванъ Токмаковъ, Василій Михайловичъ Тучковъ, Иванъ Даниловичъ Сабуровъ, Юрій Тютинъ, князь Петръ Шуйскій, князь Андрей Холмскій, князь Андрей Курбскій, Иванъ Нивитичъ Беклемишевъ-Берсень (бывшій близкимъ лицомъ при Иванѣ III), дьякъ Жареный, бояринъ Феодоръ Карповъ (который даже Максимъ укорялъ за строгій приговоръ «паукамъ внѣшнимъ»), Димитрій Герасимовъ, Нилъ Курлятевъ, Зяновій Отенскій и др. Но самымъ близкимъ лицомъ къ Максиму Греку былъ князь Вассіанъ Косой, раздѣлявшій съ нимъ и его убѣжденія, и его участь.

Князь Вассіанъ былъ сынъ литовскаго князя Ивана Юрьевича Патрикѣва, служившаго Ивану III, и въ мірѣ назывался Василюемъ. Иванъ Юрьевичъ считался потомкомъ Олегерда и былъ родной племянникъ Темнаго, сынъ дочери велик. князя Василя Дмитріевича—Маріи. Ему принадлежало первое мѣсто въ числѣ бояръ іоанновыхъ, но это не спасло его отъ страшнаго опала. По дѣлу о преемникѣ Іоанна III, Иванъ Юрьевичъ съ зятемъ своимъ Симеономъ Ряполовскимъ держали сторону внука Іоанна—Дмитрія и его матери Елены. Сначала восторжествовала ихъ партія, но когда, по новымъ доносамъ, Іоаннъ счелъ себя обманутымъ, то, возвративъ прежнее расположеніе къ своей сунругѣ Софіи и сыну Василю, жестоко наналъ на прежнихъ своихъ любимцевъ. Патрикѣвъ съ двумя сыновьями и зятемъ были осуждены на смертную казнь: князю Ряполовскому отсѣкли голову на Москвѣ-рѣкѣ, а Патрикѣвы были спасены отъ смерти благодаря только ходатайствамъ митроп. Симона и нѣкоторыхъ епископовъ. За то они принуждены были постричься въ монахи. Иванъ Юрьевичъ поселился въ Троицкомъ монастырѣ, а сынъ его Василю, въ монашествѣ Вассіанъ, отправился въ Кирилло-Бѣлозерскую обитель. Тамъ онъ, по словамъ Курбскаго (Сказанія, стр. 4 и 5), »такъ жестоко и свято житіе препровождалъ, что уподобился великому и славному древнему Антонію«. При Василю Іоанновичѣ онъ былъ приближенъ и жилъ въ Симеоновомъ монастырѣ. Его Василю полюбилъ »ради бесѣды душевныя« и однажды откровенно высказалъ ему это. »Я, гогорилъ Вассіану вел. князь, не находилъ еще такого собесѣдника какъ ты для меня, ты подпора моеи державѣ, умягченіе сердца, утоленіе гнѣва, веселіе моеи бесѣды, обогащеніе души, вѣтеръ, разсѣвающій мои скорби, наставникъ нелицемѣрной любви и братолюбія« (О сочетаніи втораго брака Василю Ивановича, Паисія; въ Чтен. Моск. общ. ист. 1847 г. № 8, стр. 2). И въ какой силѣ былъ сначала при Василю князь Вассіанъ—видно изъ словъ Медоварцева. По поводу одного обвиненія, онъ на соборѣ замѣчалъ митроп. Данилу: »А я, господине, боялся ослушаться князя Вассіана, потому что онъ былъ великій временной человекъ (временщикъ), у великаго князя ближній, и я такъ и государя не боялся, какъ его боялся и слушалъ« (Чтен. Моск. общ. ист. № 7, 1847 г. Прен. митроп. Дан. съ Максим. стр. 11). Даже пища, хлѣбъ и вино доставлялись Вассіану съ княжескаго стола. Зиновій Отенскій, по монашеской злобѣ, за рѣзкія обличенія Вассіаномъ монашеской жизни, хотѣлъ заподо-

зреть его нравственность тѣмъ, что онъ ѣлъ лучшія блюда, пилъ хорошія вина и имѣлъ болѣе удобствъ въ жизни.... Но подобная мѣрка конечно не идетъ къ оцѣнкѣ достоинствъ человѣка (Ист. Рос. Іерархіи, II, стр. XXX). Около 1516 года Вассіанъ составилъ сборникъ церковныхъ правилъ, а съ прибытіемъ Максима Грека на него былъ возложенъ надзоръ въ переводномъ дѣлѣ. И въ этомъ случаѣ онъ принималъ большое участіе, такъ что и переводчики, и лица, интересовавшіяся переводами, обращались къ нему за разрѣшеніемъ недоумѣній (Чтен. Моск. общ. ист. 1847 г. № 9: Преніе митр. Данила съ Вассіан. стр. 1, 2; № 8: О сочет. втораго брака, стр. 4; № 7: Прен. митр. Дан. съ Макс. Грек.). На Максима же Грека самъ Вассіанъ смотрѣлъ какъ на непререкаемый авторитетъ. Одному изъ сотрудниковъ въ переводахъ — Медоварцеву, онъ говорилъ такъ: «а ты слушай меня, Вассіана, да Максима Грека, и какъ тебѣ велитъ писать или заглаживать Максимъ — такъ и дѣлай. А здѣшнія книги все лживыя, а правила здѣшнія — кривыя, а не правила. До Максима по тѣмъ книгамъ Бога хулили, а не славили и не молили; и теперь Бога познали Максимомъ и его ученіемъ» (Чтен. Моск. общ. ист. 1847, № 7, стр. 10).

Впрочемъ Вассіанъ не былъ книжникомъ въ русскомъ духѣ, которые боялись вносить въ свои книги и понятія что нибудь сверхъ церковнаго элемента. Даже въ своихъ правилахъ, онъ, въ числѣ постановленій отцовъ церкви, помѣстилъ наставленія Гомера, Аристотеля, Платона и другихъ греческихъ мудрецовъ (Чтен. Моск. общ. ист. 1847 г. № 9, стр. 7). Уже въ XIV вѣкѣ, подъ влияніемъ церковныхъ пестроеній, развилось у насъ критическое отношеніе къ церковнымъ вопросамъ. Это мѣстное броженіе въ XV вѣкѣ отразилось въ известной ереси жидовствующихъ, а потомъ, какъ справедливо объясняетъ г. Костомаровъ (Историч. монографіи, I, Великорус. вольнодумцы XVI вѣка, стр. 432), вслѣдствіе вывода и расселенія повгородцевъ, распространялось по всей Руси и произвело рядъ явленій, болѣе или менѣе сходныхъ между собою въ сущности, отличныхъ въ подробностяхъ и нерѣдко противорѣчивыхъ по вѣроученію и приложенію къ дѣлу. Оно проникло даже въ монастыри на сѣверъ и въ Заволжье. При Василии Іоанновичѣ слѣды ереси жидовствующихъ были еще очень замѣтны (Древн. Рос. Вивлію. XVI, 423, 424; Дополн. къ Ист. Акт. I, № 25). А изъ сочиненій Максима Грека видно, что и въ его время были распространители (напр. нѣкто Исаакъ) и послѣдователи мнѣній

этихъ еретиковъ (Сочин. Максима, Прав. Соб. 1859, мартъ, 39, 59, 51; 1860, слово XXII и XXIV, и наше объясненіе въ соч. «Максимъ Грекъ» Вып. I, 180—183). Подъ вліяніемъ же этихъ толковъ пробудилось потомъ умствование Θεодосія Косаго. Такое преемственное явленіе еретическихъ мнѣній показываетъ, что самое броженіе постоянно существовало въ обществѣ. Оно коснулось также и Вассіана Косаго.

Въ это время порча книгъ на Руси достигла крайняго предѣла; только немногія изъ нихъ оказались годными къ употребленію. Самое духовенство было несвѣдуще въ книжномъ ученіи и тѣмъ подрывало довѣріе къ себѣ. Стали высказываться мнѣнія, что духовные, если и наставляютъ мірянъ, то дѣлаютъ это ради собственнаго прибытка (Разсужд. Вассіана, Чтен. Моск. общ. ист. 1859, № III, стр. 14). Народу нуженъ былъ авторитетъ книги; послѣдователи Θεодосія Косаго называли его учителемъ потому только, что онъ училъ по книгѣ; они вѣрили его словамъ потому, что онъ объяснялъ книгу и давалъ ее открыто всѣмъ читать (Истины показаніе Зиновія, Прав. Соб. 1863 г. янв. 12, февр. 42, 49). Мало того, духовенство стали подозрѣвать въ умышенномъ скрѣтіи и порчѣ книгъ. Такъ Θεодосій Косой говорилъ: «здѣсь въ монастыряхъ столповыя книги (Ветхаго Завѣта) лежатъ по-прятаны и запечатаны и не даютъ ихъ читать, тая отъ людей, а столповыя книги слѣдуетъ читать» (Истины показаніе, сентябрь, стр. 208). А Вассіанъ открыто обличалъ, что «цари не знаютъ и не внимаютъ того, что *многіе книжники изъ монаховъ*, по дьявольскому умышенію, изъ святыхъ божественныхъ книгъ и изъ житій святыхъ выключаютъ мѣста, и изъ книгъ преподобныхъ и святыхъ отцевъ выкрадываютъ писанія, и на ихъ мѣсто въ тѣ же книги вносятъ лучшее и вписываютъ полезное себѣ, свидѣтельствуя какъ-будто это подлинно было святыхъ писаніе» (Разсужденіе о неприличіи монаст. владѣть вотчинами, Чтен. Моск. общ. ист. 1859 г. № III, стр. 6). Понятно послѣ этого, что всякій книжникъ, мало-мальски мыслящій, долженъ былъ самъ искать разрѣшенія своихъ недоумѣній. Такъ и было:—еретикъ брался за книги и толковалъ ихъ такъ, какъ говорилъ имъ простой смыслъ. Подъ такимъ же впечатлѣніемъ, и изъ опыта зная до какого искаженія въ это время были доведены книги, Вассіанъ открыто заподозрилъ ихъ достоинство: «и здѣшнія книги, говорилъ онъ, всѣ лживыя, правила здѣшнія кривыя, а не правила». И когда ему замѣтилъ Медоварцевъ

что «русскія книги переведены съ греческихъ и потому писаны отъ Святаго Духа, святыми апостолами и отцами церкви», то онъ рѣзко отвѣчалъ: «отъ діавола писаны, а не отъ Св. Духа» (Чтен. Моск. общ. ист. 1847, № 7, стр. 11 и 12). Кодексъ знаній древне-русскихъ книжниковъ заключался въ священномъ писаніи, а потому по преимуществу на него и было обращено ихъ отрицаніе. Такъ представители жидовствующей ереси, выступая на поприще полемики, запаслись такими книгами священнаго писанія или имѣющими къ нему ближайшее отношеніе, какихъ не могли добыть и представители русской церкви; Банкинъ, волнуемый житейскими сомнѣніями, отмѣчалъ въ своемъ Апостолѣ всѣ мѣста, требовавшія, по его мнѣнію, серьезнаго разрѣшенія, — и такимъ образомъ онъ измѣтилъ всю книгу; Θεодосій Косой въ особенноти совѣтовалъ читать Ветхій Завѣтъ, думая найти тамъ лучшее подтвержденіе своему ученію о единобожіи. Такія же недоумѣнія при чтеніи священныхъ книгъ раждались, какъ видно, сначала и у Вассіана. «Однажды, говоритъ старецъ Досіеѣй, позвалъ меня Вассіанъ въ келью (уже въ Симоновомъ монастырѣ) и далъ мнѣ толковое Евангеліе недѣльное о Самарянинѣ, гдѣ было написано: «тварь поклоняется твари», и сказалъ мнѣ: «эту строку я еще живя въ пустынѣ, разыскавалъ». Потомъ я сталъ смотрѣть ее въ церкви, а онъ пришелъ ко мнѣ и молвилъ: «что-де ты смотришь?» Я ему говорю: вчерашнюю строку, а онъ мнѣ въ отвѣтъ: «покинь, Христось-де самъ тварь, твари поклоняется тварь». И тогда я ему не возразилъ. А онъ опять пришелъ ко мнѣ и крикнулъ: «дьявольскимъ-де духомъ писано». Потомъ снова въ церкви сталъ говорить мнѣ: «какъ твой Іосифъ писалъ, что на семи соборахъ отцы святыя Духомъ писали, мой-де старецъ Нилъ того не писалъ». Да послѣ ефимона со мною сталъ говорить: «Богъ-де молвилъ къ себѣ: сотворимъ человѣка по образу нашему»; а я ему отвѣчалъ: «такъ еретики говорятъ; когда бы къ себѣ молвилъ, то сказалъ бы: сотворю человѣка по образу моему, а то онъ говорилъ къ Сыну и Духу: сотворимъ человѣка по образу нашему. И Вассіанъ замолчалъ, видя, что во мнѣ ему нѣтъ части» (Чтен. Моск. общ. ист. 1847, № 9, стр. 10).

Но изъ послѣдующей дѣятельности Вассіана видно, что взгляды его далеко измѣнились, и это скорѣе всего могло произойти подъ вліяніемъ Максима Грека, о которомъ онъ самъ говоритъ: «нынѣ мы Бога познали Максимомъ и его ученіемъ». Хотя и послѣ этого Вассіанъ не



воплѣ отступился отъ своихъ личныхъ убѣжденій. Онъ открыто не хотѣлъ признавать нѣкоторыхъ лицъ святыми. Такъ уже въ 1531 году, на соборѣ, созванномъ противъ него, митроп. Даніилъ замѣчалъ ему: »Да ты Вассіанъ говорилъ про чудотворцевъ: господи, что это за чудотворцы? Говорятъ въ Колязинѣ Макарь чудеса творить, а мужикъ былъ сельской«. И Вассіанъ на это отвѣчалъ: »я его зналъ, простой былъ человѣкъ, а чудотворецъ онъ былъ или нѣтъ—это какъ вамъ угодно«. Потомъ опять митрополитъ сказалъ ему: »Вотъ всѣ православные поклоняются честному гробу и святымъ мощамъ Іоны чудотворца, митроп. всея Руси, а мы слышали отъ многихъ достовѣрныхъ людей, что ты де Вассіанъ одинъ только не поклоняешься ему и не почитаешь его, какъ слѣдуетъ почитать святыхъ«. И Вассіанъ снова отвѣчалъ: »я не вѣдаю - де — Іона чудотворецъ - ли?« (Чтен. Моск. общ. ист. 1847 г. № 9, стр. 11). И въ то самое время, когда представители русской церкви требовали и предавали казни еретиковъ, когда даже Максимъ Грекъ писалъ о томъ же увѣщательное посланіе къ православному собору (Просвѣтитель Іосифа Волокол. стр. 591, посланіе къ Нифонту, Чтен. Моск. общ. 1848, № 1, стр. 7; Ак. Арх. Экспед. I, № 380; Соч. Макс. Гр. Прав. Соб. 1859, мартъ, 51) — Вассіанъ Косой рѣзко заявлялъ свой голосъ противъ этой мѣры. Защитниковъ ея онъ называетъ лишенными здраваго смысла и обремененными мірскою гордостью. Они опирались на примѣры древнихъ ревнителей (Моисея, Ілію, Финееса)—Вассіанъ, за всякое добавленіе къ новозавѣтнымъ постановленіямъ, угрожаетъ страхомъ проклятія; Іосифъ Волоколамскій совѣтовалъ при этомъ не обращать вниманія даже на покаявшихся еретиковъ—Вассіанъ такихъ лицъ, потерпѣвшихъ наказаніе, называетъ мучениками (Полемич. сочин. Вассіана. Прав. Соб. 1863 г. окт. стр. 198, 199, 201—204). Не даромъ же за свои порицанія этихъ церковныхъ авторитетовъ онъ заслужилъ названія »безстыднаго и дерзкаго« (Полемич. сочин. тамъ же, стр. 182, 188). И этотъ-то человѣкъ выступалъ теперь на борьбу съ іерархическими интересами.

Его дѣятельность въ этомъ отношеніи сосредоточивается: 1) на вопросѣ о церковныхъ имуществахъ, и 2) на правѣ вмѣшательства духовенства въ дѣла свѣтскія.

Уже на соборѣ 1503 года, по поводу преній объ отнятіи монастырскихъ имуществъ, образовалось двѣ враждебныхъ партій по взгляду на это дѣло. Въ пользу отобранія имуществъ ратовалъ строгій блю-

ститель пустынножительства—Нилъ Сорскій, и его поддерживали бѣлозерскіе пустынники; такъ какъ, по ихъ взгляду, идеаль монашества представлялся въ строгомъ отшельничествѣ, а потому и монахи должны были кормиться собственнымъ трудомъ. Во главѣ противной стороны стоялъ Іосифъ Волоколамскій, поддерживаемый большею частью членовъ духовнаго собора. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ въ видахъ чисто-іерархическихъ интересовъ. На соборѣ онъ говорилъ: «если у монастырей сель не будетъ, то какъ честному и благородному человѣку постричься? а если не будетъ честныхъ старцевъ, то откуда взять на митрополию, епископію и на всякія честныя власти? и если не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, тогда вѣрѣ будетъ поколебаніе» (Объ отнош. иноковъ Іосифов. и Кирилловс. монаст., въ Твор. св. отц. годъ IX, кн. 3). Мнѣніе Іосифа восторжествовало надолго. Но борьба партій не утихала. «Какъ не стало, говоритъ одно сказаніе, старца Нила, тогда ученикъ его князь Вассіанъ Косой началъ сильно поборать за него, чтобы у монастырей не было сель, а къ нему присоединились и другіе старцы, а также и святогорцы» (Максимъ Грекъ, Савва и др.) (тамъ же). А Іосифъ Волоколамскій приписываетъ князю Вассіану даже инициативу въ этомъ дѣлѣ, возобновленіемъ при Василии Іоанновичѣ. Вассіанъ пустынникъ, говоритъ онъ, для того пришелъ на Москву, чтобы научить великаго князя и благородныхъ людей—села отнять у монастырей». И самъ Вассіанъ на это замѣчаетъ: «Въ этомъ, Іосифъ, ты не лжешь, что я велю велик. князю села отнимать у монастырей. А я пишу и говорю правду». Борьба мнѣній по вопросу о монастырскихъ имуществвахъ привела обѣ партіи къ страшному антагонизму въ самой жизни. Іосифъ Волоколамскій завѣщалъ своимъ ученикамъ, чтобы они не имѣли никакихъ сношеній съ учениками Нила и Вассіана, чтобы избѣгали съ ними дружбы и совѣтовъ, и даже запрещалъ сожительство съ ними (Полемич. сочин. Вассіана, Прав. Соб. 1863, окт. стр. 207, 209). Противная сторона держала себя такъ же. Хотя Вассіанъ и упрекалъ за это Іосифа, но самъ же онъ на соборѣ говорилъ митроп. Даниилу: «старцы Іосифова монастыря у меня и въ кельи не бывали; я ихъ къ себѣ не пускаю и дѣла мнѣ до нихъ нѣтъ» (Чтен. Моск. общ. ист. 1847, № IX, стр. 10). Будучи безусловнымъ противникомъ Іосифа въ мнѣніяхъ по нѣкоторымъ церковнымъ вопросамъ, возбужденнымъ въ то время, Вассіанъ написалъ даже отдѣльное «слово на Іосифа», въ которомъ

въ діалогической формѣ (лица: Вассіанъ и Іосифъ) дѣлаетъ возраженія на всѣ эти мнѣнія. Здѣсь онъ опровергаетъ необходимость казни еретиковъ, запрещеніе служить вдовымъ понамъ, порицаетъ обыкновеніе украшать церкви и особенно касается вопроса о монастырскихъ имуществвахъ. Еще при жизни Іосифа, ученики его—почитали его какъ святаго. Вассіанъ сильно напалъ за это на Іосифа, тѣсно связывая самое почитаніе съ его мнѣніями. »А ты, Іосифъ, писалъ онъ, называешь себя святымъ и чудотворцемъ и будто-бы получилъ даръ пророчества, и ученики твои о тебѣ то же проповѣдываютъ; нѣтъ, ты преступникъ заповѣдей божіихъ. О такихъ чудесахъ и ложныхъ знаменіяхъ въ 43-мъ словѣ книги Никона (Черногорца) написано: »это бѣсовскія чудеса и знаменія.... и намъ не слѣдуетъ въ нихъ вѣрить« (На Іосифа игумена Волоцкаго, Прав. Соб. 1863, стр. 200—210).

До сихъ поръ Вассіанъ относился къ монастырскимъ имуществамъ, оставаясь вѣрнымъ завѣщанію своего учителя, Нила Сорскаго. Но кромѣ такого отношенія къ этому вопросу, вытекавшаго изъ самаго взгляда на монашество, у Вассіана самое отрицаніе монастырской собственности слагалось еще и подъ впечатлѣніями печальной дѣйствительности. Въ этомъ случаѣ Вассіанъ выходитъ уже на путь обличителя. Общій мотивъ его обличеній, направленныхъ противъ монастырской жизни, тотъ же что и у Максима Грека. Это—представленіе контраста между удовольствіями и роскошью, какимъ предавались монахи, и бѣдственнымъ состояніемъ ихъ крестьянъ, забытыхъ и забытыхъ своими владѣльцами.

»Мы, говорятъ Вассіанъ, многогрѣшные и прегрѣшные иноки, возлюбивъ иночество и отрекшись этого міра и всего, что въ немъ, носимъ на себѣ только образъ иночества. Въ иноческомъ образѣ мы строимъ себѣ каменные ограды и палаты, позлащенные узорами съ травами многоцвѣтными, украшаемъ себѣ въ кельяхъ царскіе чертоги и беремъ съ міра все лучшее, и покоимъ себя пьянствомъ и пищею, достигающею намъ отъ рукъ труждающихся на насъ. Мы, по зависти, лишаемъ мірянъ лучшей пищи; а по справедливости лучшая пища и питіе принадлежатъ мірянамъ, работающимъ на насъ, а не намъ инокамъ, не намъ и еще скажу не намъ.... О безумные и заблудшіе мы пьяницы, угождающіе только мамонѣ!.... Нынѣ мы, окаянные, только возвышаемся и превозносимъ себя выше собственныхъ дѣлъ. По своему малодушію, мы держимъ у себя волости съ крестьянами, властвуемъ

надъ ними и показываемъ на нихъ только свое немилосердіе, злобу и всякую неправду, а тому и не внимаемъ, какъ избѣжать этого міра и его суеты, и чтобы еще намъ на братію трудиться. Трудящихся и мірянъ намъ слѣдуетъ питать, и отдавать имъ лишнее и необходимое; потому что они всегда съ радостью на насъ трудятся и насъ, иноковъ, питаютъ добровольными и обильными трудами. Они во всемъ повинуются намъ, а мы, окаянные, лишаемъ ихъ собственной пищи, какъ невѣрныхъ иноземцевъ и прочихъ поганныхъ. Читай житія преподобныхъ и пустынниковъ—они творили только благія дѣла и питались обыкновенною пищею и питіемъ, а какія ризы носили! развѣ они накопились гдѣ на крестьянскія слезы и отнимали что нибудь лжами и насильствомъ?..... много-ли оставили они золота, серебра и дорогихъ матерій?... А мы окаанные и многогрѣшные иноки оболгали всемиростиваго Спаса, принявъ этотъ образъ и назвавшись иноками; да, мы иноки, да только не на иноческую добродѣтель, а на всякую злобу иноки. И сверхъ монастырской казны еще крадемъ, всякій себѣ особо, и не знаемъ кому это изъ иноковъ достанется. Мы запасаемся золотомъ, серебромъ и дорогими вещами; мы держимъ для трапезы разные крѣпкіе и сладкіе напитки и пищу на многихъ блюдахъ и мисахъ... Но пусть будетъ извѣстно всему міру—это новая ересь, чтобы и инокамъ владѣть крестьянами, судить ихъ, отдавать на поруки и посылать по нимъ приставовъ изъ иноковъ же; да къ тому еще и питаются мірскими слезами» (Чтен. Моск. общ. ист. 1859 г. № III, Разсужд. Вассіана, стр. 7, 9, 10, 11, 13). »Мы, побѣжденные сребролюбіемъ и алчностью, различными способами оскорбляемъ убогихъ братій нашихъ, живущихъ въ нашихъ селахъ, налагая на нихъ лесть на лесть и лихву на лихву, и нигдѣ не обнаруживая даже милости, такъ что, если кто изъ нихъ не можетъ отдать лихвы (процента), то мы безъ сожалѣнія лишаемъ ихъ и послѣдняго имущества: отнимаемъ у нихъ коровку и лошадку, а самихъ ихъ съ женами и дѣтьми, какъ будто-бы поганныхъ, изгоняемъ далеко отъ своихъ предѣловъ; другихъ же еще предаемъ въ руки княжеской власти и такимъ образомъ до конечнаго истребленія. Намъ повелѣно для усовершенствованія въ добродѣтели и свое раздавать нищимъ, а мы, какъ будто ополчаясь противъ заповѣдей, обижаемъ, грабимъ и продаемъ крестьянъ, братій нашихъ, и безъ милости истазуемъ ихъ бичемъ, бросаая на нихъ, какъ дикіе звѣри бросаюся на тѣла (Полемич. сочин. Вассіана, Прав. Соб. 1863, сентяб. 109, 110).

Какая польза тѣмъ благочестивымъ князьямъ, которые принесли свои имѣнія Богу (т. е. пожертвовали въ монастырь), когда вы неправедно и съ лихоиманіемъ управляете ими. Самы вы богатѣете и ищете безмѣрно и сверхъ иноческой потребности, а братія наша, работающіе вамъ на селахъ крестьяне, живутъ въ крайней нищетѣ, и если не удовлетворяютъ вашей прихоти или не въ состояніи отдать вамъ лихвъ—тогда, увы! бываютъ изгнаны изъ сель вашихъ нагіе и избитые.... Вы, по своему безумію и самолюбію и по неблагодарности къ тѣмъ князьямъ (т. е. вкладчикамъ), весь годовой доходъ берете къ себѣ и одну часть обращаете въ деньги, чтобы отдать въ ростъ, а другую—сохраняете до той поры, когда наступитъ скудость, чтобы продать по высшей цѣнѣ» (Полемич. сочин. Вассіана, октябрь, стр. 184, 188). Однимъ словомъ, замѣчаетъ Вассіанъ, что и цари не бываютъ такъ свирѣпы, какъ иноки (Разсужд. Вассіана, Чтен. Моск. общ. ист. 1859, № III, стр. 4).

И представители духовенства въ этомъ случаѣ нисколько не уступали своей меньшей братіи. »Нынѣшніе святители, говоритъ Вассіанъ, владѣющіе столькими имѣніями и богатствами, заботятся только о безчисленномъ разнообразіи одеждъ и пищи, и не имѣютъ никакого попеченія о своихъ братьяхъ-крестьянахъ, погибающихъ отъ холода и голода.... Ибо кто въ состояніи передать роскошь и украшенія нынѣшнихъ архіереевъ?... И сколько предъ ними стоитъ богато-убранныхъ слугъ, готовыхъ на всякое мановеніе владыкъ своихъ! Сверхъ того эти святители завели еще у себя »множество батононосныхъ«, которые бьютъ, мучатъ и различнымъ образомъ оскорбляютъ священниковъ и мірянъ, ищущихъ суда у своихъ владыкъ» (Полемич. сочин. Вассіана, Прав. Соб. 1863 г. октяб. стр. 192, 193, 194, 196). Въ это время угнетеніе духовенствомъ своихъ крестьянъ достигло уже такихъ размѣровъ, что Вассіанъ угрожалъ скорымъ запустѣніемъ волостей и крестьянскихъ жилищъ, насильственными убійствами и уменьшеніемъ народонаселенія, если только правительство не въ состояніи будетъ сдерживать этого зла (Разсужд. Вассіана, Чтен. Моск. общ. ист. 1859, № III, стр. 5). И въ образецъ этимъ роскошнымъ монахамъ онъ ставилъ строгое отшельничество. »Много было, говоритъ Вассіанъ, отъ начала вѣка иноковъ, которые бѣжали отъ шумной жизни ради душевнаго спасенія; они убѣгали отъ славы, отъ всей прелести этого міра и отъ богатства въ пустыни и въ пропасти для душевнаго спасенія,

а не для славы и для суеты этого міра.... и намъ Господь также повелѣтъ держать этотъ обычай и вести такой же образъ жизни... А тѣ иноки, которые не хотятъ кормиться своими трудами, но накупаются на мірскія слезы и хотятъ быть сытыми отъ царя по своему ложному челобитью,—тѣ иноки не богомольцы, но иконоборцы» (тамъ же, стр. 3 и 7).

За такую страсть монаховъ къ мірскимъ стяжаніямъ, Вассіанъ нараетъ не только ихъ, но и царей, допускающихъ это въ своемъ государствѣ. »Цари, по своей простотѣ, говоритъ онъ, отвращаютъ иноковъ отъ душевнаго спасенія и вводятъ ихъ въ великую и безконечную погибель, вѣря ихъ ложному челобитью.... Цари—Христу противники, иноковъ жалуютъ и даютъ имъ свои царскія вотчины, города, села и волости съ крестьянами, и отдаютъ изъ міра, отъ христіанъ своимъ, какъ отъ невѣрныхъ и отъ не swoichъ, все лучшее въ монастыри инокамъ... а то царское небреженіе и простота несказанная, чтобы инокамъ владѣть селами и волостями съ крестьянами, міръ судить, посылать за крестьянами приставовъ изъ иноковъ и допускать ихъ пlyingствовать и питаться мірскими слезами.... Еслибы многіе иноки, по царской простотѣ, не выписывали и не выкрадывали изъ книгъ подлиннаго писанія святыхъ отцевъ и не приписывали бы въ нихъ о пищахъ и о всемъ полезнаго себѣ, да еслибы не простовали цари, великіе князья и всѣ люди, то они знали бы истинное писаніе святыхъ отцевъ. Цари же и всѣ люди по своему разуму дарятъ инокамъ села и волости съ крестьянами, думая угодить чудотворцамъ и святому мѣсту, и дарятъ еще лучшія, а не разсудятъ того, что имъ слѣдуетъ питать иноковъ урочною и годовою милостынею, а не волостями съ крестьянами.....» (тамъ же, стр. 6, 7, 14). Будучи строгимъ блюстителемъ церковнаго нестяжанія, Вассіанъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ своему наставнику Нилу, не допускаетъ даже никакого украшенія въ церквахъ. Онъ говоритъ, что не слѣдуетъ церквей и иконъ украшать золотомъ и серебромъ, а также не слѣдуетъ имѣть въ церквахъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ; потому что лучше раздать богатство нищимъ и убогимъ, нежели украшать церкви. »Церковное украшеніе, прибавляетъ онъ, пропадаетъ отъ огня и расхищается варварами и ворами, а то, что дается нищимъ, и дьяволъ не можетъ украсть» (Полемиц. сочин. Вассіана, Прав. Соб. 1863, октябрь, стр. 209). И за это попалъ на Вассіана Іосифъ Волоколамскій....

Впрочемъ Вассіанъ не безусловно отрицалъ законность церковной недвижимой собственности. Онъ только хотѣлъ, какъ и Максимъ Грекъ, восстановления первоначальнаго ея назначенія. »А соборнымъ и мірскимъ церквамъ, говоритъ онъ, церковныя правила повелѣвають держать земли, но только не должны владѣть ими ни епископъ, ни попы. Все церковное богатство долженъ вѣдать экономя и выдавать изъ него онъ долженъ, съ разрѣшенія епископа и священнаго собора, всему церковному клиру на что потребно, а также отсюда слѣдуетъ помогать нищимъ и убогимъ и на выкупъ плѣннымъ. Для этого-то христороубцы и приносятъ соборнымъ церквамъ свои имѣнія и богатства. А инокамъ не слѣдуетъ обогащаться и земли держать, потому что они отрежись отъ всего, и это имъ чуждо« (тамъ же, стр. 207).

Другую сторону полемической борьбы Вассіана составляютъ его нападки на сильно разившееся духовное вѣшателство въ свѣтскихъ дѣлахъ. Духовныя лица были тогда лучшими совѣтниками благочестивыхъ правителей и потому имѣли большое вліяніе въ государственномъ управленіи. Они составляли преобладающій элементъ и въ земскихъ соборахъ (Флетчеръ, гл. VIII). Правители въ этомъ случаѣ пользовались тѣмъ вліяніемъ, какое имѣло въ обществѣ духовенство, и потому любили подбирать вокругъ себя такихъ лицъ, которыя вполнѣ сочувствовали ихъ цѣлямъ. Такъ Василій Іоанновичъ особенно покровительствовалъ Волоколамскому монастырю, иноки котораго потворствовали его прихотямъ, за что справедливо напалъ на нихъ Курбскій. И съ митропол. Даниломъ, тоже ученикомъ этой обители, можно было обдѣлывать всякія дѣла. Но Вассіанъ не остановился передъ силою. Онъ открыто писалъ, что »царямъ и великимъ князьямъ слѣдуетъ совершать дѣла со всѣми князьями, боярами и прочими мірянами, а не съ иноками«; въ противномъ случаѣ »царямъ не слѣдуетъ писаться самодержцами, потому что они управляютъ царствомъ не сами собою и не съ князьями и боярами, но владѣютъ имъ съ непотребными и съ мертвецами совѣтуются«..... »Такой царь, говоритъ онъ, лучше сдѣлалъ бы, еслибы снялъ съ себя царскій вѣнецъ и не носилъ царскаго имени, нежели отвращать иноковъ отъ душевнаго спасенія... Не съ иноками Господь повелѣлъ царямъ держать царство, города и волости, но съ князьями, боярами и прочими мірянами.... иноковъ отъ всего мірскаго и суетнаго слѣдуетъ устранить и удалить.... Всѣми дѣлами установлено и повелѣно управлять царю и мірскимъ властямъ, а не святительскому и священ-

ническому чину, которые должны вѣдать только свои духовныя дѣла (Разсужд. Вассіана, Чтен. Моск. общ. ист. 1859, № III, стр. 2, 3, 13).

Конечно мысли Вассіана не могли нравиться русской духовной іерархіи. Защитники іерархическихъ интересовъ, въ родѣ Іосифа Волоколамскаго, видѣли въ нихъ только дерзость, которая могла пожалуй привести къ запустѣнію церквей и монастырей (Полемич. сочин. Вассіана, Прав. Соб. 1863, октябрь, стр. 182, 188, 197). Эта же партія и засудила его.

Мы уже объясняли въ другомъ мѣстѣ (Максимъ Грекъ, выпускъ II, глава XI), что причиною паденія Вассіана не было его противорѣчіе Василию Іоанновичу по дѣлу о разводѣ. За это онъ, можетъ быть, только лишился прежняго расположенія вел. князя, а изъ одной грамоты (1526 года, сентяб. см. Ак. Экспед. I, № 173) видно, что, даже послѣ новаго брака Василія (1526 г. 24 янв.) Вассіанъ пользовался у него еще нѣкоторымъ благоволеніемъ. Да и вообще всѣ показанія ссылку Вассіана соединяють уже со вторичнымъ заключеніемъ Максима Грека—въ Тверскомъ монастырѣ. Слѣдовательно, до 1531 года Вассіанъ оставался въ покоѣ (см. Сказанія Курбск. стр. 5; О сочетаніи втораго брака, Чтен. Моск. общ. ист. 1847, № 8; Хроногр. Толст. Карамз. VII, прим. 343; Судное дѣло Вассіана, Чтен. Моск. общ. 1847, № 9). Въ осужденіи Вассіана прежде всего проглядываетъ досада духовенства за то, что онъ, простой инокъ, необлеченный никакою іерархическою властью, осмѣлился разсуждать о церковныхъ вопросахъ. Таеъ, въ началѣ собора, по поводу составленныхъ Вассіаномъ церковныхъ правилъ, митроп. Даніилъ говорилъ ему: »Какъ осмѣлился ты дерзнуть на это? ты ни апостоль, ни святитель, ни священникъ; а священное писаніе и божественныя правила воспрещаютъ простымъ людямъ и инокамъ наскакивать на священныя правила и церковныя уставы и чины, или учить и составлять что иное, хоть бы оно и доброе было, а тѣмъ болѣе злое; ты же все злое и развращенное глаголешь и составляешь противное святой соборной церкви и православной вѣрѣ«. Между тѣмъ на составленіе правилъ Вассіанъ былъ понужденъ предшественникомъ Даніила—Варлаамомъ, который дѣйствительно заботился о церковномъ исправленіи (Чтен. Моск. Общ. ист. 1847, № 9, стр. 2). Точно такой же принципъ немѣшательства въ церковныя дѣла лицъ, необлеченныхъ духовною властью, былъ высказанъ и митроп. Макаріемъ въ 1554 г., по поводу мнѣній дьяка Висковатова. На соборѣ митроп.



говорилъ ему: »Всякій долженъ знать свой чинъ: овца не должна дѣлать изъ себя пастыря и нога не должна думать, что она голова; но должно повиноваться отъ Бога преданному чину и уши свои отверзати на послушаніе благодати владѣющихъ учительнымъ словомъ; ибо не всѣ пророки и не всѣ апостолы, а потому и міряне да не учатъ заповѣдаямъ и да не имѣютъ поползновенія брать на себя санъ учительскій« (Московск. соборы на еретиковъ XVI вѣка, Чтен. Моск. общ. 1847 г. № III, стр. 15; Соборная епетимія). »Вамъ не вѣлно о Божествѣ и божьихъ дѣлахъ испытывать... зналъ бы ты свои дѣла, которыя на тебя положены,—не разроняй списковъ« (тамъ же, Допросъ дьяка Ивана Висковатова, стр. 8). »Этимъ осужденіемъ Висковатова, справедливо замѣчаетъ г. Костомаровъ, проводится притязаніе, чтобы никто не разсуждалъ, а всѣ повиновались духовенству« (Историч. Монограф. I, Великорус. вольнодумцы XVI в., стр. 451). Но что же написалъ и говорилъ злаго Вассіанъ? — Это объясняетъ его судный списокъ.

Дѣло происходило 1531 года 11 мая. На соборѣ присутствовали: митроп. Даніилъ съ архіепископами, епископами и со всѣмъ духовнымъ соборомъ, бояринъ велик. князя Михайло Юрьевичъ и дьяки великокняжескіе.

Мы видѣли, что Вассіанъ, живя еще въ пустынь, вдавался въ еретическіе толки, которые потомъ, вѣроятно вслѣдствіе близкаго знакомства съ Максимомъ Грекомъ, были имъ оставлены, и онъ мало по малу примирился съ религиозными сомнѣніями. Да о нихъ, какъ видно, до сихъ поръ никто и не вспоминалъ. Вассіанъ пользовался самымъ полнымъ довѣріемъ велик. князя и былъ у него »великимъ временнымъ человекомъ«, а это, конечно, болѣе всего могло защитить его отъ монашескихъ доносовъ, тѣмъ болѣе, что по самой жизни онъ былъ вполне безупреченъ. Но Вассіанъ въ своей полемикѣ задѣвалъ слишкомъ щекотливыя стороны жизни духовенства и слишкомъ важный для него вопросъ о монастырскихъ имуществвахъ. Его ѣдкія нападки слишкомъ кололи глаза роскошному монашеству и такимъ образомъ подготовили ему самому много враговъ, которые выжидали только случая, чтобы сдѣлать ловкое нападеніе. Мало по малу, какъ и часто бываетъ съ временниками, велик. князь сталъ охладѣвать къ своему любимцу. Этому, конечно, много могло содѣйствовать противорѣчіе Вассіана въ дѣлѣ о разводѣ велик. князя, хотя явнаго разрыва тотчасъ

и не обнаружилось. Конечно послѣ этого Вассіанъ долженъ былъ прекратить прежнія частыя посѣщенія великокняжескаго двора. Тогда враги его почувствовали, что наступаетъ пора ихъ торжества....

За десять лѣтъ до настоящаго собора, Максимъ Грекъ перевелъ съ греческаго Житіе Богородицы, сочиненіе Метафраста, и въ его переводѣ оказались еретическія строки. Одно мѣсто было переведено такъ: *»Обрѣтесе убо Іосифъ якова искаше слова отъ того же колѣна и отчества Дѣвицы, и обручаетъ по совѣщанью іереовъ себѣ отроковицу, совокупленія же до обрученія блѣ«*. Другое: *»И носимаго въ ней плода утробы преславнѣ нарицаеть, аки съмени мужеска никакоже причастившееса«*. Наконецъ третье: *»Тайное отпущеніе устроаше Іосифъ, аки праведенъ сый глаголетъ«*. Ясно, что Максимъ Грекъ не могъ допустить еретическихъ мнѣній въ своемъ переводѣ, но дѣло объясняется очень просто. Въ то время онъ также исправлялъ Триодъ и, по неудовлетворительному знанію русскаго языка, долженъ былъ *»латинскою бесѣдою говорить толмачамъ своимъ Митѣ да Власу«,* а потому (какъ мы уже объясняли, см. Максимъ Грекъ, вып. II, гл. XI) въ переводѣ могли вкратиться ошибки отъ неточной передачи подлинника. Это видно изъ того, что когда разнесся слухъ о еретичествѣ этихъ строкъ, то сотрудникъ Максима Грека въ переводахъ, Михайлъ Медоварцевъ, въ своемъ экземплярѣ сдѣлалъ исправленія, лучше всего объясняющія самое дѣло. Въмѣсто *совокупленія* онъ написалъ *совѣщанія* (извѣстно, что архіереи совѣщались о Маріи); въ концѣ второй строки онъ написалъ: *»яко съмени мужеска никакоже причастившееса«*; а въ третьемъ мѣстѣ, гдѣ было написано: *»аки праведный глаголетъ«,* онъ поставилъ: *»яко праведенъ сый глаголетъ«* (Чтен. Моск. общ. ист. 1847, № 7, Преніе митроп. Дан. съ Макс. Грек. стр. 7 и 8). Вассіанъ же, какъ мы говорили, имѣлъ близкое отношеніе къ переводному дѣлу, а потому лица, соблазненные смысломъ первоначальнаго перевода, обращались за разъясненіемъ и къ нему. Онъ совѣтовался съ Максимомъ, но, какъ видно, былъ убѣжденъ и самъ, и Максимъ думалъ, что переводъ не заключаетъ въ себѣ той двусмысленности, которая приводила нѣкоторыхъ книжниковъ къ подозрѣнію въ истинности перевода. Такимъ образомъ въ средѣ ихъ бродили различныя толки. Случилось одному изъ нихъ—чернецу Вассіану Рушанину, прежде жившему въ Чудовомъ монастырѣ, побывать въ Новгородѣ, и онъ, вѣроятно волнуемый религіознымъ сомнѣніемъ, обратился за рѣшеніемъ

къ архіеп. Макарію, объясняя при этомъ, что онъ уже обращался съ вопросомъ къ Вассіану и Максиму, которые подтвердили правильность перевода. Макарій же нарочною грамотою извѣстилъ обо всемъ митрополита. Теперь было за что ухватиться врагамъ Вассіана Косаго. Это какъ разъ случилось около времени суда надъ нимъ, а потому вѣроятно и было побудительною причиною къ созванію собора. Къ довершенію бѣды оказалось, что Вассіанъ посылалъ переводъ житія въ Бѣлозерскую пустынь, а когда разнеслись слухи о неправильности перевода, то онъ послать туда же грамоту, чтобы исключили изъ книги еретическія строки. Изъ этого видно только то, что Вассіанъ самъ бросился исправить дѣлю, когда оно приняло серьезный оборотъ, но объ этомъ его противники не хотѣли знать. Благо, что было за что зацѣпиться! Даже его строго-догматическія мнѣнія, высказанныя открыто въ сочиненіяхъ, не были приняты во вниманіе.

Такъ начался судъ. Теперь Вассіану припомнили все прежнее. Его обвиняли въ томъ, что онъ похулилъ здѣшнія правила, называя ихъ кривилами, и говорилъ будто-бы они писаны отъ діавола, а не отъ Св. Духа (выше мы показали, какъ слѣдуетъ понимать это выраженіе); что въ свои правила онъ внесъ «ученіе еллинскихъ мудрецовъ», чего донныѣ не бывало; что въ тѣхъ же правилахъ написалъ краткій символъ вѣры, вмѣсто обыкновеннаго. Но чтобы понять всю недобросовѣстность судей Вассіана, слѣдуетъ припомнить, что онъ составилъ свои правила за 14 лѣтъ до суда, и они были всѣмъ извѣстны, однако до сихъ поръ ихъ не находили еретическими. А вотъ видимое доказательство того, какъ эти люди хотѣли непременно погубить человѣка, задѣвавшего ихъ собственные интересы. Митроп. Даніилъ замѣчалъ Вассіану на соборѣ: «Писано въ правилахъ Кирилла Александрійскаго: если кто не называетъ пречистую Богородицу Дѣвою Марією — да будетъ проклятъ; а ты въ своихъ правилахъ его правилю написалъ такъ: если кто называетъ Богородицею Дѣву Марію да будетъ проклятъ». Вассіанъ на это только возразилъ: «Я госпожу Богородицу не хую, а то вѣроятно писецъ описался». Странно—и объ этомъ молчали 14 лѣтъ! въ это время, благодаря грамотности русскихъ переписчиковъ, самыя правила Вассіана могли стать кривилами. Припомнили Вассіану и то, что онъ когда-то сомнѣвался въ строкѣ: «тварь поклоняется твари», называя Христа тварью. Разумѣется, Вассіанъ отказался отъ этого мнѣнія. Обвинителемъ его въ этомъ случаѣ былъ тотъ іосифовскій старецъ Досифей, которому

нѣкогда пришлось слышать эти слова отъ Вассіана; но вѣдь и онъ молчалъ объ этомъ до тѣхъ поръ, когда уже смѣло можно было обрушиться на сильнаго человѣка; тѣмъ болѣе, что завѣтъ Іосифа Волоцкаго требовалъ преслѣдованія учениковъ Нила и Вассіана, а еще болѣе ихъ самихъ. Мало того, въ этотъ періодъ времени человѣкъ могъ пройти всѣ крайности. Какихъ же религиозныхъ убѣжденій былъ дѣйствительно Вассіанъ — его противники могли это видѣть изъ его сочиненій, которыя, правда, кололи имъ глаза за ихъ недуховныя стремленія. Но всѣ эти обвиненія только приставки около одного общаго пункта, который наиболѣе щемилъ сердца представителей духовнаго собора. Онъ касался вопроса о монастырскихъ имуществѣхъ. И въ дему-то чаще всего обращался митроп. Даніиль. На соборѣ лицомъ къ лицу встрѣтились защитники двухъ противоположныхъ мнѣній: Вассіанъ — ученикъ Нила Сорскаго и блюститель строго-духовнаго взгляда на обязанности духовенства, и митроп. Даніиль, ученикъ Іосифа Волоколамскаго и его обители — защитникъ монастырскихъ вотчинъ и мірскихъ стремленій своей братіи. Разсчетъ между ними конечно могъ быть только трагическій. Но Вассіанъ выдержалъ съ честью свою роль.... Вотъ различіе ихъ публичнаго состязанія. *Митрополитъ*: Въ святыхъ писаніяхъ и божественныхъ правилахъ говорится, что въ нѣкоторыя времена, по недостатку учителей церкви, понуждали на церковное служеніе несвященныхъ мужей, но премудрыхъ и блаженныхъ, а не строптивыхъ и развращенныхъ. Ты же говоришь, учишь и учишь строптивое и развращенное. *Вассіанъ*: Въ чемъ же заключается моя строптивость и развращеніе? *Митрополитъ*: Ты развратилъ по своему разуму святую и великую книгу правилъ свят. апостоловъ и отцевъ, на которую никто и не смѣлъ такъ дерзнуть или помыслить; а ты у себя написалъ, что въ святыхъ правилахъ есть противное Евангелію, Апостолу и житію святыхъ отцевъ, и въ разныхъ мѣстахъ своихъ правилъ ты написалъ блаженное.... чудотворцевъ называешь смутотворцами, потому что они у монастырей села имѣютъ и людей держатъ. *Вассіанъ*: Я писалъ о селахъ: въ Евангеліи писано — не велѣно монастырямъ сель держатъ. — Тогда митрополитъ велѣлъ прочесть ему въ опроверженіе разныя мѣста изъ священнаго писанія, церковныхъ правилъ и житій святыхъ, какъ-бы подтверждающія законность монастырскихъ вотчинъ; на что Вассіанъ отвѣчалъ: Тѣ держали села, а пристрастія къ нимъ не имѣли. *Митрополитъ*: Древніе святые отцы и чудотворцы села

имѣли у монастырей и пристрастія къ нимъ не имѣли, но какъ посвященное Богу соблюдали и сохраняли; также и теперь святые отцы и чудотворцы села у монастырей имѣютъ и сохраняютъ какъ посвященное Богу. Почему же ты считаешь нынѣшнихъ чудотворцевъ страстными? *Вассіанъ*: Да я того не знаю—чудотворцы-ли то были? *Митрополитъ*: Ты написалъ въ своихъ правилахъ: инокамъ должно жить по Евангелію — селъ не держать и не владѣть ими; а если, говоришь, не хранить своего обѣщанія, то святое писаніе муками грозитъ, огню вѣчному осуждаетъ, называетъ ихъ отступниками и проклятію предаеть. Но ты оболгалъ божественное писаніе и священныя правила, потому что они повелѣваютъ села монастырямъ держать и инокамъ отъ нихъ питаться....., а не такъ какъ ты теперь всѣхъ иноковъ называешь отступниками и написалъ на нихъ въ своихъ книгахъ и правилахъ, по своему безумію, многія строки хульныя и законопреступныя и проклятія достойныя. И поэтому ты еретически мудровалъ.... Я, заключилъ *Вассіанъ*, писалъ это на воспоминаніе своей души, да и тѣхъ не похваляю, которые села держатъ.... (Преніе митроп. Данила съ старцемъ *Вассіаномъ*; Чтен. Моск. общ. ист. 1847, № IX). Трудно было прать противъ рожна, потому что мнѣніе *Вассіана* и его сторонниковъ было только мнѣніемъ меньшаго кружка; тогда какъ противъ нихъ стояла масса остальнаго духовенства, возводившая это мнѣніе уже въ ересь, въ личную обиду церкви, въ догматическое поруганіе, а противъ такихъ доводовъ могли идти развѣ только тѣ, которые видѣли въ своей борьбѣ не только столкновеніе съ извѣстнымъ правомъ, но самое страданіе за создаваемую ими истину.... Партія *Іосифа Волоколамскаго*, партія мірскаго вліянія и значенія духовенства, продолжала господствовать въ официальной средѣ. Немного позже, ея покровителемъ является даже стороннее лицо—митроп. *Макарій*. На Стоглавомъ соборѣ, изъ девяти епископовъ, три были постриженниками *Іосифовскаго* монастыря (Срав. Стоглавъ гл. 1 и Челобитную еписк. *Леонида*, Лѣтоп. Русск. Литер. *Тихонравова*, V: замѣтки для ист. Стоглава, 142—144), а когда на соборѣ 1554 г. *Рязанскій* еписк. *Касьянъ* похулилъ *Просвѣтитель Іосифа Волоцкаго* и былъ лишенъ епископской кафедры, то на его мѣсто назначили *Леонида*—постриженника *Волоцкой* обители и горячаго приверженца *Іосифа* (*Московск. соборы на еретиковъ XVI вѣка*; Чтен. Моск. общ. ист. 1847, № III, стр. 1, и *Челобитная Леонида*, Лѣтоп. Русск. Литер. V). *Іоаннъ Грозный* протягивалъ руку и на

монастырскія вотчины, но духовенство не отступилось даже передъ нимъ. На Стоглавомъ соборѣ представители духовенства, за прикосновеніе къ церковнымъ и монастырскимъ имуществамъ, угрожали страшнымъ прещеніемъ не только простымъ людямъ, но и самимъ царямъ и вельможамъ; они угрожали будущимъ судомъ, проклятіемъ и отлученіемъ »отъ первородныхъ святыхъ и праведныхъ богоносныхъ отцевъ« (Стоглавъ, гл. 60, 61, 63, 64). И митроп. Макарій въ особомъ »отвѣтѣ« Іоанну Грозному запрещалъ прикасаться къ церковнымъ имуществамъ, основываясь на запрещеніяхъ и проклятіяхъ св. отцовъ, на постановленіи Константина В., на примѣрахъ русскихъ князей и запрещеніяхъ своихъ предшественниковъ; наконецъ на ханскихъ ярлыкахъ. За тѣмъ, обращаясь къ Грозному, онъ говоритъ: »Тѣмъ болѣе слѣдуетъ тебѣ, благочестивый и боговѣнчаный царь, показать къ Богу свою царскую вѣру и попеченіе о святыхъ церквахъ и монастыряхъ—и не только не отнимать у нихъ недвижимыхъ имѣній, но еще и самому тебѣ должно подавать имъ.... Я не могу дерзнуть, или даже и помыслить о томъ, чтобы дать или продать что нибудь изъ недвижимыхъ вещей, положенныхъ Богу, пречистой Богородицѣ и великимъ чудотворцамъ въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ... и да не будетъ того до послѣдняго нашего издыханія. Всесильный Боже! избави и сохрани всѣхъ насъ отъ такого законопреступленія и не попусти случиться тому не только при насъ, но и по насъ, до скончанія вѣка, ради молитвъ пречистыя твоея Матери, великихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ.... А потому молимъ твое царское величество и много со слезами челомъ бьемъ, чтобы ты, царь и государь, великій князь Иванъ Васильевичъ, самодержецъ всея Россіи, по тѣмъ божественнымъ правиламъ, у пречистой Богородицы и у великихъ чудотворцевъ изъ дому тѣхъ недвижимыхъ вещей, принесенныхъ Богу въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, не велѣлъ брать.... (Матерьялы для исторіи Стоглава, Лѣтоп. Русск. Литер. V, 129—136). Да, трудно идти противъ тѣхъ интересовъ, которые еще возводятся въ какое-то божественное право, и тѣмъ болѣе, если они большинствомъ признаются такими.... Послѣ этого, чего долженъ былъ ожидать для себя Вассіанъ, рѣшившійся на противодѣйствіе этимъ интересамъ?

Немного позже, по другому дѣлу, дьякъ Иванъ Висковатовъ, чтобы избѣжать соборнаго осужденія, долженъ былъ слезно каяться, бить челомъ о помилованіи и вполне отказаться отъ своихъ имѣній—и все-таки на него была наложена церковная епитимія, хотя елейныя мудро-

ванія Висковатова и не могутъ идти въ сравненіе съ мнѣніями Вассіана. Но Вассіанъ даже и не думалъ каяться и остался съ прежними убѣжденіями; такого поруганія конечно не могли бы никогда простить члены духовнаго собора, и прежде всего за униженіе своего авторитета,—и они не простили ему. Вассіанъ былъ приговоренъ къ ссылке. Онъ, какъ мы видѣли, былъ крайній противникъ іосифовскихъ монаховъ, которымъ даже завѣщено было не сообщаться съ его послѣдователями, и потому не могли придумать худшаго наказанія для Вассіана, какъ послать его на заточеніе въ Волоколамскій монастырь. А тамошніе монахи вскорѣ послѣ этого уморили его.... (Сказанія Курбскаго, стр. 5). За то исторія должна отдать Вассіану вдвойнѣ уваженіе, какъ честному дѣятелю, сумѣвшему до конца потерпѣть за свои убѣжденія даже въ такомъ заѣдающемъ обществѣ, какимъ было современное ему общество русское.....

---

Гораздо далѣе пошелъ въ своихъ требованіяхъ другой общественный дѣятель, выступившій на свое поприще нѣсколько позже. Это былъ **Оеодосій Косой**, извѣстный у насъ подъ именемъ еретика Косаго. Мы не пишемъ исторіи ересей, и потому оставляемъ въ сторонѣ подробный разборъ его догматическихъ убѣжденій, а коснемся здѣсь только тѣхъ, которыя имѣютъ отношеніе къ состоянію общества.

**Оеодосій Косой**, родомъ москвичъ, былъ прежде рабомъ у одного изъ близкихъ вельможъ царя; обокравъ своего господина, онъ бѣжалъ отъ него на **Бѣлоозеро**, гдѣ постригся въ монахи. Замѣчательно, что онъ является проповѣдникомъ «новаго» ученія въ томъ же притонѣ, гдѣ долгое время сосредоточивалось религіозное броженіе, пробивавшееся послѣдовательно въ различныхъ еретическихъ толкахъ. Его послѣдователи отдавали преимущество его ученію потому, что оно было «открыто» и для неученыхъ, тогда какъ отеческое ученіе для нихъ было непонятно, и еще потому, что онъ училъ по книгѣ и давалъ всѣмъ ее читать, тогда какъ епископы и попы учили наизусть. Его послѣдователи говорили, что такого ученія еще не бывало отъ созданія міра и никто не постигъ такъ истину, какъ Косой, потому что онъ имѣетъ «здравый умъ». Они свидѣтельствовали, что его ученіе сильно распространилось и встрѣтило большое сочувствіе (отъ многихъ приемлемо и похваляемо) въ обществѣ; дѣйствительно, не смотря на крайнюю отри-

цательность, оно коснулось даже духовных лиц. Такъ лица, пришедшія въ Зиновію Отенскому въ обитель потолковать о новомъ ученіи, были клирошане Спасова Хутынскаго монастыря: двое изъ нихъ уже были монахи, а третій—мірянинъ иконописецъ. Они же говорили, что даже прежній господинъ Косаго покровительствовалъ ему. Сущность ученія Косаго изложена въ сочиненіи Зиновія Отенскаго, ученика Максима Грека, подвергшагося ссылкѣ вмѣстѣ съ своимъ учителемъ (см. Истинны показаніе, въ Правосл. Собесѣд. 1863 и 1864 гг.). Вотъ вкратцѣ содержаніе еретическихъ мнѣній Косаго: онъ не признавалъ божественнаго происхожденія Христа, отрицалъ иконопочитаніе, церковную службу, построеніе храмовъ, безсмертіе души и необходимость искупленія, поклоненіе святымъ и составленіе имъ службъ, силу мощей, молитвъ и поста, и вообще внѣшніе обряды церкви. И все это онъ основывалъ на ловко подобранныхъ мѣстахъ священнаго писанія и отцовъ церкви. Съ другой стороны, онъ строго проводилъ идею единобожія и потому отдавалъ предпочтеніе Ветхому Завету. Онъ также совѣтовалъ читать сочиненія апостольскія, но заподозрѣвалъ посланіе Павла къ евреямъ, считая его произведеніемъ другаго Павла, какъ и западные протестанты скептически относились къ этому сочиненію. Къ отеческимъ же писаніямъ Косой относился съ недоувѣріемъ и считалъ ихъ бесполезными для чтенія, потому что въ нихъ заключаются »человѣческія преданія«.

Косой, какъ видно, принадлежалъ къ мыслившимъ книжникамъ. Уже одно то обстоятельство, чтобы рабу стать книжнымъ и »разумнымъ«  
человѣкомъ, когда даже князья оказывались безграмотными, а духовные сановники »мало наученными«  
—говоритъ въ его пользу. Еще вѣроятно въ Москвѣ онъ терся въ кругу книжниковъ и познакомился съ разными писаніями, потому что и его коснулось то литературное движеніе, которое почти съ начала XVI столѣтія сосредоточивалось тамъ и волновало московское общество. Въ этой же литературной борьбѣ, и при томъ въ произведеніяхъ лучшихъ ея представителей—Максима Грека и Вассіана—на жизнь и стремленія духовенства было наложено много темной тѣни, за что впоследствии имъ обоимъ пришлось поплатиться горькими бѣдами. Но мнѣнія не стираются такъ скоро, какъ легко затираютъ ихъ представителей сильные міра сего, когда эти мнѣнія направлены противъ нихъ самихъ или, что чаще случается, противъ ихъ личныхъ интересовъ и выгодъ ихъ партій. Такъ



и было. Сочиненія Максима Грека и Вассіана расходились въ обществѣ и возбуждали толпы, которые само-собою вели въ различнымъ заключеніямъ. Если Максимъ обличалъ духовенство за его нравы, недостойные тѣхъ лицъ, которыя брали на себя право учительства, и осуждалъ его за исключительную заботливость только о мірскихъ стяжаніяхъ; если Вассіанъ хотѣлъ дать своимъ требованіямъ даже каноническую силу и, во имя одного изъ основныхъ положеній религіи, грозилъ проклятіемъ отступникамъ; то можно было ожидать, что, при возбужденномъ настроеніи общества, явится человекъ, который всѣ эти заявленія приведетъ въ конечному выводу. Такъ и поступилъ Θεодосій Косой. Клирошане, излагавшіе его ученіе Зиновію Отенскому, между прочимъ говорили: *»Максимъ Грекъ сильно принуждаетъ хранить заповѣдь нестяжанія и по этому поводу написалъ «Слово о покаяніи души».... а Косой, послѣдуя ему, говорить, что прельстились тѣ, которые называютъ преподобными Кирилла, Нила, Пафнутія и прочихъ, приобрѣтавшихъ села, потому что по Максиму они чужды спасенія»....* Проводя же это одухотвореніе религіи далѣе,—къ чему дѣйствительно стремился Косой,—онъ пришелъ къ отрицанію монастырей, какъ выражающихъ собою уже извѣстную религіозную форму, утвержденную человѣческимъ преданіемъ. »Монастыри, учили онъ,—человѣческія преданія, и въ нихъ законы и уставы завѣщаны обычаемъ по своей волѣ. Василиій же говорить, чтобы отскочить отъ своихъ желаній и человѣческихъ обычаевъ и отъ соблюденія преданій.... Въ Евангелии монастыри не положены и законы и уставы ихъ не написаны; отъ такихъ же волей и соблюденія человѣческихъ преданій Василиій Великій (!) говорить отскочить» (Истины показаніе, гл. 44; Прав. Соб. 1863 г.).

Съ другой стороны, точно также къ отрицательнымъ результатамъ приводили Косаго нравы духовенства и обличенія его жизни, на которыя не щадили словъ Максимъ и Вассіанъ, сочиненія которыхъ конечно были извѣстны Косому<sup>1)</sup>. Косой только дѣлалъ выводы изъ того, на чемъ они останавливались. Вотъ какъ обличали православное духовенство еретики: *»Нѣтъ у васъ единомыслія, не соблюдается, какъ велитъ Василиій, союзъ мира; не хранится крѣпость духа, но обрѣта-*

1) Такъ клирошане замѣчали Зиновію, что о монастырскихъ вотчинахъ очень хорошо писалъ князь Вассіанъ и что Максимъ Грекъ много говорилъ объ этомъ. См. «Истины показаніе».

ютея раздвоенія, ссоры, ревность; великая дерзость будетъ называться членами Христовыми, поставленными отъ Христа въ начальство. Просто надобно сказать—плотское мудрованіе царствуетъ у вашихъ игуменовъ, епископовъ, и у митрополита; нѣтъ духа кротости, оттого они и насъ гоняютъ, запираютъ въ тюрьмы, не даютъ намъ узнать истины, а утверждають свои преданія. Повелѣвають не ѣсть мяса и не жениться, возбраняють исполнять евангельскую заповѣдь, которая ясно говоритъ: »не входящая въ уста севернить чловека«, и заповѣдь апостольскую объ изженныхъ совѣстью, возбраняющихъ жениться и удаляться брашенъ. По этому всему не слѣдуетъ слушать епископовъ, когда они учатъ преступать заповѣди, какъ и сами ихъ *преступаютъ*, а только *прилежать пѣнію*, да канонамъ, что въ Евангеліи не показано хранить и творить. Они отвергаютъ любовь христіанскую, именуя насъ еретиками, мучатъ насъ, а въ Евангеліи не велѣно мучить и еретиковъ, какъ уязано въ притчѣ о сельныхъ плевелахъ; они же гоняютъ насъ за истину«. А дальнѣйшее развитіе этой мысли представляетъ уже отрицаніе самой церковной іерархіи.... »Косой учить, говорили влиршане, повелѣвая людямъ, не называть себѣ на землѣ отца, но имѣть Бога Отца на небеси, кресты и иконы сокрушать, святыхъ на помощь не призывать, въ церкви не ходить, книгъ церковныхъ учителей и житій святыхъ не читать, не молиться имъ и не ваяться, не причащаться и не кадить; на погребеніи отъ поповъ и епископовъ не отпѣваться и по смерти не поминаться. Епископы и попы ложные учителя и идольскіе жрецы.... Богу же слѣдуетъ поклоняться духомъ, а не творить доклоны, не приносить просвиры, каноны и свѣчи« (Истор. моногр. Костомарова, I, 472 и 473; Истины показаніе, Прав. Соб. 1863, февраль).

Вотъ какое близкое отношеніе имѣли выводы отрицательной стороны съ обличеніями положительной и съ фактами самой жизни. Но съ такимъ чловекомъ, какъ этотъ Косой, уже нечего было долго думать. Его привезли въ Москву вмѣстѣ съ сообщниками въ ереси и посадили подъ стражу въ монастырь. Дѣло конечно разыгралось бы плохо, но Косой былъ не промахъ поддаться въ руки судей. Приласкавшись къ стражамъ, онъ успѣлъ заслужить у нихъ довѣріе и бѣжалъ вмѣстѣ съ своими товарищами въ Литву; тамъ онъ женился на вдовѣ-еврейкѣ и успѣшно распространялъ свое ученіе.... (Истины показаніе, и Сказанія Курбскаго: Письмо къ Чаплию, стр. 268).

Въ одно время съ Θεодосіемъ Косымъ, выступилъ на общественное поприще еще одинъ человекъ темнаго происхожденія, но оставившій по себѣ въ исторіи лучшую память, потому что, среди такого рабскаго общества, какимъ было древне-русское, онъ первый определенно поднялъ голосъ въ защиту человѣческихъ правъ рабовъ. Древніе обличители, судившіе о дѣлѣ исключительно съ религіозной стороны, поднимали свой голосъ въ защиту ихъ только тогда, когда этимъ рабамъ приходилось страдать въ своемъ положеніи, но они не нападали на самое ихъ положеніе, подчасъ оправдывая его даже священнымъ писаніемъ. Напр. когда Іосифъ Волоколамскій узналъ, что у одного вельможи рабы, вслѣдствіе его притѣсненій, «голодомъ таяли и наготово страдали», то онъ писалъ ему такъ: «Писаніе повелѣваетъ рабовъ какъ братію миловать, питать и одѣвать и о душахъ ихъ заботиться, научать ихъ на всякія добрыя дѣла; если же рабы и сироты у тебя въ такой тѣснотѣ, то не только нельзя имъ добрыхъ дѣлъ дѣлать, но, умирая съ голоду, они не могутъ удержаться отъ злыхъ обычаевъ. Такъ ты, господинъ, Бога ради побереги себя, потому что и малое небреженіе къ великимъ бѣдамъ приводитъ» (Соловьевъ, V, 306). Самій же взглядъ на положеніе раба въ обществѣ, какъ нельзя лучше, характеризуется разговоромъ Зиновія съ тѣми же клирошанами. Дія насъ его слова имѣютъ большее значеніе, чѣмъ кого другаго, уже поэтому самому, что онъ для того времени и общества былъ образованнымъ человекомъ и при томъ еще былъ ученикомъ Максима Грека. Узнавъ, что Θεодосій Косой былъ рабъ, Зиновій замѣчаетъ клирошанамъ, что по словамъ Соломона земля не можетъ снести, если воцарится рабъ, а по гражданскимъ законамъ греческихъ царей рабамъ не слѣдуетъ даже довѣрять ни въ чемъ или допускать ихъ свидѣтелями въ судѣ; поэтому, заключаетъ онъ, какъ же рабъ можетъ быть учителемъ, если его отвергаетъ писаніе и законъ? (Истинны показаніе, Прав. Соб. 1863, февраль; О рабѣ, 46—50). Тогда какъ, выражаясь словами г. Костомарова, «въ противоположность этому православному взгляду Зиновія на личность раба, клирошане, послѣдователи Косаго, заявляли взглядъ свободной мысли» (Историч. монографіи, I, стр. 462). Въ защиту правъ Косаго, имъ казался достаточнымъ тотъ доводъ, что онъ освободился уже своимъ «мужествомъ и разумомъ»; даже врагу вещей у господина они оправдывали тѣмъ, что Косой взялъ только то, что ему слѣдовало за работу у него. Максимъ Грекъ и Вассіанъ,

являясь въ этомъ случаѣ печаловниками въ судьбѣ рабовъ и крестьянъ, касались только одной стороны вопроса. Они выставляли явно, что положеніе дѣлъ гадко, что виною этому вообще владѣльцы, — все равно будетъ ли то свѣтскій вельможа или духовный владыка; за тѣмъ далѣе они уже переходили къ нравственно-религіозному вопросу — слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть вотчинами и рѣшали его отрицательно, также строго придерживаясь нравственно-религіозныхъ воззрѣній. Сами же владѣльцы въ отношеніи къ рабамъ считали все дозволеннымъ, такъ что Домострой не нашелъ лучшаго увѣщанія противъ ихъ насилій, кромѣ того, что въ такомъ случаѣ имъ же угрожаютъ бѣдствія отъ домашнихъ слугъ (стр. 49). Всю жизнь тиранствуя надъ своими рабами, эти благочестивые господа часто думали загладить свои вины только тѣмъ, что передъ смертію, на поминъ по душѣ, отпускали нѣкоторыхъ на волю. Такъ въ древней Руси человѣкъ легко мирился съ своими собственными злодѣяніями, благодаря одностороннему взгляду на жизнь.

Но одновременно съ тѣмъ, какъ литературные дѣятели XVI вѣка въ поразительномъ контрастѣ выставили отношенія двухъ неравныхъ половинъ общества — властвующихъ и рабовъ — является и открытый протестъ противъ существованія самихъ этихъ отношеній. Въ сочиненіяхъ обличителей изображается зло, какъ результатъ извѣстныхъ отношеній; въ протестѣ уже указывается мѣра, посредствомъ которой необходимо его уничтожить. Проводникомъ этой мысли былъ нѣкто Матвей Семеновичъ Башкинъ.

Однажды въ великій постъ пришелъ онъ къ своему духовному отцу, благовѣщенскому попу Симеону, на исповѣдь, и сталъ говорить ему: «Ваше дѣло великое; въ законѣ написано: нѣтъ ничего больше той любви, какъ положить душу свою за други свои, и вы полагайте души свои за насъ и бдите о душахъ нашихъ, чтобы вамъ слово воздать въ день судный». Послѣ этого Башкинъ пріѣзжалъ еще къ Симеону на подворье, читалъ тамъ евангельскія бесѣды, и опять говорилъ ему: «Бога ради пользуй меня душевно; надобно, что въ бесѣдахъ тѣхъ написано, читать, да на слово не надѣяться, а и дѣломъ совершать. Все начало отъ васъ; прежде вамъ, священникамъ, слѣдуетъ показать начало, да и насъ научить; въ Евангеліи же написано: «Научитесь отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, иго бо мое благо и бремя мое легко есть». Ибо что нужнѣе человѣку, какъ быть смиреннымъ, кроткимъ и тихимъ? а это все на васъ лежитъ: прежде всего слѣдуетъ

вамъ творить и насъ учить«. Да потомъ еще Башкинъ прислалъ за Симеономъ человека и у себя въ домѣ сталъ ему говорить: »Въ Апостолѣ написано: несъ законъ заключается въ слѣдующемъ: возлюби искренняго твоего какъ самъ себя; если же вы себя грывете и съѣдаете, то берегитесь, чтобы другъ отъ друга не были съѣдены«, а мы христовыхъ рабовъ у себя держимъ. Христовъ всѣхъ братією называетъ, а у насъ на иныхъ кабалы: бѣглыя (т. е. держать бѣглыхъ рабовъ) или нарядныя (фальшивыя), а на иныхъ и полныя; а я, благодарю Бога, сколько ни было у меня кабалъ и полныхъ, то я всѣ издралъ, да держу своихъ слугъ добровольно: хорошо ему—онъ живетъ, а не хорошо—и онъ идетъ, куда хочетъ. А вамъ, отцамъ, прилично посѣщать насъ почаще и во всемъ научать: какъ намъ самимъ жить и людей у себя держать не томительно; я видѣлъ такъ и въ правилахъ написано—и мнѣ то показалось хорошо«.

Такимъ образомъ русскіе мыслящіе книжники, для своихъ отрицаній существующаго порядка вещей, черпали доводы изъ того же самаго писанія, на которое опирались и его охранители. Эти послѣдніе—существующее положеніе дѣлъ брали какъ нѣчто установившееся издавна по писанію, и потому карали своихъ противниковъ нарочно для этого подобранными изъ него мѣстами; отрицатели прежде всего брали самое писаніе и оставались на тѣхъ именно мѣстахъ, которые болѣе соотвѣтствовали ихъ взгляду,—и тогда уже не стѣснялись существующимъ порядкомъ, но шли противъ него съ полнымъ убѣжденіемъ, что они идутъ во имя того же писанія. Такъ у Башкина, треть Апостола была измѣчена воскомъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ смыслѣ которыхъ онъ искалъ разрѣшенія, но скудный умомъ Симеонъ не могъ дать ему на нихъ надлежащаго отвѣта: »я того не знаю«, сказалъ онъ. Тогда Башкинъ обратился къ нему съ такою рѣчью: »Посоветуйся съ Сильвестромъ и онъ тебѣ скажетъ, а ты тѣмъ пользуй мою душу; мнѣ известно, что тебѣ некогда знать объ этомъ въ суетѣ мірской; день и ночь покоя не знаешь«. Трудно было попу-міроугоднику снести такой укоръ, но еще труднѣе было переварить самую мудрованія Башкина. Они ему показались всѣ »недоумѣнными« и даже »развратными«. Къ тому же Башкинъ—мірянинъ осмѣлился не только разсуждать о такихъ вопросахъ, но еще и дерзнулъ поучать въ нихъ своего отца духовнаго. Тогда Симеонъ донесъ обо всемъ попу Сильвестру. »Пришелъ ко мнѣ, говоритъ онъ, духовный сынъ необыченъ и величавъ

вѣтвями и молитвами упросилъ принять его на исповѣдь въ великій постъ, и многіе вопросы простираеть недоумѣнные; отъ меня поученія требуетъ, а иному и самъ меня учить». Но видно Башкинъ не молчалъ, потому что Сильвестръ замѣчалъ Симеону, что «слово про него недоброе носится». Изъ этого вообще видно, какъ враждебно тогдашніе учителя и общество относились къ совершенно мирнымъ и чловѣколюбивымъ требованіямъ Башкина, потому что они были вскормлены на другихъ понятіяхъ. Духовенство переполошилось: «прозаве ересь, говорили духовные отцы, и явился шатаніе въ людяхъ». Слово же *ересь* было такимъ конькомъ, на которомъ можно было проѣздить и самага опытнаго всадника.

Во время этой тревоги Іоаннъ Грозный былъ въ Кирилловомъ монастырѣ; по возвращеніи его оттуда, Сильвестръ, Симеонъ и Андрей протопопъ донесли ему о всемъ случившемся. Говорили уже, что Башкинъ съ своими единомышленниками неправильно умствуетъ о существѣ Іисуса Христа, о таинствахъ, о церкви, и о всей православной вѣрѣ. Вопросы слишкомъ опасные! Тогда Іоаннъ сказалъ Симеону: «Вели Матюшѣ измѣнить тѣ слова въ Апостолѣ и подать мнѣ». Башкинъ передалъ Симеону свой Апостоль и самъ пришелъ въ церковь. Духовные толковали царю, что мнѣнія Башкина—ересь. Однако царь оставилъ его тогда въ покоѣ и уѣхалъ въ Коломну. Изъ этого видно, что самъ онъ иначе смотрѣлъ на эти мнѣнія, а вѣдь Грозный былъ также опытный книжникъ. Послѣ этого, обиженные враги Башкина стали распускать о немъ самые неодобрительные слухи; донесли и митроп. Макарію. Тогда царь велѣлъ Башкина взять подъ стражу; съ нимъ еще были схвачены два брата Борисовыхъ, нѣкто Игнатій и Оома. На допросахъ они показывали, что они вовсе не еретики, а православные христіане; но ихъ все-таки засадили въ подлѣтъ, при царскихъ палатахъ. Что же было причиною осужденія Башкина?

О своихъ догматическихъ убѣжденіяхъ онъ ясно заявилъ на исповѣди у попа Симеона: «христіанинъ есмь, говорилъ онъ, вѣрую въ Отца и Сына и Св. Духа, и поклоняюся образу Господа.... Іисуса Христа, и пречистой Богородицы, и всѣмъ святымъ, на иконѣ написаннымъ». Въ пользу его говорилъ и бывший Троицкій игумень Артемій, о жизни котораго съ похвалою отзывается Курбскій (Сказанія, 134). Когда только схватили Башкина и кирилловскій игумень Симеонъ сообщилъ объ этомъ Артемію, жившему тогда въ Кирилловскомъ мона-

стырѣ, то онъ на это замѣтилъ: «не знаю, что это за ереси; вотъ сожгли Курицына и Рукаваго, а до сихъ поръ не знаютъ сами, за что ихъ сожгли». А когда его призвали на соборъ, подъ предлогомъ сужденія о еретикахъ, то онъ открыто заявлялъ, что еретиковъ нѣтъ, и онъ не знаетъ, чтобы кто спорилъ о вѣрѣ. Этого мало, къ ереси присоединяли даже самага Артемія, Теодорита—апостола лопарей—и старца Иоасафа Бѣлобаева, жизнь которыхъ, по свидѣтельству Курбскаго, была вполне безукоризненна (Сказанія, стр. 135). Самый приговоръ надъ Башкинымъ былъ составленъ заранѣе, до окончательнаго рѣшенія дѣла. Все это, а также основательныя объясненія г. Костомарова, сдѣланныя имъ въ разборѣ дѣла Башкина, гдѣ онъ заподозрѣваетъ правдивость лицъ, судившихъ его, приводитъ къ тому заключенію, что дѣлу Башкина былъ придавъ ненормальный оборотъ. Въ немъ опять сказалось, выражаясь словами г. Костомарова, что «духовные готовы были признать еретикомъ всякаго, кто дерзалъ только разсуждать о религіи и о нравственныхъ обязанностяхъ человѣка на религиозномъ основаніи» (Историч. моногр. I, 456). Такъ-то духовный авторитетъ подавлялъ всякое личное мнѣніе, выходившее за предѣлы отцепеданнаго мудрованія. Передъ такими охранителями мысли не сдобровать было даже и тому, кто рѣшался хоть нѣсколько осмыслить чистоформальное пониманіе религіи. Напр. тотъ же Артемій обличалъ русскихъ фарисеевъ и книжниковъ такъ: «въ канонѣ читаютъ: Иисусъ сладчайшій, а какъ услышать слово Иисусово о его заповѣдяхъ, какъ Иисусъ повелѣлъ пребывать и какъ житіе вести, такъ горько дѣлается заповѣди Иисуса исполнять; и въ аваѣистѣ читаютъ: радуйся да радуйся чистая, а сами не радятъ о чистотѣ и пребываютъ въ празднословіи, стало быть только наружно обычай исполняютъ, а не истинно». И такое мнѣніе отцы духовнаго собора назвали «развратнымъ и глумлымъ», потому что, говорили они, всякому христіанину слѣдуетъ Иисусовъ канонъ и аваѣистъ Богородицы *держатъ честно*. Да и что можно было ожидать отъ такого собора, на которомъ изъ шести епископовъ, два положительно были не чисты по своей жизни. Одного изъ нихъ—архіепископа Ростовскаго Никандра—Курбскій называетъ пьяницею, другаго—епископа Суздальскаго Аванасія—пьяницею и сребролюбцемъ. А на что готовы были подобныя лица—лучшимъ доказательствомъ служить слѣдующій фактъ. Теодоритъ, будучи архимандритомъ Суздальскаго Евфиміевскаго монастыря, обличалъ Аванасія въ его порокахъ;

за это послѣдній на соборѣ взвелъ на него ересь и способствовалъ его заточенію. Мало того, Теодорита еще заслали въ Кирилловъ монастырь, гдѣ Аванасій былъ прежде игуменомъ и гдѣ еще остались его ученики; теперь Теодориту пришлось терпѣть отъ нихъ поруганія и божестіе (Сказанія Курбскаго, 135—137). Если же такъ поступали съ лицами, которыя касались только злоупотребленій, то что ожидало Башкина, задѣвавшего существенную сторону общественнаго порядка? Отрицая рабство, онъ носившимъ образомъ нападалъ и на владѣніе монастырями вотчинъ; и укоръ за это ясно слышится въ обвиненіи, что онъ и его послѣдователи порицаютъ святыхъ отцовъ въ томъ, что они все для себя писали, *желая владѣть ослѣмъ—и царскимъ и святымъ-тельскимъ* (Ав. Арх. Экспед. I, 250). Самое существованіе рабства онъ называлъ нарушеніемъ основнаго правила религіи и, слѣдовательно, прямо билъ въ глаза ея представителямъ; наконецъ онъ брался судить о предметахъ, не подлежащихъ по тогдашнимъ понятіямъ его сужденію; онъ восхищалъ санъ учительства, онъ мудрствовалъ.... Отъ такого чело-вѣка слѣдовало раздѣляться тѣмъ, въ чью область власти онъ вторгался; но для этого нужно было заподозрить его въ религіозной ереси, потому что, какъ видно, и самъ царь иначе смотрѣлъ на житійскія мудрованія и помѣтки Матюши. Въ то время, какъ мы замѣчали, постоянно пробивались еретическіе толки, и современно дѣлу Башкина раскрылась ересь Косаго, а слѣдовательно въ обществѣ бродили разныя слухи объ этихъ толкахъ. Поэтому, вѣроятно, когда не удалось сразу уничтожить Башкина за его мнѣнія, то его противники ухватились за извѣстные имъ толки и взвели ихъ на своего врага. Они знали хорошо, что самый судъ не представлялъ въ его пользу никакой гарантіи. Также поступили и нѣсколько прежде: чтобы безусловно корѣнить съ Максимомъ Грекомъ и Вассіаномъ, стоило только въ ихъ винамъ добавить нѣсколько пунктовъ «еретическаго свойства». Какъ тамъ, такъ и здѣсь, въ дописывахъ не было недостатка, а ихъ показанія, какъ видно изъ судебныхъ списковъ, безусловно предпочитались оправданіямъ обвиненныхъ....

На соборѣ Башкинъ потерялъ присутствіе духа и разсудокъ, и, *извѣсься языкъ*, сталъ говорить «непотребное и нестройное»; все это могло случиться въ виду той опасности, которая грозила ему. Сторонники его совершенно перепутались и начали оговаривать другъ друга—тутъ уже улика казалась явною. Участь Башкина намъ не извѣстна;



но лицъ, причастныхъ къ его дѣлу, по словамъ Никоновской лѣтописи, разослали въ темницы, по монастырямъ. Судя по этому, можно заключить, что и онъ получилъ приличное возмездіе; только съ этого времени его имя исчезаетъ изъ исторіи (О дѣлѣ Башкина см. Московск. соборы на еретиковъ, Чтен. Моск. общ. ист. 1847, № III; Жалобницы попа Сильвестра и Симеона, Ав. Арх. Эксп. I, 250. Разборъ дѣла у Костомарова въ Историч. Монограф. I).

Такъ неудачно оканчивалась всякая попытка личнаго обсужденія общественныхъ вопросовъ, благодаря тому, что обществомъ заправляли такія лица, которыя облакали ихъ въ какую-то священную форму, и прикосновеніе къ нимъ считали нарушеніемъ своихъ священныхъ правъ даже и тогда, когда оно было только нарушеніемъ ихъ интересовъ, и при томъ во имя общественныхъ нуждъ....

Наконецъ, также подъ вліяніемъ дѣйствительности, обнаружился протестъ и противъ сильно развившихся правъ свѣтской власти. Духовные дѣятели, направляя иногда свои обличенія и въ эту сторону, въ то же время были самыми строгими поборниками священнаго значенія этой власти; но, быть можетъ, ни одинъ изъ нихъ не окружалъ ее такимъ ореоломъ святости, какъ два передовые обличителя XVI вѣка—Максимъ Грекъ и Вассіанъ, въ то же время такъ сильно поборавшіе за судьбу низшаго класса. »Царь, говоритъ Максимъ, есть не что другое, какъ живой и видимый, или душе одушевленный образъ самаго царя небеснаго«; а, обращаясь къ Іоанну Грозному, онъ такъ выражается: »ты же вмѣсто его царь и государь, и властитель, поставленный отъ него« (Прав. Соб. 1861, сентябрь, 350, октябрь, 379). Еще опредѣленнѣе выразилъ отношеніе подданныхъ къ власти Вассіанъ. »Молимъ васъ, пишеть онъ, возлюбленные отцы и дорогая братія, покоряйтесь благовѣрнымъ царямъ и великимъ князьямъ; князьямъ русскимъ радѣйте и во всемъ имъ прямите и Бога молитесь за нихъ болѣе, нежели за самихъ себя.... Добра своимъ государямъ во всемъ желайте; за нихъ слѣдуетъ и умирать и головы свои класть, какъ за православную вѣру; потому что Богомъ все предано свыше помазаннику царю и великому князю, Богомъ избранному; великимъ князьямъ

русскимъ всегда Богомъ дается власть надъ всѣми и за весь міръ царства ихъ\* (Разсужд. Вассіана, Чтен. Моск. общ. ист. 1859 г. III, стр. 1). А Домострой, въ своихъ нравственныхъ наставленіяхъ, уже совѣтуетъ почитать царя, какъ Бога (Временникъ, № I, стр. 7).

Эта теорія власти, въ лицѣ Грознаго, нашла себѣ полное осуществленіе. »Начало нашего самодержавія, писалъ онъ Курбскому, отъ Св. Владиміра: мы родились на царствѣ, а не чужое похитили.... Это-ли совѣсть прокаженная, чтобы свое царство въ рукѣ держать, а подданнымъ своимъ владѣть не давать? Это-ли противно разуму—не хотѣть подчиняться подвластнымъ? Это-ли православіе пресвѣтлое—быть обладаему рабами? Русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ всѣмъ царствомъ, а не бояре и вельможи.... Я съ усердіемъ забочусь людей на истину и на свѣтъ наставить, да познаютъ единаго истиннаго Бога, въ Тройцѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя, а отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да престануть, которыми царство растлѣвается.... До сихъ поръ русскіе владѣтели не давали отчета никому, вольны были подвластныхъ своихъ жаловать и казнить и не судились съ ними ни передъ кѣмъ.... Истина и свѣтъ для народа въ познаніи Бога и отъ Бога даннаго ему государя\*. На основаніи священнаго писанія угрожаетъ онъ тѣмъ, которые не подчиняются власти, говорить, что горе граду, которымъ владѣютъ многіе, и даже гибель Греціи приписываетъ тому, что ея цари подчинялись своимъ совѣтникамъ.... (Отвѣтъ Курбскому, 155—219).

Но еще при Василии Іоанновичѣ, люди, привыкшіе къ прежнему порядку, высказывали неудовольствіе за то, что онъ »запершись самъ третей у постели всявѣя дѣла дѣлаетъ\* и не любитъ постороннихъ возраженій (Ак. Экспед. I, № 172). Въ лицѣ же Курбскаго уже высказывается открытый протестъ этому—новому порядку вещей. Его »Исторія Іоанна\* въ сущности представляетъ развитіе только двухъ мыслей: 1) что всѣ гоненія, воздвигнутыя Іоанномъ на знатные роды, были систематическимъ слѣдствіемъ его стремленія къ единовластію, и 2) что всѣ неудачи, постигавшія правленіе Іоанна, были результатомъ его непослушанія »мужественныхъ стратиговъ и синклитовъ\* (напр. стр. 38, 44, 47, 64). Здѣсь одно только дополняетъ другое. Последнюю мысль онъ поддѣрпляетъ цѣлымъ рядомъ мѣстъ изъ священнаго писанія, показывающихъ или одобреніе постороннихъ совѣтовъ, или

бѣдственныя послѣдствія пренебреженія ими. »Когда Давидъ, говоритъ онъ, совѣтовался съ своими вельможами, желая исчислить народъ израильскій, и всѣ вельможи совѣтовали не считать, а царь не послушалъ совѣтниковъ своихъ—какую бѣду навелъ Богъ за непослушаніе синклитскому совѣту? чуть весь израиль не погибъ!... Что принесли безумному Ровоаму гордость и совѣтъ юныхъ и презрѣніе совѣта старшихъ?« и т. д. Отсюда онъ дѣлаетъ такой выводъ: »Если царь и почтенъ царствомъ, но такъ какъ онъ не можетъ получить отъ Бога всѣхъ дарованій, то долженъ искать добраго и полезнаго совѣта не только у совѣтниковъ своихъ, но и у простыхъ людей; потому что даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной; не зрѣтъ Богъ на могущество и гордость, но на правость сердечную, и даетъ дары, сколько кто хочетъ вмѣстить.« И въ этомъ мѣстѣ онъ ставитъ въ примѣръ Грозному Іоанна III, который потому удачно совершилъ свои подвиги, что повиновался своимъ совѣтникамъ (44—46). Кромѣ того, въ перечисленіи жертвъ Іоанновыхъ («Исторія Іоанна» гл. V—VIII) и въ заграничныхъ посланіяхъ къ нему, Курбскій уже является обличителемъ самой тиранніи. Впрочемъ его собственныя убѣжденія слишкомъ эгоистичны, потому что не идутъ далѣе сословныхъ интересовъ: это защитникъ боярщины и знати. Въ его словахъ такъ и слышится голосъ русскаго аристократа, оскорбленнаго тѣмъ, что царь »очень вѣрять писарямъ«, которыхъ притомъ »выбираетъ не изъ шляхетскаго рода, не изъ благородныхъ, а преимущественно изъ поповичей, или изъ простаго всенародства«. Вотъ почему Грозный въ этомъ случаѣ стоитъ неизмѣримо выше своего соперника, даже и тогда, если онъ »дѣлалъ это изъ ненависти къ вельможамъ« (стр. 49). Даже въ перечисленіи жертвъ Іоанновыхъ, Курбскій придаетъ сильное значеніе словамъ »княжата, княжескіе, боярскіе и дворянскіе роды«. И опять поэтому въ нашихъ глазахъ онъ стоитъ гораздо ниже предъидущихъ дѣятелей, сьумѣвшихъ совершенно отдѣлаться отъ сословныхъ и личныхъ интересовъ на пользу общественнымъ нуждамъ. Еще вопросъ въ томъ, какъ посмотрѣлъ бы на дѣло Курбскій, еслибы не имѣлъ онъ столкновенія съ Іоанномъ, которое заставило его удалиться изъ Россіи и выступить на литературное поприще; тѣ же общественные дѣятели шли на встрѣчу опасности только съ своими мнѣніями, не огражденные никакими благоприятными условіями для выраженія ихъ,—и они пали.... Палъ и Курбскій, потому что

и онъ могъ говорить такъ только за границею, въ изгнаніи, такъ какъ власть уже не въ состояніи была выслушивать возраженій лицъ, которыя вмѣшивались въ ея права. Разница въ ихъ паденіи только та, что одни, встрѣтившись съ направлениемъ сильнѣйшимъ, должны были сдѣлаться его жертвою, а онъ, чтобы отомстить за свое оскорбленіе и поварать врага, долженъ былъ бѣжать отъ него. Но общественное зло, причиненное Грознымъ, послужило Курбскому только оружіемъ для нападенія, а не причиною для борьбы во имя общественныхъ нуждъ. Эта разница въ положеніи и есть мѣрило для оцѣнки силы реакціи только-что указанныхъ нами общественныхъ дѣятелей. Курбскій задѣлывалъ политическую сторону общественной жизни — отношеніе къ власти, но онъ рѣшалъ этотъ вопросъ только въ сословныхъ интересахъ, и потому его реакція была наиболѣе одностороннею сравнительно съ задѣвленіями остальныхъ общественныхъ дѣятелей... Какъ бы то ни было, но всѣ они пали въ этой борьбѣ.

Одинъ русскій книжникъ XVI вѣка хорошо понялъ это столкновение противоположныхъ мнѣній въ общественной жизни и необходимыя послѣдствія его. Пораженный такимъ печальнымъ исходомъ дѣлъ, онъ замѣтилъ въ назиданіе: »всѣмъ бѣдамъ мати мнѣніе, мнѣніе—второе паденіе« (Прибав. къ Твор. св. отц. годъ IX, кн. 3: Объ отнош. Іосиф. и Кирил. монаст.). Оно-то и погубило лицъ, рѣшавшихся, во имя сознанный необходимости, выступать на борьбу съ предрассудками, сословными интересами и грубымъ безправіемъ. Подъ мнѣніемъ же въ древней Руси разумѣли гордость ума—грѣхъ, произведшій дьявола и влекущій къ ереси. Мнѣніе нарушало спокойствіе отчепрежденнаго житія—и потому считалось влекущимъ къ погибели: оно-то производило людей, любившихъ иностранное платье, бритье бороды, подражавшихъ иностраннымъ обычаямъ, а все это, по понятіямъ тогдашнихъ стародуровъ, было ересью, и потому преслѣдовалось. Какъ же, послѣ этого, слѣдовало поступить съ тѣми, которые смѣли мыслить, не имѣя на то права?—ихъ слѣдовало уничтожить и ихъ уничтожали....

Но что же дѣлали тѣ люди, на которыхъ лежала прямая обязанность заботиться о тѣхъ общественныхъ интересахъ, за которые съ такою энергіею ратовали лица, по тогдашнимъ понятіямъ, не призванныя къ этому, восхищавшія санъ учительства? Въ разсматриваемую нами эпоху, на Руси существовало особое учрежденіе, вѣдѣнію котораго подлежали всѣ тѣ вопросы, которые были задѣты и обществен-

ными дѣтелями и обличителями. Мы говоримъ о земскихъ собраніяхъ. Есть люди, которые приписываютъ имъ слишкомъ обширное значеніе, и въ этихъ чисто-формальныхъ собраніяхъ чуть-ли не видятъ англійскихъ парламентовъ. Но это грубая ошибка поклонниковъ старины, которые хотѣли бы, въ укоръ западу, на своей почвѣ соединить лучшія формы общежитія съ первобытною невинностью; въ сожалѣнію, ни того, ни другаго тогда не существовало. Посмотримъ на дѣятельность представителей русской земли.

Вотъ образчикъ ея пресловутыхъ земскихъ собраній.—Царь, говоритъ Флетчеръ, велитъ созвать тѣхъ дворянъ, которые ему нравятся, и выбираетъ въ совѣтъ исключительно ихъ. Въ то же время онъ призываетъ патриарха, который приводитъ съ собою и клиръ (митрополитовъ, архіепископовъ и тѣхъ изъ епископовъ, архимандритовъ и монаховъ, которые пользуются большимъ уваженіемъ и значеніемъ). Когда всѣ соберутся во дворцѣ — имъ назначаютъ день для открытія засѣданія. Это бываетъ обыкновенно въ пятницу, по причинѣ религіознаго значенія этого дня. Съ наступленіемъ означеннаго дня, клиръ собирается въ опредѣленный часъ и въ назначенномъ мѣстѣ. Когда придетъ царь, сопровождаемый дворянствомъ, всѣ поднимаются и идутъ на встрѣчу ему въ переднюю комнату, имѣя во главѣ патриарха, который благословляетъ царя.... Потомъ они проходятъ въ залу засѣданій, гдѣ размѣщаются въ слѣдующемъ порядкѣ: царь садится на тронѣ съ одной стороны залы, подле и неподалеку отъ него за четырехугольнымъ столомъ садится патриархъ съ митрополитами, епископами, нѣкоторыми представителями дворянскихъ фамилій царскаго совѣта и двумя секретарями, которые называются думными дьяками и назначаются для веденія дѣлъ. Всѣ остальные располагаются вокругъ на скамьяхъ, каждый по своему сану. Тогда одинъ изъ секретарей, который исполняетъ обязанность предсѣдателя, излагаетъ причину собранія и главные предметы, о которыхъ слѣдуетъ разсуждать. Что касается предложенія законовъ со стороны членовъ собранія, какъ это дѣлается въ Англии, то русская дума не имѣетъ такого обыкновенія, потому что этого права не признаютъ за подданными. Граждане и другіе представители народа не допускаются въ собраніе, потому что народъ въ Россіи признается только достойнымъ рабства и долженъ повиноваться, вмѣсто того, чтобы участвовать въ законодательствѣ или освѣдомиться въ общественныхъ дѣлахъ, прежде чѣмъ они будутъ рѣшены.

»Патріархъ и клиръ пользуются тою привилегією, что, послѣ предложенія вопросовъ, къ нимъ первымъ обращаются за подачею голоса насчетъ представленныхъ мѣръ. Каждый изъ нихъ отвѣчаетъ по порядку, смотря по своему сану, но всѣ одинаковымъ образомъ, какъ тѣ, которые заучили свой урокъ прежде, и повторяютъ одно и то же въ каждое собраніе, чтобы имъ ни предложили. Они обыкновенно говорятъ такъ: »Императоръ и его дума полны премудрости и опытности, какъ въ политикѣ такъ и въ дѣлахъ общественныхъ, и гораздо способнѣе судить о томъ, что полезно для государства, чѣмъ они, люди, занимающіеся только служеніемъ Богу и предметами религіи; а потому они предоставляютъ царю и его совѣту рѣшить дѣю. Вмѣсто же подачи своего мнѣнія—они будутъ содѣйствовать своими молитвами, какъ это повелѣваютъ имъ ихъ обязанности и ихъ званіе и т. д. И такъ говорили тѣ люди, которые, при всякомъ вмѣшательствѣ въ ихъ интересы, находили и средства и способъ не уступать и пяди въ своихъ требованіяхъ.... Но послушаемъ далѣе. »Когда каждый по очереди сдѣлаетъ подобный отвѣтъ, продолжаетъ Флетчеръ, тогда подымается какой нибудь архимандритъ или монахъ, болѣе смѣлый, чѣмъ другіе,—хотя эта рѣшимость вещь условная и простая форма,—онъ проситъ царя, чтобы онъ изволилъ скорѣе приказывать для того, чтобы они узнали каково мнѣніе и добрая воля его величества о предметахъ, предложенныхъ его дьякомъ. На это секретарь отвѣчаетъ отъ имени царя: »Его величество и благородные члены его совѣта *по здравому и серьезному разсмотрѣнію* нашли, что предложенныя мѣры очень благотѣльны и необходимы для блага государства. Но такъ какъ люди, посвятившіе себя религіи лучше знаютъ, что справедливо, то его величество проситъ ихъ одобренія и даже ихъ сужденія, чтобы одобрить или исправить означенныя предложенія. Поэтому онъ снова имъ приказываетъ свободно высказать свой взглядъ, *и если они одобрятъ, то онъ велитъ, чтобы ихъ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе*».

Кому много дается—отъ того много и потребуется. И такъ, на сколько понимали свое положеніе представители земли? А вотъ на сколько: »Два высшіе класса, говоритъ Флетчеръ, духовенство и дворянство, имѣющіе голосъ въ думѣ, устриваютъ дѣло такъ, чтобы отдѣлаться отъ всѣхъ тягостей и взвалить ихъ на спину простаго народа. Между тѣмъ здѣсь - то кажется и было лучшее мѣсто дѣятельности для тѣхъ горячихъ обличителей, которые съ такимъ рвеніемъ порицали

человѣческіе пороки. Вѣдь могли же они отстаивать свои имущества, а когда нужно было поддержать Годунова, то патріархъ Іовъ на соборѣ 1598 года осмѣлился и въ состояніи былъ своимъ авторитетомъ подавить голоса 473 человекъ. Такъ иногда измѣняются роли—и это ясный примѣръ того, какъ еще далеко отъ слова къ дѣлу, отъ обличенія къ исполненію. Можно учить добродѣтели и голоднаго, но не всякій согласится прежде самъ пройти его школу. Мало того, свѣтская власть, въ своихъ произвольныхъ требованіяхъ съ обѣднѣвшаго и разореннаго народа, даже опиралась на содѣйствіе этихъ представителей земскихъ интересовъ. «Соборъ, замѣчаетъ Флетчеръ, составляется, кромѣ совѣтниковъ царя, изъ небольшого числа епископовъ, архимандритовъ и монаховъ, собранныхъ на тотъ конецъ, чтобы извлечь побольше изъ народнаго суевѣрія, вопреки собственнымъ же выгодамъ народа, который находитъ священною и справедливою всякую мѣру, какова бы она ни была, благодаря вліянію епископовъ и клира» (Fletcher, I, гл. VIII, и стр. 65 и 135).

Изображеніе такого рабскаго отношенія къ власти членовъ думы нисколько не преувеличено Флетчеромъ. Маржеретъ выражается еще опредѣленнѣе. «Число членовъ государственной думы, говоритъ онъ, закономъ не ограничено: царь назначаетъ въ нее кого ему угодно. Въ случаѣ дѣлъ важныхъ, собирается тайный совѣтъ, обыкновенно изъ ближнихъ царскихъ родственниковъ. Для формы спрашиваютъ мнѣнія духовенства и приглашаютъ въ думу патріарха съ нѣкоторыми епископами; но въ самомъ дѣлѣ нѣтъ другаго закона или совѣта, кромѣ безпредѣльной воли государя. Онъ имѣетъ власть поражать всякаго огнемъ и мечомъ, невиннаго и виновнаго» (Записки Маржерета, стр. 265). Да и каковой защиты земскихъ интересовъ можно было ожидать отъ такихъ членовъ соборовъ, которые даже боялись войти во дворецъ царя «со страхомъ Бога видѣти» (Дневникъ Маскѣвича, стр. 57). Такимъ образомъ рабская покорность не нарушала обычнаго теченія дѣлъ; а сословный эгоизмъ заставлялъ заботиться только о томъ, чтобы свое было цѣло. Отдувался за все одинъ народъ. Кромѣ того, что могли придумать въ общественныхъ дѣлахъ такіе круглые невѣжи, каковы были члены боярскихъ родовъ, засѣдавшіе въ думѣ. «А иные бояре, говоритъ Котошихинъ, брады свои устава, ничего не отвѣчаютъ, потому что царь многихъ жалуетъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многие изъ нихъ грамотѣ не учены и не студеро-

ванны» (О Россіи, стр. 20). Неудивительно послѣ этого, если первый Самозванецъ смѣялся надъ своими сенаторами за то, что они долго ломали свои головы надъ такими дѣлами, которыя онъ разрѣшалъ въ минуту (Беръ, стр. 49). Общественные дѣятели этого рода, т. е. члены государственной думы, представители земли, и не считали нужнымъ прислушиваться къ заявленіямъ общественныхъ потребностей, на которыя брались указывать нѣкоторыя лица, потому что ихъ интересы не совпадали съ интересами народа. Эта-то ровнь и привела древнюю Русь къ экономическому банкротству...

»По окончаніи засѣданія, заключаетъ Флетчеръ, царь приглашаетъ членовъ кляра на великолѣпный обѣдъ«. Значить и въ то время выгодныя общественныя сдѣлки заѣдались и зашивались; и участвующіе конечно не задавали себѣ вопроса въ томъ, во имя кого или чего они торжествовали.... А на завтра, быть можетъ, новый налогъ грозилъ лечь на спину безучастнаго народа.

На Руси все шло по дѣдовскому обычаю, но общественное зло было уже слишкомъ рѣзко, чтобы еще тѣшиться имъ. Постоянно повторявшіяся нравственныя обличенія свидѣтельствуютъ о томъ, что это зло видѣли; съ другой стороны эти же частыя повторенія говорили о томъ, что они сами по себѣ ничтожны, что отъ слова къ дѣлу—не шагъ ступить. Въ связи съ такимъ положеніемъ дѣль, мы считаемъ необходимымъ снова указать на одну важную мысль Максима Грека, которая имѣетъ непосредственное отношеніе къ тѣмъ мѣрамъ, которыя были предложены другими общественными дѣятелями, такъ какъ и она касается состоянія общества. Онъ совѣтовалъ лицамъ, »хвалящимся своимъ благородіемъ и богатствомъ«, позаботиться о »словесномъ ученіи«, полагая что подъ вліяніемъ его они не только оставятъ свои пороки, излишнюю роскошь, страсть къ незаконнымъ прибыткамъ, но даже и другихъ »понудятъ« подражать себѣ въ нравственной жизни (Прав. Соб. 1862, октябрь, 180). Повторяемъ: »въ этихъ словахъ замѣчательно то, что въ наукѣ Максимъ Грекъ видѣлъ средство, которое должно было уничтожить въ русскомъ обществѣ пустоту и бессодержательность жизни, и которое должно было измѣнить и самый взглядъ на суще-



ствовавшія отношенія» (Максимъ Грекъ, вып. II, гл. X). Кроме того, онъ совѣтовалъ Василію Іоанновичу привлекать въ Россію иностранцевъ, которые могли бы приносить пользу государству (Прав. Соб. 1861, мартъ, 157). Конечно, желанія Максима, какъ и требованія другихъ общественныхъ дѣателей, которые именно понимали общественныя нужды, остались только желаніями.

Но если заявленія этихъ дѣателей потерпѣли неудачу потому, что встрѣтили противодѣйствіе въ сильнѣйшемъ направленіи, которое управляло ходомъ общественныхъ дѣлъ, то спрашивается: осуществима ли, по крайней мѣрѣ, была мысль Максима, и притомъ въ такой формѣ, какъ онъ ее высказалъ? Нѣтъ, она была неосуществима по той же самой причинѣ. »Епископы, лишеныя всякаго образованія, говорить Флетчеръ, слѣдятъ съ особенною заботою, чтобы образованіе не распространялось, боясь, чтобы ихъ невѣжество и ихъ нечестіе не были обнаружены. Съ этою цѣлью они увѣряютъ царя, что всякое новое знаніе, введенное въ государство, возбудитъ стремленіе къ новизнамъ и будетъ для него опасно... Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ царствованіе Ивана IV, одинъ образованный челоѣкъ принесъ изъ Польши въ Москву печатную машину и шрифтъ; къ большому удовольствію царя и на его счетъ была заведена типографія (1553). Но въ одну ночь домъ былъ сожженъ и машина и литеры сгорѣли. Думаютъ, прибавляетъ Флетчеръ, что это произошло по наущенію духовенства» (Fletcher, II, 90). А каковы были тогдашніе умственные руководители или учителя Руси, объ этомъ свидѣтельствуетъ Курбскій. »Я самъ отъ нихъ слыхалъ, говорить онъ, будучи еще въ русской землѣ, подъ державою Московскаго царя: прельщаютъ они юношей трудолюбивыхъ, желающихъ навывкнуть писанію, и говорятъ имъ: не читайте книгъ многихъ и указываютъ: вотъ этотъ отъ книгъ умъ потерялъ, а вотъ этотъ въ ересь впалъ» (Опис. рукоп. Рум. муз. 557). Вспомнимъ какое противодѣйствіе оказало духовенство, когда Борисъ Годуновъ вздумалъ вызвать изъ разныхъ странъ Европы просвѣщенныхъ иностранцевъ, а для изученія иностранныхъ языковъ хотѣлъ открыть особыя школы (Беръ, стр. 18).

Что же касается народа, замѣчаетъ Флетчеръ, то хотя онъ, кажется, довольно способенъ къ усвоенію всѣхъ наукъ, какъ объ этомъ можно судить по природному уму русскихъ и даже ихъ дѣтей, однако

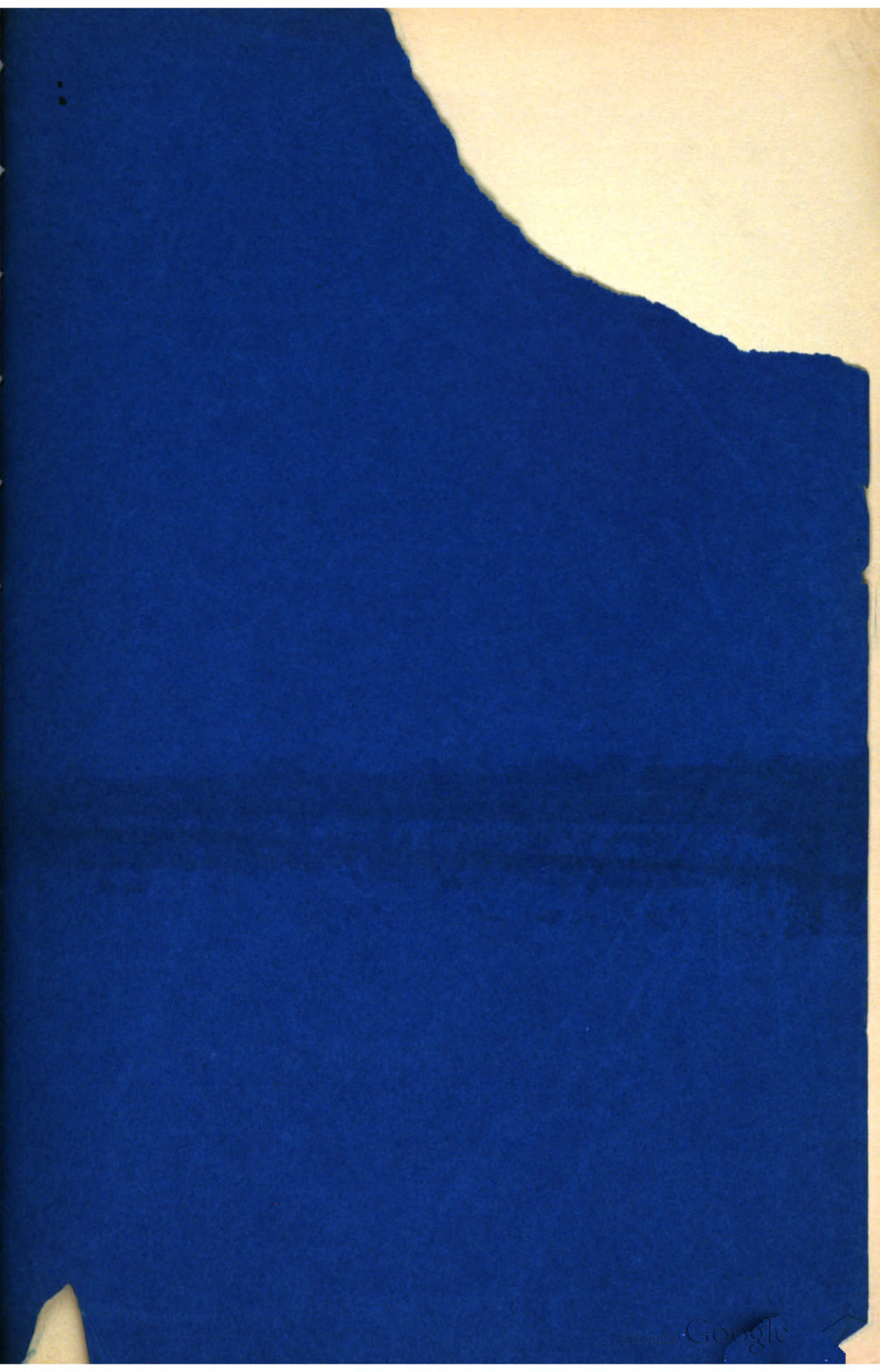
онъ не отличается ни въ какомъ ремеслѣ и еще болѣе какими-либо познаніями, отъ которыхъ его удаляютъ даже съ умысломъ.... Русскіе могли бы заимствовать это у поляковъ и у другихъ сосѣдей, но они, по своей грубости, избѣгаютъ ихъ, считая свои нравы лучшими (Fletcher, I, 140, II, 174). Блюстители народа зорко охраняли его національную чистоту, какъ-бы соединяя съ нею и свое значеніе, а правительство слѣдовало ихъ внушеніямъ. »Цари, говоритъ Флетчеръ, сопротивляются всему тому, что можетъ образовать народъ, и заботливо слѣдятъ, чтобы удалить всякій иностранный элементъ, который могъ бы измѣнить національные нравы«. Съ этою цѣлью были запрещены тогда путешествія, изъ боязни, чтобы русскіе подданные не научились чему нибудь и не видѣли нравовъ другихъ народовъ. Только нужды торговли по временамъ нарушали эту замкнутость. Но въ 1589 г. былъ поданъ проектъ, по которому всѣхъ иностранныхъ купцовъ слѣдовало выслать въ пограничные города, а на будущее время затруднить имъ доступъ внутрь страны. Это было сдѣлано изъ боязни вліянія ихъ нравовъ (Fletcher, II, 175, I, 141). А въ XVII вѣкѣ Котошихинъ замѣчаетъ, что московскіе люди потому порочны и грубы, что »для науки и нравовъ въ инныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ, боясь чтобы они, узнавъ ихъ вѣру и обычай, не начали бы свою вѣру отмѣнять и приставать къ другимъ«. Такъ все болѣе обводили Русь китайскою стѣною; ея представители какъ-будто желали скрыть отъ чужихъ глазъ домашній произволь и пороки, убаюкивая себя и другихъ какимъ-то священнымъ долгомъ. И долго все шло на Руси по разъ протертой дорожкѣ, на которой падали всѣ, кто только осмѣливался идти противъ общаго теченія; потому что ихъ считали непризванными къ руководительству обществомъ и карали, какъ похитителей чужой собственности. Но сами эти каратели не улучшили положенія его. Пали Максимъ, Вассіанъ, Башкинъ... ихъ общаго голоса не послушали, и народъ по прежнему бѣдствовалъ. Тотъ же Флетчеръ, глубоко изучившій русскій бытъ и состояніе русскаго общества XVI вѣка, по поводу бѣдственнаго положенія страны, замѣчаетъ: »это безнадежное состояніе Россіи привело къ тому, что народъ вообще желаетъ вторженія иностранцевъ« (Fletcher, I, 103). Печальное заключеніе! но весьма естественное послѣ всего того, что мы сказали въ III-й главѣ. И чѣмъ сильнѣе давили общество, тѣмъ болѣе скоплялось въ немъ такихъ элементовъ, которые, прорвавшись, могли унести въ своемъ теченіи все настоящее, что бы ни попа-

лось, и стереть его безъ слѣда. Бросимъ еще взглядъ назадъ, на положеніе русскаго общества въ разсматриваемую нами эпоху — и мы увидимъ, что въ немъ созрѣли уже именно тѣ элементы, которые такъ грозно разразились въ наступавшемъ смутномъ времени. Общество ждало только толчва, оно ждало даже иноземцевъ, и уже не какъ враговъ, но какъ спасителей; оно готовило расчетъ своимъ тиранамъ: первый Самозванецъ приближался.....



COLUMBIA  
UNIVERSITY  
LIBRARY

ALFONSO  
VICENTINI  
FRANCO





75

...на по-  
...и в мн-  
...которых  
Общество  
...







DATE DUE	DATE DUE
MAR 7 1984	
INTERLIBRARY LOAN - RLG	
<small>42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 PRINTED IN U.S.A.</small>	

# NEH

947.4 IK7  
 Ikonnikov  
 Russkie obshchestvennye deiateli

947.4 IK7

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES



00556666159

43306

